

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

На правах рукописи

Кан Синьюн

**ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ МОДИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ
АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В РУССКО-КИТАЙСКОМ И АНГЛО-КИТАЙСКОМ
ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
А.П. ЧЕХОВА И П.Г. ВУДХАУЗА**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Кушнина Людмила Вениаминовна

Пермь 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ.....	15
1.1 Антропонимическое пространство языка в пространстве культуры.....	15
1.1.1 Понятие ономастического пространства языка. Соотношение понятий: ономастика, антропонимика, имя собственное, антропоним	15
1.1.2 Эволюция и современное состояние русских, китайских, английских антропонимов.....	27
1.1.3 Антропоним как функционально-семантическая категория художественного дискурса	32
1.2 Антропонимическая метафора в языковой картине мира	35
1.2.1 Предпосылки и этапы становления теории когнитивной метафоры в лингвистике	35
1.2.2 Антропонимическая метафора как компонент метафорической картины мира	51
1.3 Модели антропонимической метафоры в дискурсе	63
1.3.1 Принципы лингвистического моделирования	63
1.3.2 Понятие метафорической модели в современной лингвистике.....	65
1.3.3 Говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя как продуктивные модели антропонимической метафоры в художественном тексте и дискурсе	69
Выводы к главе 1	85
2 ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ.....	88
2.1 Современные подходы к анализу дискурса	88
2.2 Характеристика юмористического дискурса в свете классических концепций.....	91
2.3 Современные воззрения ученых на юмористический дискурс.....	97
2.4 Антропонимическая метафора как когнитивный маркер комического в юмористическом дискурсе	103
2.5 Антропонимическая метафора в аспекте перевода.....	108
Выводы к главе 2.....	119
3 РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ТИПОЛОГИИ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ МОДИФИКАЦИИ МОДЕЛИ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКО-КИТАЙСКОМ И АНГЛО-КИТАЙСКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А.П. ЧЕХОВА И П.Г. ВУДХАУЗА.....	121
3.1 Задачи, процедура, материал анализа.....	121
3.2 Общая характеристика ономастического пространства юмористических рассказов А.П. Чехова	125
3.3 Общая характеристика ономастического пространства юмористической прозы Пэлама Грэнвилла Вудхауза.....	130

3.4 Понятие транскультурной модификации модели антропонимической метафоры.....	132
3.5 Выявление стратегий транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в юмористическом дискурсе	134
3.6 Разработка типологии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в русско-китайском и англо-китайском юмористическом дискурсе	137
3.7 Апробация типологии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры на материале русско-китайского и англо-русско-китайского юмористического дискурса А.П. Чехова и П. Г. Вудхауза	144
3.7.1 Транскультурная модификация модели говорящего имени	144
3.7.2 Транскультурная модификация модели прозвищного имени	157
3.7.3 Транскультурная модификация модели прецедентного имени	165
Выводы к главе 3.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	179
ПРИЛОЖЕНИЕ	194

Список сокращений

- АМ – антропонимическая метафора
- ИС – имя собственное
- ОМ – ономастическая метафора
- ГИ – говорящее имя
- ПИ – прецедентное имя
- ПриИ – прозвищное имя
- РЯ – русский язык
- АЯ – английский язык
- КЯ – китайский язык
- ЮД – юмористический дискурс

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено антропонимической метафоре, представленной говорящим именем, прозвищным именем, прецедентным именем в трех разносистемных языках: русском, английском, китайском. Являясь неотъемлемым компонентом ономастического пространства языка и культуры, антропонимическая метафора выступает универсальным когнитивным механизмом, регулирующим процессы метафорической экспансии и метафорического притяжения антропонимов в дискурсах оригинала и перевода.

Исследование антропонимической метафоры как функционально-семантической категории, как разновидности имен собственных уходит корнями вглубь веков. Начиная с работ древнеегипетских, древнегреческих, древнеримских, древнекитайских философов, имя собственное вызывало научные дискуссии, которые не прекращаются до сих пор ввиду сложности и загадочности этого феномена.

Современные исследователи определяют имя собственное как вершину номинации человека, представляющую собой речемыслительную деятельность, в основе которой лежат концептуально-логические или образные механизмы, среди которых особое место принадлежит метафоре. На метафорическую природу имени собственного указывал великий русский ученый М.В. Ломоносов, который подчеркивал, что имя собственное обладает возможностью быть и синекдохой, и метонимией, и метафорой. Эта идея послужила для нас отправной точкой изучения антропонимического метафорического пространства юмористического дискурса.

Во все времена процесс наименования человека выступал значимым фактором, отражающим менталитет народа, его национально-культурное сознание, аксиосферу определенной лингвокультурной общности. В художественном дискурсе антропонимическая метафора приобретает особую значимость, раскрывая национально-ценностные предпочтения автора,

идею произведения, облик его персонажей, сохраняя при этом его общеязыковые характеристики, соотносимые с культурой и историей определенного этноса.

Актуальность темы определяется совокупностью следующих факторов и предпосылок исследования. Начиная с трудов античных ученых (Платон, Аристотель, Квинтилиан и др.) по настоящее время, в поле внимания лингвистов находится имя собственное-антропоним, определяющее языковую и концептуальную картины мира каждого человека: П. Флоренский (1993), А.В. Суперанская (1969; 1973; 2012), Б.Д. Бондалетов (1983), О.В. Фонякова (1990), Н.В. Васильева (2005), В.В. Катермина (2016; 2020), Е.С. Плешков (2021) и др. Особое место в языковом и культурном пространстве занимает антропонимическая метафора как видовое понятие по отношению к ономастической метафоре как родовому понятию, обозначающему человека, индивида, как представителя определенной культуры и пользователя родным языком: Р.И. Воронцов (2012), Д.И. Ермолович (2001), А.А. Кудрявцева (2010) и др. Вместе с тем, в китайской лингвистической традиции, как одной из самых древних в мире, имя собственное-антропоним выступает особой семиотической и семантической сущностью, которая не нашла достаточного отражения в теории европейской ономастики: Е.А. Хамаева (2019) и др.

Современная ментальная парадигма опирается на исследования метафоры в триаде: дискурс – мышление – общение. Несмотря на возрастающий интерес к анализу когнитивной метафоры, являющейся универсальным механизмом языка, исследуемым как зарубежными (Дж. Лакофф, М. Джонсон 1990), (Дж. Лакофф, М. Тернер 1989), (М. Блэк 1990), Э. Кассирер (1999), М. Минский (1988) и др.), так и отечественными учеными (В.Н. Телия 1989), (Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова 1998, 2013 и др.), (А.П. Чудинов (2001), вопросы функционирования ономастических и антропонимических метафорических моделей в переводном дискурсе не получили достаточного освещения. Согласно авторам теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффу и

М. Джонсону, «суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах другого вида» [Лакофф 1990: 27]. В широком смысле, с позиций когнитивной науки, метафора позволяет представить объект в терминах другого объекта посредством переноса качеств из «области-источника» в «область-мишень», в результате которого формируется образ. При этом метафорика вступает во взаимодействие с антропонимикой. Так создаются новые образы, которые занимают особое положение в языке и образуют самостоятельный класс в виде антропонимической метафоры, вплетенной в поле художественного текста и художественного дискурса. В нашей работе мы исследуем три понятийные области метафорической модели: говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя, метафорический статус которых доказан предыдущими исследователями, и мы опираемся на этот факт как данность.

Российские ученые трактуют метафору как проявление интуитивного чувства сходства в мышлении и поведении человека, как умение естественного языка извлекать значение из образа, увидеть то сырье, из которого возникает значение слова [Арутюнова 1999].

Европейское, российское и ориентальное переводоведение постулирует определенные принципы перевода имен собственных; среди отечественных исследователей закономерности перевода имен собственных представлены наиболее полно в работах Д.И. Ермоловича [Ермолович 2001]. Вместе с тем, перевод антропонимической метафоры до сих пор четко не определен, хаотичен, разнороден, отсутствуют единые требования и критерии качественного перевода. В этом нам видится **актуальность** предпринятого исследования.

Исследование антропонимической метафоры проводится в рамках юмористического дискурса. Вслед за В.И. Карасиком, мы трактуем юмористический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2018: 895]. Теория комического, особенности русского, британского, китайского юмора явились предметом изучения М.М. Бахтина, С.С. Аверинцева, Л.В. Бородиной, Л.В. Карасева, В.И. Карасика

Б. Дземидока, З. Фрейда, М. Минского, В.Я. Проппа, Б. Раскина, П.В. Середы, А.А. Проскуриной и др., но поиск путей достижения комического эффекта не прекращается. Вместе с тем, наблюдается недостаточная изученность трансляции метафорических смыслов при передаче антропонимической метафоры в переводном дискурсе, не показано их влияние на трансляцию эффекта комического, не описана аксиологическая доминанта перевода антропонимической метафоры, не исследован метафорический потенциал русско-китайских и англо-китайских антропонимов в художественном дискурсе, что также характеризует **актуальность** данной работы. Выявленные противоречия позволили сформулировать тему исследования: «Транскультурная модификация модели антропонимической метафоры в русско-китайском и англо-китайском юмористическом дискурсе А.П. Чехова и П.Г. Вудхауза».

Актуальность исследования обусловлена также обращением к китайскому языку как языку целевой культуры, на который переводятся тексты с русского и с английского языков. Несмотря на то, что современное китайское языкознание является наследником традиций древней китайской филологии, появившейся задолго до нашей эры, его теоретические основы были заложены лишь в середине XX века, когда китайские ученые смогли опираться на достижения европейского языкознания. Многие теоретические проблемы до сих пор остаются дискуссионными ввиду существенных расхождений, как в структуре наших языков, так и в менталитете народов. И если метафоричность - общее свойство человеческого интеллекта, то изучение переводческих метафорических преобразований с русского и с английского языков на китайский позволит лучше понять и юмористический дискурс, и речь, и язык, и культуру каждого народа.

В настоящем исследовании предпринята попытка изучить модель антропонимической метафоры, в которой источником метафоризации является имя собственное-антропоним. В центре нашего исследования - подвиды модели антропонимической метафоры, представленные говорящим именем,

прецедентным именем, прозвищным именем, а также их модификации в процессе перевода.

Антропонимическая метафора понимается в работе как речевая реализация культурно значимого имени собственного (говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени), аккумулирующая систему национально обусловленных ценностей, образов, ассоциаций, выражающих метафорические смыслы и представленных в метафорической картине мира.

Объектом исследования является модель антропонимической метафоры, представленная такими ее подвидами как говорящее имя, прецедентное имя, прозвищное имя, которые формируют антропонимическое когнитивное пространство художественного юмористического дискурса.

Предмет исследования – транскультурная модификация модели антропонимической метафоры в когнитивном пространстве художественного юмористического дискурса.

Цель исследования – выявить типы транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в русско-китайском и англо-китайском художественном юмористическом дискурсе.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие ономастического и антропонимического пространства языка; охарактеризовать особенности русского, английского, китайского ономастиконов; описать специфику художественной ономастики, выявить роль антропонимической метафоры в метафорической картине мира;
2. Охарактеризовать особенности юмористического дискурса с учетом современных подходов к анализу дискурса;
3. Выполнить обзор концепций когнитивной метафоры; изучить понятие метафорической модели, рассмотреть антропонимические метафорические модели, представленные говорящими именами, прозвищными именами, прецедентными именами; выявить типы метафорической модели в дискурсе оригинала и определить способы их перевода

4. Разработать и апробировать типологию транскультурной модификации моделей говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени в русско-китайском и англо-китайском юмористическом дискурсе.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы**: описательный, сопоставительный, моделирование, прием сплошной выборки, дефиниционный анализ, интерпретационный анализ, лингвопереводческий анализ, построение таблиц и диаграмм; **и подходы исследования**: антропоцентрический, культурно-ориентированный, когнитивный, дискурсивный, синергетический.

Методологическим основанием исследования является синергетическая концепция переводческого пространства Л.В. Кушниной, согласно которой критерием качественного перевода антропонимической метафоры выступает категория гармонии, соответственно, некачественный перевод обозначен как дисгармоничный; промежуточное положение занимают категории эквивалентности и адекватности.

Гипотеза исследования базируется на предположении о том, что в ономастическом пространстве юмористического дискурса, где когнитивным маркером комического является модель антропонимической метафоры, в переводном дискурсе происходит ее транскультурная модификация, которая определяет характер юмористического эффекта.

Эмпирический материал исследования представлен юмористическими рассказами русского писателя Антона Павловича Чехова (1860–1904) и их переводами на китайский язык, а также юмористическими романами британского писателя Пэлама Грэнвилла Вудхауза (1881–1970) и их переводами на русский и китайский языки, при этом русский язык являлся фоновым, а китайский язык – целевым.

Единицей исследования стала антропонимическая метафора как когнитивный маркер комического, выраженная говорящим именем, прецедентным именем, прозвищным именем на русском, английском, китайском

языках. Если для русского и английского языков единицей анализа является лексема, то для китайского языка – иероглиф.

Релевантная для исследования выборка составила 270 текстовых фрагментов на русском языке в юмористических рассказах А.П. Чехова и их эквивалентов на китайском языке и 180 текстовых фрагментов на английском языке в юмористических романах П.Г. Вудхауза их эквивалентов на русском и китайском языках. Таким образом, **общий объем** проанализированного материала составил 1080 фрагментов текста на трех языках: русском, английском, китайском. Хронологические рамки исследуемого материала охватывают более столетия, так как оригиналы исследуемых произведений были созданы в начале XX века (А.П. Чехов) и в течение XX века (П.Г. Вудхауз), а их переводы с русского и с английского языков на китайский осуществляются до сих пор.

Теоретическая и методологическая база исследования представлена следующими работами:

– по теории имени собственного (В.Д. Бондалетов, Н.В. Васильева, Д.И. Ермолович, В.В. Катермина, Е. Курилович, Н.В. Подольская, Е.С. Плешков, А.В. Суперанская, О.И. Фонякова П.А. Флоренский, Л.М. Щетинин и др.);

– по теории смеховой культуры и юмористического дискурса (С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, А.В. Бородина, Б. Дземидок, З.В. Демидова, Л.В. Карасев, В.И. Карасик, М. Минский, В.Я. Пропп, А.А. Проскурина Б. Раскин, П.В. Середа, и др.);

– по теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Белозерова, Э. Бенвенист, М.П. Котюрова, Т. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, П. Серио, М. Фуко, В.Е. Чернявская и др.);

– по теории текста (В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, М.П. Котюрова, Л.Н. Мурзин, А.И. Новиков, А.С. Штерн и др.);

– по теории когнитивной метафоры и метафорических моделей (Л.М. Алексеева, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, М. Джонсон,

С.Л. Мишланова, З.Д. Попова, П. Рикер, Т.Г. Скребцова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов, М. Turner, G. Fauconnier и др.);

– по теории ономастической и антропонимической метафоры (О.С. Боярских, Р.И.Воронцов, С.Л. Васильева, П.И. Костомаров, И.Э. Ратникова, Г.Г. Слышкин и др.);

– по теории перевода (И.С. Алексеева, Л.М. Алексеева, Т.А. Волкова, В.Н. Комиссаров, Н.К. Гарбовский, Д.И. Ермолович, Л.В. Кушнина, А.Г. Минченков, Т.Г. Пшенкина, И.Н. Ремхе, Я.И. Рецкер, Н.К. Рябцева, В.В. Сдобников, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер, М.Е. Шнейдер, G. Delisle, K. Nord, M. Lederer, M. Panchon Idalgo, 文军, 胡庆洪, 刘建中, 谢天振, 辛全民, 王华树, 李德凤, 李丽青, 马祖毅 и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В ономастическом пространстве художественного юмористического дискурса литературные антропонимы как культурно значимые имена собственные приобретают черты антропонимической метафоры, уникальные образы которой формируют метафорическую картину мира языковой личности. Антропонимическая метафора представляет собой речевую реализацию культурно значимого имени собственного, аккумулирующего систему универсально и национально обусловленных ценностей, образов, ассоциаций, выражающих метафорические смыслы и представленных в метафорической картине мира автора.

2. Антропонимическая метафора оригинала, представленная говорящим именем, прецедентным именем, прозвищным именем, может быть исследована в лингвокультурном, когнитивном, дискурсивном аспектах. В лингвокультурном аспекте метафорический смысл говорящего имени передается с помощью семантически прозрачных имен, содержащих аллюзии, ассоциации, фонетическую игру; метафорический смысл прецедентного имени передается национально-прецедентными и универсально-прецедентными именами; метафорический смысл прозвищного имени передается прозвищами с факультативной, имплицитной, эксплицитной, дина-

мической образностью, что определяет тип исходной метафорической модели. В когнитивном аспекте антропонимическая метафора, реализующая слияние узуального и контекстуального значений, выражает, преимущественно, юмористическую интенцию автора (говорящее имя), юмористическую тональность (прецедентное имя), юмористические стереотипы смехового поведения (прозвищное имя). В дискурсивном аспекте антропонимическая метафора выполняет юмористическую функцию.

3. В результате ментальных и речевых действий переводчика в переводческом пространстве происходит процесс транскультурной модификации исходной модели антропонимической метафоры, что может быть представлено следующими типами:

– **полная реметафоризация**, обусловленная прямой передачей метафорических смыслов в тексте перевода, что приводит к порождению новой метафоричности, что мы признаем гармоничным;

– **частичная реметафоризация**, обусловленная косвенной передачей метафорических смыслов в создаваемом переводчиком метатексте/метапереводе, позволяющем частично воссоздать метафоричность, что мы признаем эквивалентным;

– **нейтрализация метафоры**, характеризующаяся передачей метафорического образа в звуковом облике слова, являющегося экзотичным для иноязычного реципиента, что влечет за собой ослабление метафорических смыслов, что мы признаем адекватным.

– **деметафоризация**, понимаемая как переводческая ошибка, приводящая к исчезновению метафорических смыслов, что мы признаем дисгармоничным.

4. В зависимости от типа транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, соотносимого с гармоничным, эквивалентным, адекватным, дисгармоничным переводом, реализуется соответствующий прагматический – юмористический эффект. При гармоничном переводе происходит синергетическое приращение культурно значимых смыслов и

воссоздание юмористического эффекта оригинала, при эквивалентном переводе имеет место частичное воссоздание юмористического эффекта; при адекватном переводе происходит нейтрализация юмористического эффекта; при дисгармоничном переводе юмористический эффект исчезает.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) введено понятие «транскультурная модификация модели антропонимической метафоры», которое анализируется на примере моделей говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени;

2) выявлен и описан лингвокогнитивный механизм транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в переводном юмористическом дискурсе, раскрывающий синергетическую природу процесса реметафоризации, что обуславливает воссоздание юмористического эффекта и успешное восприятие переводного дискурса принимающей культурой;

3) впервые проанализирован процесс транспонирования метафорических смыслов говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени на материале славянского (русского), германского (английского) и сино-тибетского (китайского) языков.

Теоретическая значимость работы состоит в реализации антропоцентрического подхода к анализу когнитивной антропонимической метафоры в русской, британской, китайской лингвокультурах; в выявлении синергетической природы порождения гармоничного антропонима в переводческом пространстве, что обуславливает воссоздание юмористического эффекта в принимающей культуре; в описании когнитивных переводческих стратегий при передаче антропонимической метафоры из дискурса оригинала в дискурс перевода.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования в университетских курсах по теории когнитивной метафоры, ономастике, антропонимике, теории юмористического дискурса, а также в лингводидактике при обучении русскому, китайскому, английскому языкам как иностранным.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика в части следующих пунктов: 20. Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. 29. Ономастика.

Апробация работы была осуществлена в ходе обучения в очной аспирантуре при кафедре иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, в участии в международных научных конференциях в университетах Перми (ПНИПУ, ПГНИУ), Новосибирска (НГТУ), Краснодара (КГУ), Орла (ОГУ), Москвы (МГУ). Основные положения и результаты работы отражены в 9 публикациях, в том числе, четыре статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ: Вестник Удмуртского университета (2021, 2023), Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология (2022), «Политическая лингвистика» (2023).

Структура работы определена целью и задачами исследования.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, содержащего 200 наименований на русском и иностранных языках, списка цитируемых источников, приложений. Основной текст диссертации изложен на 193 страницах. Общий объем работы составляет 217 страниц.

1 ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

1.1 Антропонимическое пространство языка в пространстве культуры

1.1.1 Понятие ономастического пространства языка. Соотношение понятий: ономастика, антропонимика, имя собственное, антропоним

Ономастическое пространство языка изучается самостоятельной наукой – ономастикой, которая, с одной стороны, принадлежит лингвистике и входит в нее как составная часть, с другой стороны, включает в себя компоненты смежных гуманитарных дисциплин: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории перевода, синергетической лингвистики и др.

Термин «ономастика» – греческого происхождения (*onomastike*) обозначает «искусство давать имена». Единицами анализа в ономастике являются имена собственные или онимы. По своим грамматическим свойствам и функциональным признакам имена собственные составляют отдельную группу имен существительных (*nomen proprium*) и противопоставлены именам нарицательным (*nomen appellativum*). Личные имена людей со всеми их вариантами в речи, а также с отчествами, фамилиями, прозвищами, псевдонимами, обозначенные как антропонимы, входят в ономастическое пространство языка и изучаются антропонимикой. Наряду с антропонимикой, ономастика изучает топонимы, хрононимы, урбанонимы и др. Предметом нашего рассмотрения являются личные имена собственные-антропонимы, которые, в результате смыслового варьирования в художественном тексте, приобрели дополнительные метафорические смыслы, что в ономастике обозначено как ономастическая метафора, а в антропонимике – как антропонимическая метафора.

В исследованиях ономастов четко разграничивают два типа антропонимов: общенациональные и литературные. Их характерные признаки описаны Ю.А. Карпенко. К первому типу относятся имена собственные (далее –

ИС), которые объективно существуют в языке, они первичны по своей природе, строго исторически детерминированы. ИС второго типа субъективны, т.к. они выбраны или созданы автором художественного произведения; они вторичны. При этом возможны переходы общенациональных и общезыковых антропонимов в литературные и наоборот [Карпенко 1986]. В работе мы будем изучать литературные антропонимы или поэтонимы, функционирующие в художественных юмористических текстах.

Расцвет теоретической ономастики произошел в середине XX века, но дискуссии об онтологии и функциях ИС продолжаются до сих пор. Нет единства даже в названии дисциплины, которая занимается изучением ИС: это и ономастика, и антропонимика, и имя наречение.

В самом широком смысле ИС понимаются как особый тип словесных знаков, универсальная функционально-семантическая категория имени существительного. При этом поясняется, что любая часть речи в процессе субстантивации может приобрести статус имени собственного. Согласно определению Н.В. Подольской, «имя собственное – это слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1999: 473].

Этимология русскоязычного термина «имя собственное» восходит к древнерусским словам: «рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование». В православии имя связано с образом святых, является духовной ценностью и обладает ментальным бытием [Топоров 1991].

В китайской научной традиции ИС изучалось в течение многих веков с позиций философии и логики, а не с позиций лингвистики. Что касается китайской лингвистики, по утверждению Е.А. Хамаевой, термин *имя собственное* понимается как *специальное, особое существительное*, при этом китайские ИС отличаются принципиальной инаковостью по отношению к европейским ИС. Китайское ИС отражает мифологические традиции ханьцев, т.е. одного этноса, а не всей нации, так как в стране насчитывается более 50

национальностей: «ханьцы – наиболее многочисленная этническая группа Китая и мира, в русском языке традиционно именуемая как китайцы» [Хамаева 2020: 10]. Отличительной особенностью китайских ИС является то, что в течение тысячелетий они сохраняли связь с мифологией, не испытывали влияния других языков и культур, что помогло им сохранить прозрачную семантику, которая остается закрытой для других языков и обычно непереводаема [Хамаева 2020].

Как показал анализ литературы, китайская антропонимика существенно отличается от европейской. В монографии Е.А. Хамаевой «Китайские антропонимы» выявлены ключевые отличия китайских антропонимов. Они заключаются в следующем. Во-первых, невозможно по формальным морфологическим признакам определить наличие ИС: они не пишутся с заглавной буквы и не имеют словообразовательной парадигмы. Во-вторых, любое сочетание иероглифов может стать ИС. В-третьих, существуют два характерных признака ИС: изолирующий грамматический строй и идеографическое письмо. В связи с этим некоторые ученые не признают существование ИС как самостоятельной категории. Вместе с тем, современные синологи отмечают тенденцию к признанию объективного существования ИС как самостоятельных единиц анализа. Синологи подчеркивают, что антропонимическая модель имеет строгую структуру: односоставная фамилия и двусоставное имя, которые представляют собой корневые морфемы. В китайском языковом сознании имя собственное рассматривается в связи с мифологическими представлениями, и их характеристики не укладываются в шаблон европейской антропонимической системы. Они отражают особенности духовной и материальной культуры народа: выбор имени является сложным процессом, определяемым объективными и субъективными факторами. Изучая эволюцию китайских антропонимов, Е.А. Хамаева подчеркивает, что «исторический отрывок их существования велик и составляет несколько тысячелетий» [Хамаева 2020: 131]. При этом «динамика исторических событий, происходивших в Китае на протяжении нескольких тысячелетий,

находила отражение в семантике антропонимов...» [Хамаева 2020: 143]. Культ древности и сохранение традиционных ценностей народа отразился на традициях наименования. Так, например, этические ценности представлены в следующих семантических группах имен: гуманность, скромность, простота, целомудрие, патриотизм: выражая свою любовь к родине, родители дают детям имена, в которых содержатся следующие единицы: спокойный, тихий благополучный, безопасный, границы, территория и др. [Хамаева 2020].

В целом в китайской антропонимической традиции широко представлена философия имени.

В нашей работе мы анализировали китайские антропонимы, которые не являются исконными китайскими именами и фамилиями, но являются результатом перевода с русского и с английского языков на китайский, так как в центре нашего исследования – динамика антропонимической метафоры в процессе ее транспонирования из одной лингвокультуры в другую.

В качестве исходной лингвокультуры мы используем русскую и британскую, а в качестве целевой лингвокультуры в работе изучается только китайская. Иными словами, мы изучаем, во-первых, антропонимическую метафору на русском языке как языке оригинала и на китайском языке как языке перевода. Во-вторых, мы изучаем антропонимическую метафору на английском языке как языке оригинала и на китайском языке как языке перевода. Заметим, что в нашей работе англоязычная метафора сравнивается не только с китайской, но и с русской, что расширяет диапазон анализа. Но русский перевод выполняет вспомогательную роль. Акцент сделан на англо-китайских соответствиях.

Современные ученые единодушны в том, что ИС, будучи частью истории и культуры народа, несет культуроведческую информацию, не читаемую другой культурой, поэтому оно способно быть маркером иноязычной лингвокультуры. Это суждение является основополагающим для нашего исследо-

вания, посвященного ИС как компоненту художественного текста русской, британской, китайской лингвокультур.

В рамках проводимого нами исследования наибольшую значимость приобретает изучение литературных имен, которые образуют ономастикон художественного текста, а также их передача на другие языки, т.е. межъязыковой и межкультурный ономастикон. Непосредственный интерес представляет функционирование смысловых имен собственных, которые приобретают метафорические смыслы, что вызывает особые трудности при их переводе.

В российской лингвистике существует богатая традиция изучения ИС, которая восходит к трудам А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, О.И. Фоняковой Д.И. Ермоловича, В.В. Катерминой, Н.В. Васильевой и др. Рассмотрим, как эти ученые описывают ономастическое пространство языка.

А.В. Суперанская пишет: «Все многообразие вещей реальных, мнимых и гипотетических составляет то первичное, данное извне или созданное человеком, для обозначения чего необходимы названия: нарицательные как обобщающие и собственные как выделяющие индивидуальные предметы, заслуживающие особо пристального внимания человека» [Суперанская 2012: 140]. Ученый отмечает, что первая классификация ИС принадлежит Аристотелю. Понятие «ономастическое пространство» впервые употребил В.Н. Топоров [Топоров 1991].

По мнению А.В. Суперанской, ономастическое пространство разделяется на следующие компоненты: имена реальных предметов, имена вымышленных предметов, имена гипотетических предметов. В связи с тем, что в нашей работе будут проанализированы ИС художественных текстов, необходимо опираться на следующие положения ученого: «Имена в художественных произведениях занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов, потому что а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, музыканта, но не обязательно существуют в действительности, б) они создаются по моделям

имен реальных или нереальных предметов с учетом принадлежности их к определенному ономастическому полю» [Суперанская 2012: 148].

Таким образом, согласно воззрениям А.В. Суперанской, можно представить ономастическое пространство как некий континуум, который по-разному заполняется разными народами в различные исторические эпохи, и который складывается из совокупности полей с подвижными размытыми границами ввиду наличия плавных переходов имен из одной категории в другую. Как поясняет ученый, ономастическое пространство формируется совокупностью различных факторов, таких как географическая среда, биологические факторы, общественная жизнь, мода, культура. Мы считаем, что особую роль в имяназвании как компоненте ономастического пространства, играет культура. Согласно определению Ю.М. Лотмана, «культура – сумма ненаследственной информации... эта информация вводится в человека и человеческие коллективы» [Лотман 2004: 417]. Культура представляется Ю.М. Лотману как сложный и многофакторный механизм: «Она обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и способна сама регулировать и усложнять собственное строение» [Лотман 2004: 424]. Очевидно, любые культурные новшества могут найти отражение в ономастике, и наоборот, устаревшие в данной культуре онимы исчезают из культуры. Можно сказать, что культура выступает индикатором функционирования антропонима.

Возвращаясь к исследованиям А.В. Суперанской, обратимся к вопросу о границе ономастической номинации – ономастическому пространству: «... имя получает каждый человек в любой цивилизации» [Суперанская 2012: 103]. При этом ИС в русском языке не имеют сопряженных с ним глагола или наречия. Но участие тех или иных частей речи в формировании ИС зависит от свойств языка, что мы покажем в третьей главе.

Ономастическая лексика является предметом специального рассмотрения О.И. Фоняковой [Фонякова 1990]. Ученый акцентирует внимание на взаимодействии общенародного литературного языка и индивидуально-речевого творчества писателя, признавая литературные антропонимы важным и орга-

ничным элементом художественного текста. Изучая говорящие имена и прозвища, О.И. Фонякова подчеркивает их семантическую двуплановость, при которой этимологическое значение основы накладывается на соответствующую ономастическую номинацию, что позволяет писателю глубже раскрыть суть персонажа.

Проблема ономастического пространства подвергается анализу в работах В.В. Катерминой [Катермина 2016; 2020]. Ученый изучает личные имена собственные (далее – ЛИС) в структуре социума. ЛИС является и национальным, и социальным знаком, что позволяет отнести его к определенной ономастической сфере, включающей в себя экстралингвистический компонент, т.е. условия существования имени в обществе, культурно-исторические ассоциации, степень известности объекта и его имени. Ученый вводит понятие «национальное поле имени», которое можно соотнести с ономастическим пространством.

В.В. Катермина развивает идеи о значимости культуры в понимании ономастического пространства языка: «...Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре» [Катермина 2016: 28]. Ученый приходит к выводу о том, что «...изучение единиц номинации в контексте культуры – благодатная почва для выявления и описания тех языковых средств и способов, которые воплощают в них культурно значимые смыслы, придавая им тем самым функцию знаков языка культуры. Выступая в этой роли, единицы номинации формируют культурное самосознание народа – носителя языка» [Катермина 2016: 37]. Таким образом, мы считаем, что, связанное с культурным пространством, ономастическое пространство формирует культурные смыслы. В нашей работе будут проанализированы метафорические смыслы ИС как компоненты культурных смыслов, формирующих ономастическое пространство языка.

В своих работах В.В. Катермина анализирует соотношение ономастического пространства с другими параметрами, характеризующими функцио-

нирование ИС в тексте, в частности, с позиций синтагматики и парадигматики. В парадигматическом измерении ономастическое пространство соотносится с макрополем текста, где вычленяются также отдельные группы ИС и их варианты, что определяется как ономастические микрополя. В синтагматическом измерении речь идет о способах внесения ИС в контекст произведения, а также о связи ИС с другими ИС, т.е. о совокупности употреблений и окружения каждого ИС. Как поясняет автор, речь идет о «...способах включения ИС в контекст, связи с другими личными именами собственными [Катермина 2020: 33].

В антропонимике существует понятие антропонимической нормы, согласно которой в выборе имени отражается общественный и индивидуальный вкусы той или иной эпохи, того или иного этноса, что позволяет говорить о престижности и привлекательности отдельных имен собственных.

Существенный вклад в современную теорию имени собственного внесла Н.В. Васильева, которая продолжает лучшие традиции российской ономастики, заложенные А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и др. [Васильева 2005]. Ученый обращает внимание на фасцинирующую функцию имени и акцентирует внимание на том, что происходит с собственным именем в тексте, а именно, как оно вводится текст, как продвигается по тексту, как выводится из текста. С позиций нашего исследования важна идея о том, что имя индуцирует определенные эффекты. В нашей работе речь идет о юмористическом эффекте антропонима, выраженном антропонимической метафорой. Для понимания сущности антропонима автором были введены такие понятия как ономастическая информация, формула имени, микротекстология имени, макротекстология имени.

Под ономастической информацией понимается комплекс знаний о собственном имени, значимых как для отдельного носителя имени, так и для данного лингвокультурного сообщества. Что касается формулы имени, она трактуется как микротекст, т.е. компонентный состав имени, несущий онома-

стическую информацию. При этом подчеркивается, что формула способна к вариативности и обладает свойствами культурно-языковой и когнитивной закреплённости.

Формула имени бывает различной в разные эпохи и в разных лингвокультурах. Согласно наблюдениям Н.В. Васильевой, в Древнем Риме для мужчин существовала трехкомпонентная формула имени, включающая преномен (личное имя) номен (имя рода) и когномен (имя, передаваемое по наследству). Автор подробно исследует полную формулу русского имени, включающую в себя три компонента: фамилию, имя, отчество, при доминировании фамилии. Согласно утверждениям Н.В. Васильевой, «формула имени, с одной стороны, представляет собой номинативную структуру, с другой стороны, выступает хранителем культурной информации об индивиду: эти две стороны русской формулы имени определяют ее прагматическую специфику и позволяют ей не только выполнять положенную функцию идентификации и индивидуализации, но и успешно участвовать в стилистической игре в тексте» [Васильева 2005: 18]. Н.В. Васильева утверждает, что без проприальной лексики словарный состав языка не существует.

Мы обратились к работам, раскрывающим формулу имени в китайском и английском языках.

В Китае собственное имя состоит из односложной фамилии и из двух односложных морфем. Например, собственное имя автора данной работы включает односложную фамилию Кан и двусложное личное имя Синьюнь.

В Великобритании преобладает двухкомпонентная формула имени. Первый компонент обозначает христианское или первое имя (Christian name, first name). Например, *Jack, William, Agatha*. Второй компонент обозначает последнее имя (surname, last name). Например, *Jack London*. Вместе с тем, в английском языке возможны второй и третий компоненты. Например, *Agatha Mary Clarissa Christie*. Но подобные собственные имена используются редко, преимущественно, в официальных документах.

Подчеркнем, что мы исследуем в работе литературные собственные имена, в частности, антропонимическую метафору, которая редко включает в себя полную форму имени. Так, говорящие имена представлены в юмористических рассказах одним компонентом – говорящими фамилиями; прецедентные имена могут содержать и личное имя, и фамилию; прозвищные имена могут не содержать ни одного компонента формулы имени, так как прозвищное имя способно заменить любой компонент формулы.

Наряду с лингвистическими, известны психологические и психолингвистические характеристики ИС, которые выявляются в ходе ассоциативных экспериментов. Так, А.А. Степанова и Д.В. Маховиков исследуют антропонимические маркеры ИС, соотносимые с возрастными, гендерными, социальными параметрами, которые влияют на поведение человека. В художественном тексте ИС персонажа отражает его принадлежность к тому или иному типу.

В работах Ли Чэньчэнь, Е.А. Хамаевой, Н.Ю. Гузеевой обсуждается современное состояние китайской ономастики. ИС выполняют в языке две основные функции: индивидуализирующую и идентифицирующую. При этом «китайские антропонимы наряду с перечисленными обладают и другими важными функциями» [Хамаева 2020: 12]. Эти функции учитывают как объективные (время, место рождения, погода при рождении), так и субъективные (внешность и темперамент ребенка) факторы. Законы ономастики закреплены в каждом языке, они образуют свой ономастикон. Так, в китайском языке список фамилий ограничен, в то время как репертуар имен не ограничен. Китайцы отдают предпочтение благозвучным именам с позитивной семантикой. В течение жизни китайцы меняют ИС, которое отражает эволюционные этапы развития личности, социальный онтогенез.

Е.А. Хамаева изучает современное состояние китайской ономастической терминологии. Автор подчеркивает, что ономастика восточных языков почти не изучена. Вместе с тем, существует древняя уникальная ономастическая традиция, что вызывает серьезные трудности при переводе. Ученый так

определяет антропонимическую модель китайского ИС: на первом месте стоит фамилия или наследственное имя, а за ним следует индивидуальное имя. В древнем Китае прозвища и псевдонимы выбирались носителями языка, а имя определяли родители.

Глубокий анализ английских антропонимов представлен в работе О.А. Леонович «В мире английских имен» [Леонович 2002]. Исследуя художественный антропонимикон, автор подчеркивает, что английские писатели не только способствовали популяризации некоторых личных имен, но и создавали их. Так, У. Шекспир создал такие имена как: *Silvia, Celia, Julia, Juliet, Jesica, Ophelia, Viola*. Ученый отмечает, что фантазия творцов имен необозрима. В настоящее время родители тщательно выбирают имя ребенку в зависимости от различных факторов: благозвучия, религии, ассоциаций, принадлежности к социальной группе, моды и др.

М.С. Ковалева изучает английские антропонимы, акцентируя внимание на лексикографическом представлении [Ковалева 2015]. Автор обращает внимание на то, что английские имена собственные, будучи именами существительными, обладают лишь некоторыми грамматическими категориями, а лексическое значение также отличается от имен нарицательных. В целом антропонимы являются сложным, древним, противоречивым явлением, обладающим прагматическим потенциалом. В нашей работе исследуется характер комического – юмористического эффекта как отражение прагматического потенциала художественных антропонимов.

Н.Ю. Гузеева изучает ономастику китайской народной сказки. Ученый подчеркивает, что в фольклоре отражена генетическая память этноса. Ономастика сказки является социокультурным феноменом. Само слово «сказка» переводится на китайский язык как «гуши» (故事), что означает «древнее дело, быль». В китайских сказках предпочтение отдается героям с мужскими именами, что отражает уважение по отношению к мужчинам в обществе.

Н.А. Полякова исследует английскую поэтическую ономастику сквозь призму понятия «филологическая топология» [Полякова 2009]. Автор выявляет конституирующие параметры, отличающие функционирование ИС в произведениях различной жанровой принадлежности. Поэтическая ономастика трактуется в работе как «...полная совокупность ИС в художественной литературе с учетом принципов их создания, стиля, функционирования в тексте, восприятия читателем, а также мировоззрения и эстетических установок автора» [Полякова 2009: 15].

Проблема функционирования имен собственных привлекает внимание современных лингвистов. Назовем работу Е.С. Плешкова, построенную на материале музыкальной субкультуры, использующей номены и химические термины для названия песен и музыкальных групп [Плешков 2021].

Таким образом, ономастическое пространство языка широко обсуждается учеными-ономастами. Оно представляет собой определенный континуум культурно-исторической информации, в котором отражаются общественные и индивидуальные предпочтения этноса и эпохи.

В нашей работе мы ограничимся антропонимическим пространством, которое формирует антропонимическое поле в ономастическом пространстве художественного дискурса, так как нас интересуют только имена собственные-антропонимы, которые представляют различные стороны жизни человека как носителя имени. Следующее ограничение касается антропонимов, используемых или созданных намеренно в художественном тексте и художественном дискурсе, которые образуют лишь часть антропонимикона народа и не обязательно входят в общенациональный ономастикон. Подчеркнем, что большинство авторов не разграничивают ономастическое и антропонимическое пространство языка, в связи с чем, рассуждая об антропонимах, относят их к ономастическому пространству. Мы рассматриваем эти два понятия как родо-видовые, где ономастикон является родовым понятием по отношению к антропонимикону как видовому понятию.

1.1.2 Эволюция и современное состояние русских, китайских, английских антропонимов

Повышенный интерес к национально-специфической идентичности антропонимов обусловлен тем, что они не только обладают способностью именовать, выделять, различать, но и несут определенную семантическую нагрузку, которая становится особенно зримой при сопоставлении специфических языковых знаков, представляющих имена собственные в различных культурах.

В рамках данного параграфа рассмотрим русские, китайские, английские антропонимы в сопоставительном аспекте. Ономастическое, в частности, антропонимическое пространство русского языка неоднократно становилось предметом обсуждения и изучения. В работах А.В. Суперанской показана тесная связь развития антропонимии с географической средой, с биологическими факторами, с культурой, с общественной жизнью, с модой и др. Для русской антропонимии важно соблюдение национального ряда, т.е. чтобы русский человек звался традиционным русским именем. Существуют традиционные семейные ряды, т.е. апробированные в традициях семьи имена. Существует также специфика регионального ономастического ряда.

Первые сведения о древнерусской антропонимической системе появились в XI веке, когда дьяк Иван отправил князю Святославу «Избранник», в котором объяснял антропонимические заимствования из греческого языка. Начиная с XVI века, издавались Азбуковники, которые являлись своего рода энциклопедией имен собственных. Научный статус ономастика приобрела в 1930 г., ее развитие связано с именами И.И. Срезневского, А.А. Потебни, С.Б. Веселовского, А.М. Селищева, В.К. Чичагова и др.

В XVII-XVIII веках официальные записи включали следующие явления: личное имя, указание на родственные отношения, индивидуальное прозвище или фамилия, место происхождения, профессия или занятие. Например, «москвитин Истомка Феованов сын, прозвище Лобюза». В рус-

ской культуре человеку дается одно имя, но оно имеет множество вариантов. В древности на Руси имя ребенку давал священник во время обряда крещения. Большинство русских имен имеют латинские или греческие корни. Но есть и исконно русские, славянские имена, обладающие прозрачной внутренней формой и мотивированностью. Например, *Владимир* – владеющий миром.

В настоящее время в России существует официально принятая система «имя + отчество + фамилия», но в речи эта система подвижна и вариативна.

Известно, что ономастическая система китайского языка формировалась в течение тысячелетий в тесной связи с китайской мифологией, которая продолжает оказывать существенное влияние на процессы имянаречения. Ономастические традиции касаются китайского этноса, а не китайской нации, состоящей из 50 национальностей.

Выше мы упоминали результаты исследований Е.А. Хамаевой, которые мы положили в основу нашего понимания данного феномена [Хамаева 2020]. Китайские имена собственные обладают особым признаком, выделяющим их из всех других систем антропонимикона и ономастикона. Их отличает инаковость, обусловленная как внутриязыковыми, так и внеязыковыми факторами. Речь идет о культурных, психологических, исторических факторах. «Личное имя для китайца – это не просто знак идентификации, а нечто гораздо большее, один из важнейших способов гармонизации человека и окружающего мира, одна из нитей, которая их связывает» [Хамаева 2020: 127].

В отличие от европейских ИС в китайском языке мотивированным является имя, а фамилия – немотивированным компонентом антропонима. Это означает, что набор фамилий ограничен, их не более 12 тысяч в китайском языке, в то время как набор имен неограничен, но обусловлен множеством самых разнообразных факторов. Наиболее распространенными являются пять фамилий: Ли (李), Лю (刘), Ван (王), Чжан (张), Чжао (赵),

Формула онама дискретна: он состоит из фамилии и имени. Имена отличаются прозрачной семантикой и богатым содержанием. Например, *Чжоу Энлай* (周恩来) означает «добро приходит».

Наибольшее значение в процессе номинации китайцев имеет, по мнению Е.А. Хамаевой, космологический фактор, который, в сочетании с такими факторами как благозвучие, мода, семейные традиции и религиозные обычаи, становится определяющим при выборе имени.

Ученый поясняет, что в китайском языке существует возможность выразить ИС метафорически. Китайцы отличаются трепетным отношением к имени. Традиционно имя подбирается человеку индивидуально, так как готовых имен не существует. Они стремятся создать гармоничное имя, энергия которого соразмерна с энергией космоса, что благотворно влияет на судьбу человека. Китайцы стремятся соблюсти правила равномерного распределения звуков и тонов в имени. Например, формула родового имени предполагает, что все представители одного поколения имеют повторяющийся элемент: 康会祥, 康会杰, 康会健

Сопоставление русских и китайских имен представлено в работе Гопин Лю, автор которой подчеркивает идею о том, что имя – это зеркало национальных обычаев и культурно-художественных ценностей [Гопин Лю 2018]. Согласно древней китайской традиции, в течение жизни человеку дается несколько имен: молочное имя (乳名 儿 жу минэр), взрослое или школьное имя (大名 дамин, 小名 сюэмин), чиновничье имя (官名 гуаньмин), посмертное имя (谥号 шихао). Большое значение в китайской культуре придается гендерному фактору. При составлении имени мальчика из разных иероглифов родители подбирали имена со значениями мужества, ума, силы, богатства. При составлении имени девочки они выбирали имена со значениями красоты, изящества, доброты. В настоящее время в Китае многие традиции имяназвания исчезают, младенцам сразу дают взрослое имя.

Если среди европейских ученых не прекращаются дискуссии о том, обладает ли имя понятийностью или не обладает, семанлично оно или асеманлично, то в китайской ономастике утвердилось мнение о том, что имя всегда семанлично. Исходя из такой позиции китайских ученых и носителей китайского языка, придающих большое значение имени человека, ясно, что перевод ИС с китайского языка и на китайский язык представляет существенные трудности. Переводчикам необходимо учитывать то богатое содержание ИС, которое вкладывают в него китайцы как в повседневной жизни, так и в художественном творчестве, чтобы отразить все его экспрессивно-образные и экспрессивно-оценочные свойства.

В совместном исследовании китайских и русских ученых Ян Хуэй, Чжан Юй, М.С. Соловьевой показана национально-культурная семантика русских и китайских антропонимов [Ян 2017]. Рассматривая ономастическое пространство как модель мира в сознании народа, они считают, что онимы являются своего рода накопителем внеязыковой информации, создавая уникальный «банк данных» в национально-культурной парадигме.

Общим для всех антропонимов является наличие личного и фамильного имени, но порядок их следования разный: если в азиатских культурах фамилия всегда предшествует имени (*Мао Цзедун*), то в славянских и западноевропейских культурах личное имя и патронимическое имя предшествуют фамилии (*Лев Николаевич Толстой*). Что касается происхождения и семантики антропонимов, в китайском языке большинство имен имеют исконное происхождение и их семантика прозрачна. В русском языке большинство имен имеет латинские, греческие, древнееврейские корни. Для китайцев важно само имя и его этимология, для русских особое значение имеют культурные коннотации. Что касается исконных имен, существуют общие закономерности их образования в русском и китайском языках. Так, известны номинации, связанные с животными (*Лун – дракон, Ху – тигр, Лю – бык, Зверев, Медведев, Волков* и др.); с растительностью (*Линь – лес, Сун – сосна, Розов,*

Деревянных); со стихиями (*Фэн – ветер, Солнцев*). В русском языке имена часто дают в честь родственников, что в Китае является табу.

Расхождения культурных характеристик русских и китайских имен вызывают трудности их перевода с одного языка на другой. Но межъязыковое общение требует глубинного осмысления онимов в коммуникации.

Историческому пути развития английских антропонимов посвящено исследование Е.В. Курицкой, которая акцентирует внимание на том, что история и происхождение личных имен отражают историю нации [Курицкая 2017]. Термин личное имя имеет в английском языке следующие эквиваленты: *first name, Christian name, baptismal name, personal name, given name*. Английские антропонимы имеют двуименную структуру: собственное личное имя и фамилия, или индивидуальный антропоним и групповой антропоним. Большинство личных имен образовано от названий предметов (*Daisy – маргаритка, Amber – янтарь*), либо являются заимствованиями из других европейских языков. В основе многих современных фамилий лежат прозвища, которые в XII-XIII в.в. записывались в свидетельство о рождении вместе с именем (*Brag – хвастун, Bully – задира, Fatt – упитанный, Pelly – лысый, Buther – пуговичный мастер, Smith – кузнец* и др.). Как отмечает автор статьи, от поколения к поколению популярность имен меняется. В наши дни распространены фамилии: *Adamson, Brown, Erickson, Evans, Ford*.

Что касается перевода антропонимов, система принимающего языка обычно перерабатывает и адаптирует их, вызывая изменения на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, семантическом: «Личные имена редко остаются в своем первоначальном виде при переводе из одного языка в другой» [Курицкая 2017: 96].

Проблеме английских антропонимов посвящено диссертационное исследование М.С. Ковалевой [Ковалева 2015]. Как утверждает автор, английские антропонимы, являясь именами существительными, не обладают в полной мере всеми грамматическими категориями этой части речи, а их лексическое значение существенно отличается от значения имени нарицательного.

К числу антропонимов относятся: личное имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка. Наибольшее значение имеет личное имя, которое, будучи необходимым атрибутом существования человека, служит для его идентификации.

Важно подчеркнуть, что в каждой лингвокультуре ИС имеют общепринятую формулу, которая проявляется и в художественном дискурсе, так как имя персонажа содержит информацию о национальности, возрасте, социальной принадлежности, а также об эстетической позиции автора и культуре среды, к которой принадлежит персонаж.

1.1.3 Антропоним как функционально-семантическая категория художественного дискурса

Как показал анализ литературы, пространство художественного произведения создает новые условия существования и функционирования онимов, видоизменяя их функции, придавая им новые семантические свойства, раскрывая их смысловой потенциал, усиливая их прагматические возможности.

Проблемы национального ономастикона русского языка наиболее подробно освещены А.В. Суперанской, которая косвенно касается формирования и функционирования антропонимикона художественного текста. Автор подчеркивает социальность, историчность, мотивированность, которые свойственны всем ИС, независимо от сферы их употребления.

Признавая вторичный характер ИС по отношению к первичному характеру имен нарицательных, ученый разграничивает метафоричные ИС и неметафоричные ИС, что особенно важно для нашего исследования. Так, если ономастическая номинация употреблена не в основном апеллятивном значении, а в переносном, это не означает, что она метафорична, так как в основе метафоры должен лежать образ, вследствие чего «метафоры можно разгадывать» [Суперанская 2012: 243]. Более того, если ИС обязаны своим происхождением метафоре, метонимии, синекдохе, это не означает, что они

сохраняют эти свойства для всех реальных носителей этих имен. Иными словами, метафоричность ИС, которая могла быть в процессе первичного наименования, теряется: «...затем, когда имя уже давно и употребляется в качестве такового, образ, положенный в его основу, мало кого интересует, а носящий это имя предмет может быть полной противоположностью того образа, который когда-то послужил мотивировкой имени» [Суперанская 2012: 244]. Автор приводит такие примеры: именем Лев можно назвать и тщедушного юношу, именем Рыжий можно назвать и поседевшего человека [Суперанская 2012].

Очевидно, что ИС художественного текста либо создаются на базе имен нарицательных, либо воспроизводят ИС национального языка в соответствии с закономерностями, сложившимися социально-культурными, историческими традициями, а также по существующим в данном языке словообразовательным моделям. При этом они отвечают замыслу автора художественного текста, решая определенные художественные задачи, что позволяет им удовлетворять как собственно языковым, так и неязыковым целям. Выбирая или создавая ИС, автор дает соответствующую характеристику персонажа, характеризуя его внешний и внутренний мир, создавая тем самым новые языковые и неязыковые ассоциации, которые расширяют ономастическое пространство художественного текста, а в некоторых случаях, и ономастическое пространство языка, что мы попытаемся показать на примере метафорических ИС.

Если в общелингвистическом аспекте ИС обладают тремя ведущими функциями: индивидуализирующей, идентифицирующей, дифференцирующей, то в художественном тексте/дискурсе они становятся маркерами конкретной лингвокультуры, выполняя при этом стилистическую функцию. Об этом свойстве ИС пишет китайский исследователь Ли Чэньчэнь, которая сравнивает функционирование русскоязычных и синоязычных ИС в аспекте билингвизма [Ли 2012].

В современной лингвистике утвердилось мнение, что в художественном тексте ИС порождают языковые ассоциации, которые служат неязыковым целям. Об этом пишет О.И. Фонякова. Автор художественного текста соотносит ИС не только с национальными образами, что естественно, но показывает черты персонажа. Например, *Плюшкин*, *Коробочка* и др. [Фонякова 1990].

Исследования в области функционирования ИС в художественном тексте проводятся В.В. Катерминой [Катермина 2016; 2020]. Ученый выявляет следующие характерные черты ИС в художественном тексте: «отбор ИС отражает языковые, несобственно языковые, неязыковые пристрастия автора и является произвольным...; ИС является значимой деталью текста и выступает текстообразующим фактором; выбор ИС отражает национально-специфические, общекультурные, групповые, индивидуально-специфические свойства языковой личности номинатора...; в тексте кроме ИС и его ономастикона входят другие ИС как компоненты вертикального контекста, как видоизменные концепты...; отбор, частотность использования имен-концептов характеризует тезаурусный фонд, находящийся в сознании автора» [Катермина 2020: 35].

В.В. Катермина приходит к выводу, что ИС обладает определенной актуализацией в любом художественном тексте: «в литературном произведении ИС выполняет ведущую роль в создании семантической композиции» [Катермина 2020: 32]. В результате, как поясняет В.В. Катермина, ИС как обобщенно-художественный знак получает символизирующую значимость.

Мы считаем, что именно в тексте ИС приобретает особую понятийность, которую, осознанно или неосознанно, задает писатель, а в переводном дискурсе сознательно и целенаправленно эта понятийность транслируется переводчиком.

По наблюдениям О.И. Фоняковой, понятийность ИС реализуется как в синтагматическом, так и в парадигматическом аспектах. Парадигматика ха-

рактируется исследователем как сумма всех отношений каждого ИС к остальным ИС, а синтагматика определяется совокупностью употреблений и окружений ИС в контексте. Можно сказать, что ономастическое пространство художественного текста актуализируется в процессе установления синтагматических и парадигматических отношений всех входящих в него онимов, что создает ономастикон художественного дискурса.

Так мы приходим к выводу, что актуализирующая функция имени собственного становится доминирующей в художественном дискурсе. Задача переводчика видится в реактуализации имени в принимающей лингвокультуре, что является наиболее сложным при контакте европейских и азиатских языков и культур, и что будет проанализировано в третьей главе нашей работы.

Завершая обзор работ, посвященных ИС в художественном тексте, напомним идею Ю. Тынянова о том, что в художественном произведении нет неговорящих имена, все имена говорят. Эта идея позволяет позитивно решить традиционный спор лингвистов о том, имеют ли ИС лексическое значение, можно ли их рассматривать как единицы, обладающие понятийностью или не обладающие понятийностью. Все ИС в художественном тексте понятийны, они обладают и предметно-денотативным, и сигнификативным, и коннотативным, и прагматическим значениями.

1.2 Антропонимическая метафора в языковой картине мира

1.2.1 Предпосылки и этапы становления теории когнитивной метафоры в лингвистике

Метафора является одним из наиболее древних и, в то же время, одним из наиболее актуальных лингвистических феноменов, которые привлекают внимание ученых разных стран и научных школ.

Историография метафоры восходит к античности и связана с именами Платона, Аристотеля, Квинтилиана, Цицерона и др., трактовавшими ее как вид тропа, как сжатое сравнение.

Классическая теория метафоры рассматривает ее сначала как риторический феномен, способствующий украшению речи, затем как важнейший инструмент мыслительной и языковой деятельности, обладающий эвристическим потенциалом: от метафоры как способа эстетического украшения речи ученые пришли к пониманию метафоры как вербализованного приема мышления о мире, как одного из механизмов познания мира. Согласно современным представлениям о метафоре, место метафоры не в языке, а в новом значении, которое возникает, когда мы осмысливаем один концепт, менее знакомый, в терминах другого концепта, более знакомого.

Метафора рассматривается современными учеными как языковое явление, отображающее когнитивные процессы. Это объясняется тем, что основную роль в жизни играют не формализованные процедуры индукции и дедукции, а процесс аналогии. Но, как известно, в основе аналогии лежит перенос знаний из одной содержательной области в другую, что лежит и в основе метафоры, являющейся отражением аналоговых процессов.

Как подчеркивает А.Н. Баранов, расширительное толкование метафоры позволяет рассматривать ее как когнитивный феномен, позволяющий осмысливать сущность одной понятийной области в терминах другой понятийной области, которая от нее существенно отличается [Баранов 2006]. Метафорическое осмысление основывается на результатах жизненного опыта личности, в результате чего в языковом сознании происходит взаимодействие двух структур знаний: новых, неизвестных, формируемых как область-цель и старых, известных, находящихся в области-источнике. Так осуществляется процесс метафорической проекции и зарождение метафоры. Метафора является частью мыслительной деятельности человека.

Зарождение теории метафоры

С позиций когнитивизма ученые выделяют три этапа в становлении теории метафоры: докогнитивный, когнитивный, посткогнитивный (или междисциплинарный).

Первый этап относят к эпохе Аристотеля. Второй этап связан с именами создателей теории концептуальной метафоры М. Блэка, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, когда метафору рассматривали как познавательный процесс, в ходе которого устанавливаются соответствия между двумя концептуальными областями. В настоящее время мы находимся на этапе посткогнитивизма, когда метафора рассматривается как интегративный феномен, включающий лингвистический, концептуальный, коммуникативный уровни (Л.М. Алексеева, А.Н. Баранов, С.Л. Мишланова, А.П. Чудинов и др.).

Более двух тысячелетий назад древнегреческий мыслитель Аристотель изложил свое представление о метафоре, которое не подвергается сомнению, а лишь находит новые толкования и разъяснения. «Переносное слово (metaphora) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1984: 669]. Пример переноса с рода на вид: «Вот и корабль мой стоит» ... ибо «стоять на якоре» есть частный случай «стоять» вообще» [там же].

Вслед за Аристотелем метафору изучали Квинтилиан, Цицерон и другие античные философы. Первоначально метафора рассматривалась как вид тропа, как эстетическое украшение речи, и являлась предметом изучения в античной риторике. Идея перенесения свойств одного предмета на другой по принципу сходства или контраста положила начало самостоятельному направлению исследований – метафорологии, которая является, так называемым, зонтичным термином, и в настоящее время включает в себя такие направления как политическая метафорология, терминологическая метафорология, медицинская метафорология, дискурсивная метафорология и др.

Становление и развитие теории когнитивной метафоры

Доминирующей парадигмой в исследовании метафоры на когнитивном этапе является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, разработанная американскими исследователями в конце XX века. Являясь методологической основой современной теории метафоры, данная концепция

заслуживает подробного освещения. Вместе с тем, программный труд ученых «Метафоры, которыми мы живем», впервые опубликованный на русском языке в 1990г., нашел отклик в многочисленных исследованиях.

Известно, что само понятие когнитивной метафоры было введено М. Блэком, который впервые рассмотрел метафору как процесс мыслительной деятельности. Ученый доказал, что возникновение метафоры обусловлено взаимодействием двух ассоциативных систем: обозначаемого метафоры и ее образного средства, в результате которого обозначаемое получает новое метафорическое название

Дж. Лакофф и М. Джонсон начинают свои рассуждения с того, что обычно метафора соотносится с миром слов, тогда как в действительности она соотносится с миром мышления и действия. Они исходят из идеи о том, что наша обычная понятийная система метафорична по своей сути: понятия, управляющие нашим мышлением, не ограничиваются сферой интеллекта, но простираются и на повседневную деятельность. Благодаря языку мы получаем доступ к метафоре, при этом и мышление, и опыт, и повседневная деятельность обусловлены метафорой. В целом метафорические понятия упорядочивают наши действия. Например, метафора *time is money* (время – деньги) содержит в себе смысл ценности времени в нашей жизни, что отражено в таких высказываниях как *thank you for your time* (спасибо вам за потраченное время»). Важно, что для разных культур ценность времени будет различной, поэтому выражения, свойственные одним языкам, не характерны для других языков, что обуславливает порождение в каждом языке несходных метафор. Иными словами, метафоры, как языковые выражения, существуют лишь потому, что они представлены в понятийной системе человека. Наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий каждой конкретной культуры. Ученые видят сущность метафоры в том, что осмысление и переживание явлений одного рода происходит в терминах явлений другого рода. Иными словами, метафора выступает механизмом структурирования поня-

тийной системы человека. Ученые описывают структуру процесса метафоризации, в котором вычлениают домен-источник и целевой домен. Например, домен *осязание* передает значение домена *чувство*, что выражено в понятии эмпатия. Так, в результате метафоризации глагол *трогать*, который содержит в своем значении сему *прикоснуться*, приобретает сему *вызвать сочувствие, сострадание* [Лакофф 1990]. В целом метафора структурирует наше восприятие, мышление, деятельность.

Исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона заложило основы когнитивной теории метафоры. Ученые впервые в мировой лингвистике объяснили суть процесса метафоризации, основанного на взаимодействии двух структур знаний: когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели. Как поясняет А.Н. Баранов, который написал предисловие к русскоязычному изданию этой работы, в процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, что равноценно метафорической проекции или когнитивному отображению. Следы метафорической проекции отражаются в семантике текста и предложения в виде метафорического следствия. Кроме того, имеет место явление профилирования, когда происходит высвечивание отдельных свойств источника в области цели. Важнейшим выводом данной теории является то, что метафоризация фиксирует не только языковые, но и культурные традиции народа, порождая метафорику соответствующего дискурса. Обеспечивая понимание в рамках одной культуры, метафора должна быть нацелена на взаимопонимание, как в межличностной, так и в межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Таким образом, когнитивная метафора является одной из форм концептуализации когнитивных процессов, которая выражает и формирует новые понятия, и без которой невозможно получение нового знания, так как метафора выступает как своего рода мостик от знакомого к незнакомому, от очевидного к менее очевидному. В разных лингвокультурах одни и те же мыслительные пространства кодируются с помощью разных когнитивных

метафор, что вызывает трудности вторичной номинации и вторичной метафоризации в переводном дискурсе, т.е. в процессе ее актуализации в новой языковой и культурной среде.

Одной из первых в российской лингвистике начала заниматься метафорой Н.Д. Арутюнова, которая отмечала, что в основе порождения метафоры лежит интуитивное чувство сходства в сознании человека, которое определяет его практическое мышление и повседневное речевое поведение. По мнению ученого, в метафоре заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира и индивидуального, необычного, поэтому метафора связана с художественным поэтическим мировидением и мировосприятием. Если метафорический образ возникает в сознании человека, он обуславливает возникновение значения того слова, в котором этот образ находит отражение. Иными словами, поясняет ученый, естественный язык извлекает значения из образа, поэтому изучение метафоры позволяет «увидеть сырье», из которого делается значение слова [Арутюнова 2004].

В.Н. Телия исследует роль метафоризации в создании языковой картины мира и признает метафору продуктивным средством вторичного наименования в создании языковой картины мира. Метафора окрашивает мир в соответствии с национально-культурной традицией, создавая национально-культурные цвета [Телия 1998]. Ученый подчеркивает антропоцентричность метафоры, что связано с соизмеримостью универсума и понятиями человеком образами, заключенными в метафоре. Ученый так описывает механизм порождения метафоры: на основе сходства некоторых признаков реалии уже названные в языке и называемой реалии синтезируются под идеальный объект – метафорически осмысленное значение слова. Это означает, что метафора обеспечивает рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы, создавая тем самым мощное ассоциативное поле. Механизм порождения метафоры В.Н. Телия представляет как реализацию говорящим трех последовательных мыслительных действий: 1) замысел, намерение, цель; 2) допусти-

мое подобие; 3) соединение новых признаков и формирование нового концепта на основе ассоциативных компонентов. Иными словами, сначала автор формулирует цель: создать и обосновать новое понятие, опираясь на различные ассоциации: культурные, рациональные, эмоциональные и др. Затем устанавливается отношение подобия нового понятия с ранее существующими и происходит фокусировка. Завершающим этапом является фильтрация, предполагающая соединение новых признаков со старым значением и формирование нового понятия [Телия 1988].

В.А. Маслова определяет метафору как образно-мотивированное слово, как средство познания, когда новый концепт, который постигается путем сопоставления со старым, известным. Происхождение метафоры ученый объясняет так: это сравнение, в котором разум, под влиянием тенденции сблизить абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове. Метафора является универсалией человеческого сознания [Маслова 2008].

Исследование когнитивной метафоры содержится в работе О.В. Ереминой, которая расценивает метафору как одно из наиболее продуктивных средств вторичной номинации, являющейся своего рода «ключом» к пониманию и интерпретации речи, при этом «метафоричность процесса мышления определяет творческий характер процесса мышления» [Еремина 2017: 68].

В работе В.П. Новиковой подчеркивается значимость теории метафоры в современной когнитивистике [Новикова 2016]. В самом широком смысле, метафора определяется как ментальная операция, способ познания, концептуализации, оценки, объяснения мироустройства: «в основе когнитивной метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы» [Новикова 2016: 141]. Автор развивает идею о том, что в понятийной системе человека заложены концептуальные метафоры, которые структурируют восприятие, мышление, деятельность человека. Но самое главное – метафора является не только способом мышления, а механизмом порождения смыслов.

Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, «репрезентация окружающего мира в сознании человека и в языке во многом метафорична, и на этом основан и этим преимущественно обусловлен принцип антропоцентричности языка и всего человеческого сознания» [Болдырев 2014: 42]. Так ученый объясняет метафорическую интерпретацию отношений человека с окружающим миром в процессе его познавательной активности. В рамках нашего исследования важно, что метафоричность имени в художественном тексте как результат лингвокреативности автора юмористического текста, в полной мере согласуется с принципом антропоцентричности, создавая свою систему оценок, мнений, ценностей, которые воплощаются в оригинальной антропонимической метафоре.

Исследование метафоры предполагает изучение сферы-источника и сферы-мишени. В работе Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Метафора в политическом интердискурсе» показаны условия метафорической экспансии [Будаев, Чудинов 2006]. Авторы вычленяют семантические и когнитивные сферы-источники и сферы мишени (тематические, семантические, ментальные поля). Политическая метафорика так объясняется учеными: «Человек моделирует политическую реальность по своему подобию, что позволяет метафорически представлять сложные и далекие от повседневности политические понятия как простые и хорошо известные реалии» [Будаев, Чудинов 2006: 119]. Как поясняют ученые, этот процесс обладает национальной специфичностью, т.к. в центре метафорической экспансии оказываются феномены, привлекательные для соответствующего социума. Это означает, что политическая метафорика различна в разных странах с различным политическим режимом. Как подчеркивают авторы работы, в качестве основополагающей позиции выступает «...положение о соответствии метафорической картины мира национальной ментальности и культурным традициям соответствующего народа» [Будаев, Чудинов 2006: 149].

А.П. Чудинов метафорично описывает природу метафоры в работе «Россия в метафорическом зеркале» [Чудинов 2001]. Размышляя о природе

метафоры, ученый трактует ее как совокупность взаимодействующих между собой трех зеркал. В первом зеркале мы видим ментальный мир человека, его сознание, особенности его социального восприятия. Во втором зеркале мы наблюдаем, как отражаются взгляды человека в понятийной сфере источнике, т.е. в первичных значениях языковых единиц, выступающих источником метафорической экспансии. В третьем зеркале отражаются представления человека о понятийной сфере, к которой направлена метафорическая экспансия, т.е. вторичные – метафорические – значения языковых единиц.

Как видим, метафора зеркала послужила основанием объяснения природы когнитивной метафоры, представленной А.П. Чудиновым. Свою концепцию ученый выстраивает на теории значения как основания теории регулярной многозначности. Представляя значение как поле, имеющее центр и периферию, автор вычленяет в семантической структуре многозначного слова первичные (производящие) и вторичные (производные) значения, т.е. метафоры. А.П. Чудинов предлагает следующее определение метафоры: «Метафора – это не образное средство, связывающее два значения, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использования потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов 2001: 37]. В данной работе содержится также понятие метафорической модели и методика анализа метафорической модели. Она построена на выявлении ключевых признаков метафоры и включает следующие признаки:

1. Исходная понятийная модель, которая может быть обозначена другими терминами: ментальная сфера-источник, сфера-донор, источник метафорической экспансии. Данная семантическая сфера охватывает модель слова в первичном значении.

2. Новая понятийная область, которая может быть обозначена терминами: ментальная сфера-мишень, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии. Данная семантическая сфера охватывает модель слова в переносном значении.

3. Типовые сценарии, которые отражают характерные для понятийной сферы последовательности ситуаций.
4. Относящиеся к данной сфере модели фреймов.
5. Относящиеся к данной сфере типовые слоты как элементы ситуации.
6. Компоненты, связывающие первичные и вторичные значения, дающие основания для метафорического использования концепта [Чудинов 2001].

Общий принцип метафоризации заложен в метафорическом моделировании. Метафорическая модель трактуется учеными как существующие или складывающиеся в сознании носителя языка схемы связи между понятийными сферами, отношения между ними, но не с позиций прямого отождествления, а с позиций уподобления, аналогии. Так, система фреймов или слотов одной ментальной сферы (сферы источника) служит основой для моделирования другой ментальной сферы (сферы-мишени). Это творческая деятельность человека в ее языковой репрезентации. В широком смысле, метафора – это не производство сложных единиц из простых, а переработка нового знания в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. Метафора представляет собой языковое явление, отражающее когнитивный процесс.

Понятие метафорической модели является основополагающим в нашей работе. Изучая модель антропонимической метафоры, мы изучаем ее разновидности в виде говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, которые реализуют свой юмористический потенциал в художественном дискурсе оригинала. Нам необходимо проследить, насколько эта модель сохраняет свою метафоричность при переводе с русского и с английского языков на китайский. В соответствии с этим можно констатировать воссоздание метафоричности – реметафоризацию, или наоборот, исчезновение метафоричности – деметафоризацию, а также воссоздание или исчезновение юмористического эффекта в переводном дискурсе.

Метафорические модели отличаются открытостью, они могут быть далее развернуты. Метафорическая модель заложена в системе человеческого

разума, это своего рода схемы того, как человек думает и действует. Именно поэтому, изучая метафору, мы изучаем человеческий разум.

Пермская школа метафоры

В рамках проводимого нами исследования особую значимость приобретают концепции метафоры, соотносящие процесс метафоризации с динамикой языка, с ее текстопорождающими свойствами и дискурсопорождающими характеристиками.

Здесь необходимо обратиться к Пермской школе метафоры, основания которой были заложены Л.Н. Мурзиным в 1970-х годах прошлого века. Как подчеркивают его ученики и последователи, Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова, в своей работе «Синтаксическая деривация», опубликованной в 1974 г. Л.Н. Мурзин раскрыл механизм метафоры, который он трактовал как аналог текстопорождения. И это открытие было сделано до появления теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, но история распорядилась иначе [Алексеева 2016].

Л.Н. Мурзин описывает природу метафоры в деривационном аспекте: «В основе метафоры лежит контаминация двух предложений. Особенность метафоризации определяется типом оператора: используется оператор сравнения, получающий в результирующем предложении семантическое выражение. Рассмотрим контаминацию предложений: *Облака передвигаются по небу. Люди гонятся друг за другом.* Их контаминация со словами *как будто* дает сложноподчиненное предложение: *Облака передвигаются по небу, как будто люди гонятся друг за другом.* Преобразование такого предложения в простое есть механизм образования метафоры» [Мурзин 1984: 49]. Далее дается объяснение данного механизма, в котором различают два этапа: совмещение проб синтаксически тождественных компонентов и устранение лишних компонентов. В результате этих процессов мы имеем такое предложение: *Облака гонятся друг за другом по небу.* Метафора опирается не только на контаминацию, но также на компрессию и конверсию. Ученый приходит к выводу, что метафоризация – сложнейший процесс, кото-

рый раскрывает проявления семантической деривации в процессе текстопо-
рождения.

Идеи Л.Н. Мурзина нашли отражение в работе Т.В. Симашко и М.Н. Литвиновой [Симашко 1993]. Авторы исследуют деривационную природу метафоры, подчеркивая, что «... живую метафору следует связывать не с изменением значения слова, а с поиском выражаемого ею смысла» [Симашко, Литвинова 1993: 19]. Исследователи признают, что метафора является результатом одновременного существования двух мыслей, которые дают в своем взаимодействии новое значение, более богатое, чем каждое исходное имело в отдельности.

Авторы также исследуют проблему перевода метафоры, что имеет принципиальное значение для проводимого нами исследования. Перевод метафоры они определяют как межъязыковую семантическую деривацию. Исходная позиция при анализе перевода метафоры состоит в том, что метафора, с одной стороны, универсальна, с другой стороны, национально специфична. В связи с этим невозможно воссоздать метафору, которая была бы семантически тождественна оригиналу. Речь идет о метафоризации на разных уровнях: денотативном, сигнификативном, прагматическом. В процессе перевода осуществляется синтез семантической структуры метафоры, что приводит к конструированию новой референции и порождению метафорического смысла. Так авторам видится перевод метафоры.

В настоящее время теория метафоры развивается в работах Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой. Л.М. Алексеева акцентирует внимание на двухдоменном характере процесса метафоризации, предполагающем наложение когнитивных структур домена-источника на структуру домена-цели, т.е. способность человека (номинатора) мыслить об одной понятийной области в терминах другой. Л.М. Алексеева исследует метафорическую природу терминопорождения, противопоставляя ее традиционному терминоведению, в рамках которого терминология рассматривалась как «... привилегированная, т.е. закрытая, хорошо организованная, управляемая особым

законом система знаков, а не как ценная своей естественностью, открытостью и деривационностью языковая система, обеспечивающая «сдвиги» знания» [Алексеева 1988: 116]. Теория терминологической метафоризации выстраивается ученым на основе таких категорий как «способ мышления», «выводное знание», «концептуализация», «динамизм термина» и др., что позволяет исследователю выяснить сущность и механизм метафоризации. Современная когнитивная лингвистика оперирует понятием концептуальной метафоры: «Метафора рассматривается как понятийная конструкция, которая занимает ведущее место в мыслительном процессе человека. Метафора – это когнитивный механизм, который осуществляет пересечение ряда понятийных областей в концептуальной сфере» [Мишланова 2013: 19].

В качестве общего принципа метафоризации ученые выделяют следующий: характеристики области-источника более конкретны и используются для интерпретации более абстрактной области-цели. Соответственно метафорическая модель трактуется в когнитивной теории метафоры как возникающая в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, где устанавливаются отношения подобия. Это значит, что система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы служит основой для моделирования другой ментальной сферы. При этом производство метафоры не означает перераспределения смыслов, но переработку нового знания как результат взаимодействия человека с окружающим миром. Данное свойство метафоры имеет существенное значение при ее переводе. В коллективном исследовании Л.М. Алексеевой, Н.П. Ивинских, С.Л. Мишлановой, С.В. Поляковой показано, что метафора представляет собой языковое явление, отображающее когнитивный процесс, что обусловлено действием принципа аналогии в процессах семантизации, который доминирует над принципами формальной логики типа индукции и дедукции [Алексеева 2013]. Можно сказать, что ученые описывают тот же механизм метафоризации, но они не ограничиваются идеей порождения метафоры-слова, метафоры-термина, а выводят данный механизм на уровень целого предложения

или даже текста, т.е. подчеркивают текстообразующую функцию процесса метафоризации.

Данное свойство метафоры имеет существенное значение при ее переводе. Будучи текстовым явлением, метафора представляет собой иерархию текстовых единиц, образующихся в процессе текстообразования. Будучи семиотическим явлением, метафора представляет собой перекодирование в тексте языкового знака в другой языковой знак.

Как отмечают авторы работы, изучая природу термина, «... метафорический термин приобретает текстовые характеристики; порождаясь, он одновременно интерпретируется, т.е. номинация в данном случае уступает место интерпретации» [там же: 25]. Текстообразующая функция метафорических терминов проявляется также в том, что они маркируют топикальную организацию текста, т.е. процесс развертывания тема-рематических отношений. Ученые приходят к выводу о том, что «... в основе научной метафоризации лежит сложный интерпретационный механизм взаимодействия старого и нового значений» [Мишланова 2013: 29].

Исследования в области метафоры были продолжены в работе М.В. Суворовой, которая охарактеризовала эволюцию теории метафоры: докогнитивный этап определяет метафору как троп, когнитивный этап определяет метафору как познавательный, мыслительный процесс, посткогнитивный этап определяет метафору как интегративный феномен, трехстороннюю сущность, включающую лингвистический концептуальный, коммуникативный уровни [Суворова 2019]. Автор работы так объясняет эти уровни:

1. Лингвистический уровень или текстовое измерение предполагает исследование метафоры в языке, на основании чего выделяют прямые метафоры и не прямые метафоры.

2. Концептуальный уровень или концептуальное измерение предполагает исследование метафоры в мысли, выделяя конвенциональные метафоры и новые метафоры.

3. Коммуникативный уровень или коммуникативное измерение предполагает исследование метафоры в дискурсе, выделяя намеренное и ненамеренное употребление метафоры.

Таким образом, мы представили Пермскую школу метафоры. Можно сказать, что в настоящее время метафорология активно развивается как российскими, так и зарубежными учеными.

Метафора как источник комического

Обращаясь к исследованию метафоры как источника комического, вновь обратимся к цитированной выше работе М.В. Суворовой, в частности, к введенному ей понятию «метафорический концепт», который имеет непосредственное отношение к решаемой нами исследовательской задаче.

Если метафора представляет собой познавательный процесс, ориентированный на получение нового знания, устанавливает соответствие между двумя концептуальными областями, то метафорический концепт создается абстрактной и конкретной концептуальными областями. Их формирование происходит, с одной стороны, в результате интроспекции, с другой стороны, в результате взаимодействия с окружающим миром. Метафорический концепт, будучи мыслительной единицей, структурирует не только речевое поведение, но и поведение человека в целом. Так автор приходит к выводу, что «...воздействие на мышление и поведение посредством метафоры может быть сознательно использовано для достижения разнообразных коммуникативных целей» [Суворова 2019: 40]. В рамках нашей работы это означает, что создание антропонимической метафоры автором юмористического текста способствует достижению комического коммуникативного эффекта, вызывая у читателя смех, улыбку, позитивные эмоции и пр.

Обратимся к работам ученых, исследующих юмористический дискурс, а затем рассмотрим роль метафоры в юмористическом дискурсе.

Как показало изучение литературы, в зарубежной лингвистике юмор и комическое отождествляются учеными, в то время как в отечественных исследованиях юмор рассматривается как вид комического, наряду с сати-

рой, сарказмом, иронией. Мы солидаризуемся с мнением о том, что комическое – это родовое понятие, а юмор – видовое понятие. Юмор характеризуется позитивным отношением к действительности, ориентированным на совершенствование.

Уточним, что в работе мы изучаем лишь одну разновидность комического – юмор, который характеризуется позитивным отношением к действительности, ориентированным на совершенствование. Что касается иронии, сатиры, сарказма – это самостоятельные предметы изучения, которые мы не рассматриваем.

Ю.В. Щурина поясняет, что юмористический фрейм – это измененный исходный фрейм, что позволило ей сформулировать понятие комической (юмористической) метафоры [Щурина 2014].

В исследовании М.А. Кулинич высказывается мысль о том, что явление, воспринимаемое в одной культуре как блестящее чувство юмора, в другой культуре может оказаться оскорбительным, т.к. механизм юмора как социального явления основан на свойственном живому языку неоднозначности (Кулинич 1999).

В статье Е.Л. Зайцевой рассматривается использование метафор в текстах современного британского медийного дискурса [Зайцева 2017]. Автор подчеркивает важную мысль, касающуюся процесса формирования метафоры в дискурсе: «... в текстах СМИ у слов, формирующих метафоры, возникает значение, которое мы назвали бы *межсубъектным*, так как смысл, транслируемый текстом СМИ, обязательно должен быть разделен аудиторией и понятен ей, и именно с этой целью создаются тексты медийных изданий» [Зайцева 2017: 77]. Мы считаем, что межсубъектность метафорического смысла – его важнейшее свойство, независящее от типа дискурса и типа метафоризированного слова. Ономастическая и антропонимическая метафора также обладают данным свойством. Это означает, что метафорические собственные имена используют как исходное словарное значение нарицательного имени, так и новое конвенциональное значение, а именно,

межсубъектное, формируемое при создании и восприятии юмористического текста или дискурса.

1.2.2 Антропонимическая метафора как компонент метафорической картины мира

Изучение имени собственного тесно связано с метафорической картиной мира, о чем свидетельствуют труды Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, С.С. Гусева и др. По мнению Н.Д. Арутюновой, метафора является своего рода ключом к пониманию мышления и процессов создания национально-специфического и универсального образа мира [Арутюнова 1999]. В связи с тем, что метафора может содержать яркую характеристику человека, она участвует в порождении ИС, которое приобретает свойства словесного портрета человека. Наиболее эксплицитно эти свойства выражены в художественном тексте/дискурсе. Ученый подчеркивает, что метафора, будучи результатом целенаправленного, сознательного, эстетического поиска автора, становится органическим компонентом художественного текста. По классификации Н.Д. Арутюновой, различают следующие виды метафоры: узуальная (общеупотребительная, общеязыковая), индивидуально-авторская (оказиональная, художественная, творческая, поэтическая) и автометафора. Узуальная метафора отличается тем, что она освоена языком, в результате чего утратила свою экспрессивность и образность. Индивидуально-авторская метафора является «живой» метафорой. Ее доминирующими свойствами являются экспрессивные и оценочно-характеризующие. Н.Д. Арутюновой принадлежит высказывание, раскрывающее уникальность языковой метафоры: сопоставить несопоставимое, соизмерить несоизмеримое.

Как поясняет В.Н. Телия, метафора выступает продуктивным средством формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира. ИС входят в класс вторичных наименований. Важнейшим постулатом метафорологии является вербально-ассоциативный потенциал метафоры.

Можно сказать, что В.Н. Телия метафорично высказывается по поводу создания ЯКМ через метафору, подчеркивая идею о том, что язык окрашивает концептуальную модель мира в национально-культурные цвета [Телия 1989]. Это означает, что порождение метафоры приводит к созданию ассоциативного поля при помощи ограниченного диапазона средств выразительности. Автор приходит к выводу, что метафора является инструментом создания ЯКМ. Так можно говорить о порождении метафорической картины мира.

Обращаясь к исследованию семантики имен собственных, приведем высказывание Ю.М. Лотмана; «...язык животных не знает собственных имен. Последние появляются только у домашних животных, и всегда как плод вмешательства человека. В языке даже наиболее сложных животных обнаружить язык имен собственных пока не удавалось» [Лотман 2004: 35]. Продолжая эту мысль, ученый пишет: «Пожалуй, наиболее резким проявлением человеческой природы является пользование собственными именами и связанное с этим выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы ее ценности «для другого», «для других» [Лотман 2004: 36]. Эти высказывания Ю.М. Лотмана закладывают основу понимания данной категории в ценностной языковой картине мира, какому бы языку, какой бы культуре она ни принадлежала.

Исходя из современных воззрений на язык в рамках концепции языковой картины мира, в каждом языке существует и адаптируется только то, что соответствует ментальности народа, говорящего на этом языке. Это означает, что языковая система аккумулирует знания, которые укладываются в понятийной сетке, фиксируемой в языковой картине мира.

Имена собственные как неотъемлемое свойство языка также формируются и развиваются в соответствии с языковой картиной мира народа, его национальной концептуальной системы. Рассмотрим эту систему применительно к исследуемым языковым единицам в русском и китайском языках. Начнем с краткой характеристики работ классика российского языкознания в области изучения имен собственных, которые являются фундаментом

многих ономастических исследований, и на которые мы также опираемся в работе.

При описании семантики собственных имен А.В. Суперанская предлагает разграничивать термины лексема и семема, т.к. одна и та же лексема может соответствовать нескольким семемам, и одна семема может быть выражена несколькими лексемами, что позволяет говорить семантических амплитудах колебаний лексемы [Суперанская 2012]. Как подчеркивает ученый, семантика имен собственных является неопределенной: значение имени собственного «...не равно понятию его апеллятива и никогда не ограничивается им... лексическое содержание морфем, из которых образовано имя, не может быть основным при определении его значения. Значение имени – фактор известности, фактор общественно-исторический» [Суперанская 2012: 266]. Вместе с тем, каждое имя собственное связано со своим определяемым, без связи с понятием которого оно не может функционировать в речи. Это означает, что имя собственное – это явление более социальное, чем имя нарицательное, и его значение включает экстралингвистические компоненты, такие как эстетический, аффективный, морально-оценочный, социально-оценочный и др. А.В. Суперанская выделяет следующие функции ИС: коммуникативная, апеллятивная, экспрессивная, дейктическая. Важно, что многое в собственных именах происходит не так, как в именах нарицательных, и экстралингвистические факторы имеют гораздо большее значение. Среди экстралингвистических факторов особую роль играет культура, в связи с чем изучение межкультурных взаимодействий на материале собственных имен представляется значимым.

Современные исследования, посвященные семантике имен собственных, обращают внимание на развитие антропонимов, в частности, на процессы метонимизации в структуре термина. Так, в исследовании М.М. Горбушиной «Семантические характеристики терминов-антропонимов» подчеркивается, что в результате метонимического переноса «... соотносительность антропонима с лицом – носителем данного имени в значительной степени

уступает место его соотнесенности с понятием научно-технического характера» [Горбушина 2008: 143-144]. В качестве примера исследователь приводит термин «менделеевит». Иными словами, если в сфере общеупотребительной лексики содержанием антропонима является представление о конкретном индивиде, то в сфере терминологии идентификация конкретного ученого уступает место его достижениям в конкретной сфере.

Проблема ономастического пространства исследуется Д.И. Ермолович. Ученый акцентирует внимание на необходимости поиска закономерностей межъязыкового переноса имен собственных [Ермолович 2001]. Он считает ИС своего рода опорными точками в межъязыковой коммуникации, т.к. они сочетают в себе универсальные и национальные специфические свойства. Если в своей изначальной языковой среде они уникальны, то в результате переноса в другую языковую среду большинство свойств ИС теряется, что приводит к неадекватному восприятию ономастического пространства текста иноязычным и инокультурным реципиентом.

К аналогичным выводам приходит В.В. Катермина, которая рассматривает ИС как границу, разделяющую универсальное и культурно-специфическое содержание данной языковой и речевой единицы. Исследование ИС неразрывно связано с исследованием культуры, в которой оно функционирует. Изучая взаимоотношения языка и культуры, В.В. Катермина утверждает, что «... язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы произрастая в нее, но и сам развивается в культуре» [Катермина 2016: 28].

Вместе с тем, речь идет не только о глобальной связи языка и культуры, но и формировании языковых единиц разного уровня, коррелирующих с культурой. Так, в одной из своих статей В.В. Катермина пишет, что «культурно-человеческий фактор воздействует на формирование и функционирование единиц номинации, вследствие чего они обретают функцию эталонов и стереотипов национальной культуры...» [Катермина 2019: 47-48]. Ученый рассуждает о том, что в единицах номинации закреплена система образов,

которые кумулируют в себе мировидение народа, отражая его систему ценностей, культурно-национальный опыт, традиции, менталитет, национальный характер. Ввиду неразрывной связи языка и культуры в процессе формирования вербальных образов имеет место образная номинация. Способы образной номинации, выделяемые ученым, разнообразны. В рамках нашего исследования наиболее значимы способы формирования семантических неологизмов, к числу которых относится, среди прочих, модель переноса наименований, а именно, метафора.

Ученый формулирует важный для нас вывод о том, что «...личное имя собственное – опорный знак, квинтэссенция, вывод и обобщение в виде метафоры, метонимии или синекдохи, за счет которых создается образ» [Катермина 2016: 138]. Здесь же описан механизм метафоризации, который заключается в дезинтеграции единичного понятия, соответствующего конкретному денотату.

В.В. Катермина уделяет особое внимание человеческому фактору в языке, справедливо полагая, что «образ человека – ядро каждой национальной культуры, системы ее ценностей» [Катермина 2016: 31].

В целом ученый полагает, что ЛИС является номинантом внешних и внутренних параметров человека, а также номинантом взаимоотношений человека и общества, например, семьи, профессии и пр. Приведем примеры автора: *Иван да Марья* (характерные имена для мужа и жены), *Макар* (опытный рыболов, в аграрной России не существовало профессионально-дифференцированного сообщества).

Ученый рассуждает также о говорящих фамилиях, что имеет особое значение для нашего исследования. В русской художественной литературе говорящими фамилиями обычно наделялись отрицательные персонажи. Это означает, что в основе говорящей фамилии лежит нарицательное имя с ярко выраженным отрицательным значением, что создает сатирический эффект. Эмоционально-экспрессивный фактор в русскоязычных говорящих фамилиях выражается при помощи таких элементов как части тела (*Голопузя, Пяткин*),

пища (*Борцов*), названия болезней (*Бородавка, Золотуха*), предметы (*Пуговицы*), неэстетичность и неблагозвучность (*Помойкин, Замухрышкин*) и др. В целом ЛИС и фамилия способствуют раскрытию особенностей языковой личности русского человека.

Современные исследователи обращаются к проблеме поэтической ономастики и антропонимики, представляющих имена собственные в художественных произведениях. В работе Л.М. Хамитовой изучаются имена собственные в детских поэтических текстах, что привело к введению термина «поэтическая ономастика» [Хамитова 2008]. Рассуждая о семантике и функциях ИС, автор пишет: «Поскольку любое художественное произведение представляет собой «автономный вербальный мир», слова, в том числе, и имена собственные, приобретают в нем свою собственную значимость. Специфика образно-художественного осмысления слова сказывается и на функциях собственных имен, включенных в состав литературного произведения» [Хамитова 2008: 482-483]. Автор подчеркивает, что ИС – ценный эстетический компонент художественного текста, семантика и функции которых до сих пор недостаточно исследованы.

С начала XX века культура трактуется учеными как особая система ценностей и идей. Но поскольку язык есть культурное достояние народа, в котором формируется национальный образ мира, процесс отображения действительности содержит ценностные характеристики, которые получили название языковой картины мира.

Впервые идея языковой картины мира была высказана В. фон Гумбольдтом, который писал, что различие между языками есть различие картин мира, подчеркивая идею о том, что несколько языков – это не столько же обозначений одной и той же вещи, но это различные ее картины (Гумбольдт 2001).

Изучение языковой картины мира представлено в работах В.В. Красных, О.А. Корнилова и др. Как подчеркивает В.В. Красных, «...картина мира есть, по сути, отражение окружающего мира в голове человека» [Красных

2003: 17]. В связи с тем, продолжает ученый, что картина мира формируется в процессе социализации личности, она несет на себе отпечаток национально-культурных особенностей. С другой стороны, сложившаяся в сознании языковая картина мира оказывает определенное влияние на то, как человек членит мир, т.е. на картину мира в целом. Ученый приходит к выводу о том, что изучение языковой картины мира приведет ученых к пониманию сознания человека.

Наиболее глубокую характеристику понятия «языковая картина мира» представил О.А. Корнилов в работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [Корнилов 2003]. В рамках нашей работы наибольший интерес вызывает позиция ученого относительно культурологического императива данного понятия в связи с тем, что мы исследуем культурологическую парадигму перевода. В основе его трактовки лежит такое понятие как склад мышления нации, так как язык является отражением национального мышления. Ученый выстраивает следующую цепочку понятий: «...непохожесть культур – осознание этой непохожести – попытки найти коэффициент понимания другой культуры – коэффициент понимания – особый склад национального мышления – фиксация склада национального мышления в языке» [Корнилов 2003: 78]. Эта трактовка объясняет не только понятие языковой картины мира, но она в полной мере применима к переводческой деятельности, соотносимой с необходимостью понимания как отдельного индивида, так и нации в целом, что вписывается в культурно-прагматическое осмысление мира переводчиком, или, как отмечает ученый, в процессе «интеркультурных контактов» [Корнилов 2003: 83].

В связи с тем, что наша работа выполнена в рамках юмористического дискурса различных национальных картин мира – русской, британской, китайской, обратим внимание на то, как О.А. Корнилов трактует соотношение языковой картины мира и юмора: «Очевидно, ирония и юмор – защитная реакция, выработанная народом за всю его трудную историю, наполненную войнами и притеснениями со стороны своих же правителей» [Корнилов 2003:

90]. Автор поясняет, что национальная черта находит отражение в тексте, в его лексике, в его фразеологии, в его различных жанровых разновидностях, т.е. в реальных прагматически значимых ситуациях.

В исследованиях В.И. Карасика анализируется русская ментальность как компонент языковой картины мира [Карасик 2004]. Ученый акцентирует внимание на смеховой культуре русского народа, обращаясь к теме шутовства и юродства как сферы девиантного культурного поведения, которые «пронизывают всю толщу русской культуры» [Карасик 2004: 90]. Рассуждая о концептуарии культуры, В.И. Карасик пишет: «В плане этнокультурной специфики более четким индексом своеобразия юмористической критики действительности является, по-видимому, степень типичности полусерьезного поведения (как в Англии), либо открытого балагурства (как в России) и отношение к абсурду (принятие либо непринятие абсурда в рамках реальности)» [Карасик 2004: 90]. Так выглядит, по мнению ученого, система аксиологических координат, раскрывающая содержание национальной языковой картины мира. Можно предположить, что эта же система координат находит отражение и в номинативной деятельности человека. Так возникает своеобразие обозначений явлений действительности в языковых системах. Это означает, что носитель языка по-своему видит те или иные явления и предметы действительности, дает им разные обозначения, не совпадающие в языках. Кроме разной предметно-понятийной соотнесенности каждое слово в языке вступает в своеобразные синтагматические и парадигматические отношения, что создает своего рода плотный вербальный узел, не совпадающий с аналогичными словами другого языка. Имя собственное не является исключением. Являясь неотъемлемым компонентом языковой картины мира, ИС в каждом языке влечет за собой разные ассоциации, аллюзии, реминисценции, которые отражают ценностные ориентации его носителей.

По мнению Н.Ф. Уфимцевой, образ мира, представленный в языке, т.е. в языковой картине мира носителя языка, обеспечивает возможность взаимопонимания: «Язык, рассматриваемый как деятельностная структура, за-

нимает центральное место в человеческой психике, ибо обеспечивает доступ к культуре (образу мира как основной образующей культуры) ...» [Уфимцева 2017: 27]. Ученый развивает мысль о том, что сознание человека всегда этнически обусловлено, что становится предметом исследования этнопсихолингвистики, где ключевой выступает проблема языкового сознания. Непонимание в межкультурном общении является результатом различий национальных сознаний коммуникантов. Это объясняется тем, что в основе миропонимания каждого народа лежит своя система значений, стереотипов, ценностей. Ученый подчеркивает национальную субъективность образа мира.

Данные положения в полной мере относятся к антропонимам как индивидуально-личностным и социально обусловленным языковым единицами, соотносимым с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Особую значимость они приобретают в художественном тексте и дискурсе. Об этом пишет В.В. Катермина: «Создание реалистичных и художественно убедительных образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики» [Катермина 2016: 25]. Ученый приходит к выводу о том, что имя собственное отражает национально-специфические свойства личности – литературного персонажа. Вместе с тем, наряду с ИС конкретного ономастикона, созданного в данном тексте, следует учитывать, по мнению В.В. Катерминой, имена культурного вертикального контекста, принадлежащие к истории культуры народа или мировой культуры.

Топологию поэтической метафоры в английском языке изучает Н.А. Полякова [Полякова 2009]. В своих исследованиях автор подчеркивает, что поэтическая ономастика является вторичной по отношению к общенародной ономастике. Если онимы в языке имеют объективную характеристику, то поэтические онимы содержат субъективную характеристику, отражая метафорическую картину мира автора. Н.А. Полякова опирается на методы филологической топологии, вычлняя инварианты-источники и инварианты-

конструкты. В первом случае речь идет о реальном ономастиконе, во втором – об ономастиконе, созданном фантазией автора художественного текста, отражая тем самым концентрированную авторскую идею. Особое внимание в работе уделяется говорящим именам, которые Н.А. Полякова называет «кричащими во весь голос» именами, так как, в силу своей семантической прозрачности, они выполняют в тексте существенную смысловую и эмоциональную нагрузку, выполняя характерологическую функцию. Оценивая функционирование ИС в различных жанрах художественного дискурса, исследователь вычленяет комическую функцию ИС в произведениях сатирической направленности, что имеет большое значение в проводимом нами исследовании.

Исследования ономастической и антропонимической метафоры в языке и культуре привлекают многих лингвистов. По замечанию Р.И. Воронцова, «культурно заряженные» ИС проникают в Россию в XVIII веке [Воронцов 2012]. Будучи механизмом взаимодействия языка, общества и культуры, русская ономастическая метафора формировалась вместе с литературным языком.

Приступая к изучению антропонимической метафоры, подчеркнем, что первым отечественным ученым, показавшим, что ИС может приобретать метафорические черты, был М.В. Ломоносов. Как известно, М.В. Ломоносов писал о том, что ИС может быть и синекдохой, и метафорой, и метонимией, и эпитетом, и сравнением. Эта идея может быть положена в основу дальнейшего исследования метафорических ИС.

Как показал анализ литературы, при изучении ономастической метафоры (далее – ОМ) можно вычленить два подхода:

1. ОМ обладает редуцированным семантическим значением в отличие от других метафор языка. Этой позиции придерживаются такие ученые как Дж. Милль, Л. Брендаль, Л. Ельмслев, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, Н.В. Уфимцева и др.

2. ОМ обладает полноценным семантическим содержанием, так как в нее входят эмоциональные сведения о носителе. Данную позицию поддерживают О. Есперсен, М. Бреаль, Л.В. Щерба, С.Д. Кацнельсон, М.А. Кронгауз, Н.Ф. Алефиренко.

Рассмотрим, как происходит процесс метафоризации антропонима. Обратимся к работе С.Л. Васильевой «Антропонимические метафоры в газетно-публицистическом дискурсе: функциональный аспект» [Васильева 2013].

Автор работы описывает процесс метафоризации следующим образом. Метафора позволяет представить один объект в терминах другого посредством переноса качеств с «области-источника» на «область-мишень», в результате чего формируется образ, который оказывает эмоциональное воздействие на читателя. Механизмом этого процесса становится преобразование имени: прецедентное имя становится сложным знаком путем актуализации определенных дифференцирующих признаков. Это означает, что в линейное развертывание текста включаются дополнительные, метафорические смыслы, вызывающие в сознании реципиента реминисценции, связанные с культурно-прецедентной ситуацией и опытом языковой личности. Это пробуждает рефлексию реципиента, которая в свою очередь запускает процессы понимания, выход к новым смыслам, фасцинативные действия. Препятствием для таких процессов может быть отсутствие у реципиентов фоновых знаний для интерпретации воспринимаемой информации.

Как видим, С.Л. Васильева очень четко показала механизм метафоризации ИС. При этом речь идет лишь о монокультурной коммуникации. В нашей работе важно проследить действие этого механизма при смене языкового и культурного кода. Иными словами, культурно-прецедентная ситуация должна быть воссоздана переводчиком, чтобы «запустить» аналогичный механизм метафоризации, что можно достичь компенсацией фоновых знаний реципиента.

Р.И. Воронцов при изучении ономастической метафоры акцентирует внимание на ее высоком культурном потенциале [Воронцов 2012]. Автор

рассматривает ОМ как особую речевую реализацию «воплощенного» ИС, обусловленного его нереперентным употреблением, в основе которого лежит культурно обусловленный коннотативный ассоциативно-образный компонент. Ученый различает два типа ОМ: экспрессивно-образная метафора-символ (*Гамлет, Дон Кихот*) и экспрессивно-оценочная метафора-стереотип (*Плюшкин*). Для анализа ОМ ученый вводит понятие микроконтекста, трактуя его как отрезок текста, релевантный для выявления метафоричности значения ИС.

В работах Р.И. Воронцова подчеркивается особый статус ономастической метафоры, которая обладает, во-первых, свойством энциклопедичности, что обусловлено ее включенностью в вертикальный – культурный контекст, во-вторых, собственно лингвистическими свойствами, что обусловлено горизонтальным контекстом. Ученый приходит к выводу о двойственной природе метафорического онима, обладающего, с одной стороны, континуальностью, с другой стороны, контекстной зависимостью [Воронцов 2012; 2016].

Признавая принадлежность ономастической метафоры к лексической системе языка, Р.И. Воронцов описывает возможности ее включения в академические филологические словари. По мнению ученого, ономастическая метафора выступает культурно значимым собственным именем, обладая уникальным ономастическим значением и обширным экстралингвистическим полем. Метафоризации подвергаются культурно значимые имена.

Так, в китайском языке имя собственное часто сопровождается порядковым номером, что при переводе на русский язык требует компенсационных действий, т.е. создания фоновых знаний русскоязычного читателя. Приведем примеры из юмористических рассказов известного китайского писателя и переводчика Лу Синя.

Например, фамилия *Ли си* переводится на русский язык как *Ли четвертый*, что обозначает, что человек с этой фамилией является четвертым ребенком в семье. Мы считаем, что в русском варианте это ИС становится сложным знаком, который приобретает дифференцирующие метафорические

признаки, а поскольку речь идет об ИС, следовательно, в языковом сознании русскоязычного читателя формируется соответствующая антропонимическая метафора.

Подчеркнем, что данное явление типичное для китайского языка, требует переосмысления при переводе на русский язык, что выражается в преобразовании имени в виде метафоризации.

Аналогичный процесс имеет место, когда в тексте на китайском языке персонаж не имеет имени, и его заменяют одним иероглифом, добавляя второй, обозначающий, какой по счету ребенок в семье носит это имя.

Например, *а ба – А-восьмой*. Настоящая фамилия персонажа неизвестна, и это восьмой ребенок в семье. Кроме того, предполагается, что человек, который носит эту фамилию незначительный, обыкновенный, поэтому нет необходимости ее называть.

На основании изучения работ, посвященных антропонимической метафоре, мы сформулировали следующее рабочее определение: **антропонимическая метафора понимается как речевая реализация культурно значимого имени собственного, аккумулирующая систему национально обусловленных ценностей, образов, ассоциаций, выражающих метафорические смыслы, представленные в метафорической картине мира.**

1.3 Модели антропонимической метафоры в дискурсе

1.3.1 Принципы лингвистического моделирования

Моделирование является одним из основных методов лингвистического анализа, который получил широкое распространение, начиная с 1940-х годов. Вместе с тем, идеи моделирования как отражение эвристических возможностей научного знания использовали ученые античности Демокрит, Эпикур, Л. да Винчи и др.

«Модель (фр. *modèle* от лат. *Modus* – образец) – условный образ (изображение, схема, описание) какого-либо объекта или системы объектов. Слу-

жит для выражения отношения между человеческими знаниями об объектах и этими объектами» (Философская энциклопедия 1964: 481).

Термин впервые появился в трудах американского лингвиста З. Харриса. В лингвистике моделирование используется для того, чтобы сделать обзорными связи и отношения, которые характеризуют исследуемый объект, а также вывести новые знания об этих объектах. В широком смысле модель – это конструкция, изоморфная моделируемой системе. В российской лингвистике основы моделирования как составной части любых познавательных действий были заложены в работах А.Ф. Лосева, И.И. Ревзина, И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, А.А. Залевской и др.

Согласно определению Г.Х. Даутовой, «... под языковой моделью мы понимаем структурную копию изучаемого объекта в форме метаязыкового описания (смысловая модель) или графического описания (графическая модель) или математического аналога (математическая модель)» [Даутова 2003: 25].

Как подчеркивают современные лингвисты В.А. Пищальникова и А.Г. Сонин, моделирование выступает комплексным методом с элементами абстракции и идеализации. При этом модель предполагает наличие жестко прописанных формальных характеристик. В основе использования метода моделирования лежит принцип установления отношения подобия между моделируемым объектом и моделью. Иными словами, «модель может рассматриваться как гипотеза о свойствах объекта, а изучение ее функционирования – как проверка выдвинутой гипотезы» [Пищальникова 2017: 57-58]. Ученые предлагают следующую дефиницию лингвистического моделирования: «Моделирование – метод построения материального или идеального объекта, на котором воспроизводятся существенные (или важные для исследователя) характеристики изучаемых предметов и явлений» [Пищальникова 2017: 57].

З.И. Комарова обобщила основные принципы метода моделирования. При построении метафорических моделей наиболее значимыми являются следующие:

1. Аналогия – общелогический метод познания, демонстрирующий, что исследователь имеет дело не с объектом-оригиналом, а с объектом-заместителем оригинала. В связи с этим существует понятие «умозаключение по аналогии», когда исследователь имеет дело с неизученным или малоизученным объектом, имеющим сходные признаки с другим объектом, получившим более детальную интерпретацию.

2. Гомоморфизм подразумевает наличие более общего и более слабого отношения между моделью и ее прототипом, когда не выполняется одно из трех условий: соответствие элементов, соответствие функций, взаимоднозначное соответствие свойств и отношений.

3. Изоморфизм предполагает соблюдение всех трех условий [Комарова 2013].

З.И. Комарова приводит и другие свойства моделей, такие как: субъективность, двойственная природа, трансформируемость, компактность, специфическая информативность. Важно подчеркнуть, что сведения, полученные в результате моделирования, носят вероятностный характер, поэтому валидность модели подвергается определенным ограничениям.

Вместе с тем подчеркнем, что именно общенаучный и общелогический принцип аналогии лежит в основе порождения внутриязыковой метафоры. Выскажем предположение, что, согласно концепции переводческого пространства, которая будет изложена ниже, антропонимическую метафору надо не переносить в готовом виде в текст перевода, а строить аналогичную метафорическую модель, т.е. ремоделировать метафорические смыслы.

1.3.2 Понятие метафорической модели в современной лингвистике

Идеи метафорического моделирования восходят к работам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые рассматривают метафору как основную когнитивную операцию, как способ познания мира [Лакофф 1990]. Ученые предположили, что метафора не ограничивается сферой языка, т.е. сферой слов, но простирается в сферу мысли, так как сами процессы мышления че-

ловека метафоричны. Это означает, что возникновение метафор в языке есть результат их существования в понятийной системе человека. В результате система концептов одной ментальной сферы служит для образования концептов другой ментальной сферы. В работе мы акцентируем внимание на метафорических моделях как разновидности общеязыковых моделей.

Прежде чем перейти к рассмотрению ономастической метафоры в художественном дискурсе, который включает в себя, среди прочих, исследуемый нами юмористический дискурс, поясним наше понимание дискурса. В связи с тем, что материалом для анализа являются письменные тексты юмористического характера, необходимо уточнить соотношение понятий «текст» и «дискурс». В решении этого вопроса мы опираемся на трактовку В.Е. Чернявской, согласно которой одно из определений дискурса звучит так: «под дискурсом понимается совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме» [Чернявская 2014: 112]. Таким образом, изучая юмористические рассказы Чехова и Вудхауза, мы обращаемся к юмористическому дискурсу, метафорические имена собственные которого обладают определенным юмористическим потенциалом, участвуя тем самым в создании юмористического эффекта.

Юмористические имена собственные в художественном дискурсе, или литературную ономастику, следует рассматривать как вторичные по отношению к общенародной ономастике. Для анализа мы выбрали следующие типы ономастической метафоры из сферы литературной ономастики, которые в совокупности представляют ономастическую (антропонимическую) метафорическую модель: говорящие имена; прозвищные имена; прецедентные имена.

Каждый из этих типов может быть представлен в отдельных подтипах метафорических моделей, которые будут рассмотрены ниже.

В настоящее время в лингвистике доминирует антропоморфная метафорическая модель как результат проецирования человека на самого себя в

процессе мыслительных операций аналогии и уподобления. Это объясняется тем, что она непосредственно связана с концептом «Человек», раскрывая его культурно-исторический универсум, наполненный культурными смыслами, что может быть представлено не только в языковой и концептуальной, но и в метафорической картине мира.

В рамках когнитивной теории метафоры мы относим все обозначенные выше типы к ономастической метафоре, независимо от того, являются они постоянными метафорами-символами, метафорами-стереотипами, или они выступают вновь созданными, нерегулярными, окказиональными метафорами как проявление творчества автора юмористического дискурса.

Соответствующие метафоры перевода мы будем рассматривать как результат транскреации, выполненной при передаче ономастической метафоры оригинала. Этот процесс также характеризуется разнообразием, что позволит нам проанализировать способы трансляции метафорических смыслов исходной метафоры от нейтрализации до гармонизации.

Метафорическая картина мира дополняет языковую картину мира, расширяя ее содержание за счет метафорического употребления различных языковых единиц, к числу которых принадлежит ономастическая метафора. Она может быть представлена совокупностью различных метафорических моделей, функционирующих в рамках определенных метафорических контекстов. Можно предположить, что в художественном юмористическом дискурсе говорящие имена, прозвищные имена и прецедентные имена формируют вокруг себя метафорический контекст, который усиливает метафоричность онима, придавая ему текстообразующий и дискурсообразующий характер.

В отечественной когнитологии метафорическое моделирование является предметом анализа А.Н. Баранова, Э.В. Будаева, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Т.Г. Скребцовой, А.П. Чудинова и др.

Проблемой метафорического моделирования в сфере политической лингвистики занимается А.П. Чудинов [Чудинов 2003]. В качестве компонентов метафорической модели автор называет следующие:

1. Исходная понятийная область, или понятийная сфера – цель метафорической экспансии.

2. Базовый концепт-элемент, который служит основанием для переноса.

3. Фреймово-слотовая структура модели.

4. Оценка продуктивности и частотности модели.

Напомним, что метафорическая модель определяется А.П. Чудиновым как «...существующая или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которая может быть представлена определенной формулой: X – это Y» [Чудинов 2003: 70]. Данное отношение понимается как подобие, а не как прямое отождествление.

В совместных исследованиях с Э.В. Будаевым, А.П. Чудинову удалось показать трехстороннюю сущность метафоры, а именно метафоропорождение на уровнях языка, мысли и коммуникации, т.е. в трехмерной модели метафоры [Будаев, Чудинов 2006].

Во-первых, на уровне языка, или в текстовом измерении, различают прямые и непрямые метафоры. Прямые метафоры (сравнение, аналогия, аллегория) эксплицитно называют концептуальную область-источник и область-цель в их взаимодействии, а сами лексические единицы употреблены в прямом значении. Непрямые метафоры основаны на контекстуальном значении взаимодействующих полисемичных лексических единиц.

Во-вторых, на уровне метафоры в мысли речь идет о противопоставлении конвенциональных и новых метафор. Если конвенциональные метафоры используют уже имеющиеся связи между областями, то новые метафоры устанавливают межконцептуальные связи.

В-третьих, на уровне коммуникации различают намеренные и ненамеренные метафоры. В процессе их использования в дискурсе метафоры имеют следующие функции: объяснение, иллюстрирование, убеждение.

Ученые следующим образом формулируют свойства метафорических моделей:

– иерархическое устройство;

- пересекаемость (диффузность, взаимопересечение);
- полевая организация (наличие ядра и ближней/дальней периферии).

При описании метафорических моделей основная исследовательская задача состоит в определении компонентов значения, которые связывают сферу-магнит и сферу источник. При этом сфера-источник определяется как метафорическая экспансия, а сфера-магнит – как метафорическое притяжение.

1.3.3 Говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя как продуктивные модели антропонимической метафоры в художественном тексте и дискурсе

Антропонимическая метафора может быть представлена различными метафорическими моделями, функционирование которых в различных типах дискурса разворачивается по-разному. В связи с тем, что материалом для нашего анализа послужили антропонимические метафоры юмористического дискурса, мы остановили свой выбор на трех метафорических моделях говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени. В рамках данного параграфа рассмотрим подробнее способы репрезентации каждой метафорической модели.

В самом широком смысле, в классическом понимании, метафора определяется либо как способ сообщения об известном как о неизвестном, либо как способ сообщения о неизвестном как об известном. Это означает, во-первых, что в художественном тексте/дискурсе с помощью метафоры автор сообщает о мифологическом персонаже, т.е. актуализирует его имя при описании нового персонажа; во-вторых, с помощью метафоры автор реализует индивидуализирующую функцию, т.е. называет имя юмористического персонажа в соответствии со своей интенцией, с личностными представлениями об экспрессивности, эстетичности, креативности и пр.

В связи с тем, что в центре нашего исследования – антропонимическая метафора, мы обратились к работам, в которых излагается специфика данной модели. При этом мы рассматриваем ономастическую метафору как родовое

понятие по отношению к антропонимической метафоре как видовому понятию. В обоих случаях исследуется имя собственное, выступающее объектом метафоризации.

В исследовании А.А. Кудрявцевой метафоризация онима рассматривается как процесс вторичной номинации [Кудрявцева 2010]. Автор акцентирует внимание на том, что метафора – это сложный знак, обладающий семантической двуплановостью. В плане выражения различают два компонента: слово-параметр и слово-аргумент; в плане содержания различают также два компонента: вспомогательный субъект – внутренняя форма метафоры и основной субъект – внешняя форма метафоры. Автор приводит следующий пример метафоризации онима: *Хлестаков из Омска*. В данном примере слово-параметр – *Хлестаков*, слово-аргумент – предложно-падежное сочетание – *из Омска*, вспомогательный субъект – герой комедии Гоголя, выдававший себя за ревизора, основной субъект – самозванец.

Следующий важный критерий метафоризации онима – значимость контекста. Например, употребление ИС *Соломон* не является метафорой, но его использование в контексте «... *сей ментор славный был во французском Соломон*» позволяет реализовать метафорическое значение «знаток».

В диссертационном исследовании Р.И. Воронцова ономастическая метафора рассматривается как регулярная модель смыслопроизводства и средство выразительности [Воронцов 2012]. Ономастическая метафора трактуется как особая речевая реализации воплощенного имени, обусловленного его нереферентным употреблением. Ономастическая метафора (далее ОМ) характеризуется семантической двуплановостью, т.е. имеет два экстенционала и один интенционал. Согласно трактовке Р.И. Воронцова, ОМ функционирует в составе особых речевых моделей, т.е. структурно-семантических оболочек, актуализирующих метафорически переосмысленное имя собственное в рамках определенного микроконтекста [Воронцов 2012]. Иными словами, именно микроконтекст обуславливает порождение метафорического смысла оригинала. Автор подчеркивает, что метафоризации подверг-

нуты культурно значимые ИС, среди которых различают как вечные образы, так и преходящие.

В основе ОМ лежит культурно обусловленный коннотативный ассоциативно-образный комплекс. Ученый различает два типа таких комплексов:

- экспрессивно-образная ОМ, например, *Гамлет* как символ;
- экспрессивно-оценочная ОМ, например, *Плюшкин* как человек, склонный к жадности, к накопительству.

В процессе употребления образность ОМ ослабевает. Важно, что ОМ – это динамическое явление, которое не существует вне контекста. В работе Р.И. Воронцова представлена следующая классификация ономастических метафорических моделей:

- темпоральные модели, использующие в качестве первого компонента имена нарицательные со значениями: *современный, будущий* и др. + метафорически осмысленное воплощенное имя. Например, *современный-Циолковский*;

- локативные модели, например, *наш Толстой*;

- субъектные модели, использующие такие имена нарицательные как *настоящий, истинный, какой-то* + метафорическое имя собственное, например, *истинный Гарри Поттер*;

- модели одного ряда, например, *Джонсоны*.

В исследовании Т.Ю. Лариной описываются метафорические модели ИС, которые представляют непосредственный интерес для нашей работы [Ларина 2017]. Автор изучает прецедентные антропонимы и топонимы. С позиций метафорики, антропонимические модели выполняют вторичные функции. Так, если ИС обладают первичной идентифицирующей функцией, то метафоризированные ИС приобретают вторичную оценочно-характеризующую функцию. При этом их отличительными признаками выступают аллюзивный характер и конвергентность. Например, *Обама – Отелло наших дней*. В составе ономастической метафоры автор разграничивает реципиентную и донорскую области, в рамках которых основной компонент может

быть как эксплицитным, так и имплицитным. Это означает, что основной компонент назван непосредственно в данном метафорическом выражении или он широко известен. В первом случае основной компонент четко определен, во втором наблюдается расплывчатая реципиентная область. Одной из возможных структур ономастической метафоры является конструкция с отрицанием: *Обама не Горбачев*. Автор приходит к выводу, что любая ономастическая метафора нейтрализует прямое и актуализирует переносное значение.

Наряду с описанием метафорических моделей нам необходимо выяснить особенности их перевода, что позволит в дальнейшем проанализировать специфику транскультурной модификации исходной модели антропонимической метафоры при переводе с русского и с английского языков на китайский. Исследование когнитивной метафоры при переводе обсуждается в диссертационном исследовании И.В. Плотникова «Метафорические модели и их переводческие трансформации в художественном тексте: лингвокогнитивный аспект» [Плотников 2019]. Ключевая идея исследования состоит в том, что метафорические образы формируют метафорические модели, которые отражают индивидуально-авторские концентрации смысла текста, на основании чего можно исследовать сознание языковой личности автора и переводчика и соответствующую языковую картину мира.

В качестве моделей репрезентации метафорических образов автор называет следующие: оппозитивная, кольцевая, ступенчатая, концентрическая, пересекающаяся и модель последовательной аналогии.

Автор работы выявляет доминантные способы лингвокогнитивного перевода метафоры: языковая трансформация и языковая эквиваленция.

Е.С. Лаврентьева описывает способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе [Лаврентьева 2015]. Автор акцентирует внимание на том, что в каждой лингвокультуре метафора лишь частично структурирует объект реального мира, высвечивая одни черты, затемняя другие. Именно в этом видится трудность перевода метафор, которые, несмотря на

свою универсальность, затрагивают неидентичные свойства одних и тех же концептов, дают нетождественное описание одной и той же ситуации, характеризуют неодинаковый объем концептуального содержания, что обуславливает варьирование сходных понятий.

Опираясь на теорию когнитивной метафоры, мы выбрали для анализа три ономастические метафорические модели:

- метафорическая модель говорящего имени (русский язык: *говорящее имя*; английский язык: *charactonyms*, китайский язык: 口语名);
- метафорическая модель прозвищного имени (русский язык: *прозвище, прозвищное имя*, английский язык: *nickname*, китайский язык: 绰号);
- метафорическая модель прецедентного имени (русский язык: *прецедентное имя*, английский язык: *precedent name*, китайский язык: 先例词).

Рассмотрим их подробнее.

Метафорическая модель говорящего имени. По определению Н.В. Подольской, говорящее имя – это семантически прозрачное имя, которое создано автором для характеристики объекта номинации и используется для преувеличения его качеств, его предназначения (Подольская 1978).

Проблема говорящих имен, которые называют также значащими, значимыми, номинативно-характеристическими, издавна привлекала внимание исследователей. Особый интерес вызывают говорящие имена художественных произведений, которые имеют особое предназначение – в концентрированном виде передать авторскую идею, дух и цель произведения. Онимы в художественном тексте могут иметь и необычный звуковой облик, и обладать особым смыслом, который может быть зашифрован автором текста.

О принадлежности говорящих имен к тропам, равнозначным метафорам и сравнениям, писал В.С. Виноградов. Ученый предлагает восемь семантических признаков говорящих слов:

1. Обстоятельства рождения и семейные отношения: *Подкидыш* и др.
2. Внешний вид: *Лысак, Кругляк* и др.

3. Особенности и черты характера: *Говоруха* и др.
4. Социально-экономическое положение: *Селянин, Холоп* и др.
5. Занятие и профессия: *Кукольник* и др.
6. Происхождение: *Грек* и др.
7. Фауна и флора: *Медведь* и др.
8. Вещи и предметы: *Серп* и др. [Виноградов 2001].

По мнению В.В. Виноградова, «смысловое имя – это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды. «Смысловые имена придумываются автором, преследующем определенные цели и опирающимся в своем словотворчестве на существующие в ономастике традиции и модели» [Виноградов 2001: 161]. Ученый подчеркивает, что в сатирических и юмористических текстах литературы разных народов данный тип ИС находит широкое употребление, так как они содержат характеристические и оценочные качества персонажей. Эта традиция идет от времен Фонвизина и продолжается в произведениях классиков русской литературы: Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Маяковского, Ильфа и Петрова и др. Выразительные смысловые имена как результат словотворчества писателей стимулировали отечественную практику перевода собственных имен на то, чтобы смысловая и эмоциональная информация была проявлена в переводе.

И.С. Алексеева приходит к интересному выводу о том, что в данном случае речь идет об именах с живой внутренней формой [Алексеева 2008]. Как известно, впервые внутренняя форма слова была изучена А.А. Потебней. Под внутренней формой А.А. Потебня понимал «...ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня 1993: 124]. Для объяснения различия между внешней и внутренней формой А.А. Потебня приводит такой пример: «это мраморная статуя (внешняя форма) женщины с мечом и весами (внутренняя форма), представляющая правосудие (содержание)» [Потебня 1993: 124].

Такое понимание внутренней формы позволяет И.С. Алексеевой прийти к выводу о том, что адекватный перевод говорящего имени предполагает отражение в нем внутренней формы оригинала. Эта идея представляет несомненный интерес в рамках нашего исследования.

В исследованиях С. Влахова и С. Флорина также подчеркивается идея о метафоричности антропонимов: «Как средство художественной выразительности имя собственное употребляется в качестве метафоры, метонимии, синекдохи, сравнения, парафразы» [Влахов, Флорин 2009: 234]. Авторы отмечают, что у русских писателей существует целая галерея образов, показывающих разнообразие говорящих имен. Все говорящие имена они делят на две группы: говорящие имена-маски и говорящие имена окказиональные. Отличительная особенность говорящих имен – прозрачная внутренняя форма, для которой характерны аллюзивность или ассоциативность. В некоторых случаях они имеют лишь своеобразную фонетическую форму. Ученые приходят к выводу о сложности перевода говорящих имен, требующей творчества и изобретательности переводчика. Эти идеи представляются нам плодотворными при анализе говорящих имен.

О переводе говорящих имен с английского языка на русский пишут М.Н. Литвинова и Ю.Н. Пинягин, обращая внимание на то, что их перевод – это субъективный творческий процесс. Перед переводчиком стоит задача – сохранить внутреннюю форму и соответствующий имени образ. Используя транскрипцию и транслитерацию, переводчики подчеркивают принадлежность имени к иноязычной культуре, так как они не учитывают внутреннюю форму, утрачивая метафоричность и образность [Литвинова 2018].

Обратимся к результатам исследований Н.А. Поляковой, которая анализирует роль говорящих имен в сатирических и юмористических произведениях. Исследователь отмечает, что *комическая функция* играет *доминирующую роль в говорящих именах*, и сами тексты насыщены говорящими именами. Смысловая и эмоциональная информация говорящих имен передается за счет их *внутренней формы и образности*. Автор отмечает «обнаженную»

семантическую основу говорящих ИС, что позволяет читателю улавливать *подтекст* произведения, и что является конституирующим параметром текста. Способность говорящих имен выпукло охарактеризовать даже эпизодического персонажа позволяет назвать их не только «говорящими», но даже «кричащими» ИС. Что касается перевода говорящих имен, в отличие от обычных, которым предписано передавать антропоним двумя способами: транскрипцией или транслитерацией, в данном случае предпочтительно именно переводить в собственном смысле слова, обращая особое внимание на их внутреннюю форму и образность. Автор работы подчеркивает, что при переводе говорящих имен должны быть сохранены *конституирующие параметры*. Достижение данной цели требует такой стратегии перевода, которая включает в себя *перевод на морфемном уровне с сохранением значимости*. Морфемный уровень предполагает добавление типичных для языка-источника аффиксов, окончаний, сочетаний гласных и согласных звуков. Именно *передача образности* говорящих имен, лежащей в основе метафоричности, представляет наибольшую сложность их перевода, что будет исследовано в рамках нашей работы.

Изучая ономастическое пространство переводного художественного текста и дискурса, мы пришли к выводу, что перевод ИС-антропонимов, которые относятся к группе так называемых «говорящих имен» («значимых имен», «смысловых имен») вызывает серьезные трудности ввиду их особого *колорита*, той роли, которую они играют в раскрытии образов персонажей, той дополнительной имплицитной информации, которая закодирована автором и должна быть декодирована переводчиком. При этом многие авторы отмечают, что трудности перевода приводят к большому количеству переводческих ошибок.

В рамках нашего исследования мы будем опираться на классификацию говорящих имен, предложенную С. Влаховым и С. Флориным, которые акцентируют внимание на внутренней форме имени, в которой заложена характеристика персонажа, его психологический или физический портрет. Ученые

выделяют следующие свойства говорящих имен: аллюзивность, ассоциативность, своеобразие фонетической формы [Влахов, Флорин 1986]. В текстах оригинала мы изучаем говорящие имена, которые мы условно разделили на три группы: аллюзивные антропонимы, ассоциативные антропонимы, антропонимы, построенные на фонетической игре. Под аллюзивными мы будем понимать такие ГИ, которые созданы автором по аналогии, намекам, отсылая читателя к другим именам, объектам, предметам и пр. Под ассоциативными мы будем понимать ГИ, которые указывают на закономерную связь с другими именами или обозначаемыми ими предметами и явлениями: одно наименование влечет за собой другое. ГИ в виде фонетической игры содержат элементы фоносемантического восприятия имени.

Многие исследователи отмечают, что говорящее имя часто передает сатирический или юмористический эффект, что мы также попытаемся пронаблюдать на примере художественного юмористического дискурса.

Метафорическая модель прозвищного имени. Исследование прозвищ в художественном тексте с позиций метафорологии в настоящее время является достаточно редким явлением, несмотря на то, что сами прозвища как феномен ономастикона возникли гораздо раньше, чем фамилии. Г.О. Винокур, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, А.М. Селищев, В.К. Чичагов, И.С. Стаханова, И.Ю. Карташова, Э.В. Шабунина, С. Влахов, С. Флорин и др. описали специфику прозвищ в русском языке. Один из первых отечественных ученых, который дал лингвистическую характеристику прозвищ, был Г.О. Винокур. Ученый писал о том, что прозвище является термином, которому *не свойственна интеллектуальная чистота*. Это означает, что прозвище традиционно несет в себе *отрицательную коннотацию* [Винокур 1991].

Дефиниция прозвища представлена в работе В.К. Чичагова: «Прозвищами называют слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей, и под которыми они известны

обычно в определенном, часто довольно узком кругу общества: «*А зовут меня Касьяном, по прозвищу Блох*» [Чичагов 1959: 5].

Прозвище является неофициальным именем человека и употребляется в малых социальных группах (семья, школа, работа). Будучи вторым именем, прозвище обычно мотивировано.

Как видим, прозвища – это номинации, которые даются человеку на основе характерных черт, особенностей его поведения, внешних проявлений.

Многие ученые рассматривают их с позиций теории поля, подчеркивая, что ИС занимают ядерную позицию, а прозвища – периферийную. Некоторые ученые относят прозвища к разговорному пласту диалектной лексики, а иногда и к жаргонным единицам.

Прозвища обладают прозрачной семантикой, которая легко «читаема» коммуникантами и выступает своего рода «зеркалом», которое отражает качества субъекта, наделенного прозвищем. Существуют различные основания для возникновения прозвищ. Данная проблема исследуется А.М. Селищевым, В.К. Чичаговым и др.

Будучи разновидностью антропонимов, прозвища являются неиссякаемым источником неофициальных наименований человека. Прозвища отличаются прозрачной семантикой, высокой степенью *эмоционально-экспрессивной* оценочности, преимущественно *негативного* характера. Прозвища имеют узкий диапазон употребления, так как они понятны определенной группе людей, а за пределами этой группы они теряют свой статус.

О роли прозвищ в художественном тексте пишет Э.В. Шабунина: «... прозвище становится в сознании читателя воплощением художественного образа» [Шабунина 2016: 66].

В связи с тем, что образование прозвищ мотивировано, они распределены по группам. В.К. Чичагов предложил следующую классификацию: *индивидуальные, групповые, профессиональные, возрастные, территориальные, социально-групповые* [Чичагов 1959]. В другой классификации прозвища распределены по типичным свойствам, таким как внешний вид,

профессия, социально-экономическое положение, физические недостатки, животные, растения и пр. Н.А. Аблова предлагает следующую классификацию: *шутливое, дразнящее, смешное, насмешливое, уничижительное* [Аблова 2019].

Нас заинтересовала классификация И.Ю. Карташовой, которая вычленила следующие типы прозвищ: прозвища с факультативной образностью, прозвища с имплицитной образностью, прозвища с эксплицитной образностью, прозвища с динамичной образностью. В этой классификации наиболее ярко отражена метафорическая природа прозвищ [Карташова 1985].

Многие ученые подчеркивают образный характер прозвищ, их эмоционально-оценочный статус, что сближает прозвища с метафорой. Существуют прозвища с имплицитной образностью. Так, называя женщину *селедкой*, говорящий подчеркивает ее худобу. В целом, семантический спектр прозвищ чрезвычайно широк.

Приведем примеры прозвищ в русской лингвокультуре: *Иванчик (дедушку звали Иван), Копыток (лечил животных), Сметана (любил сметану), Колчак (любил командовать), Гусь (ходил важно)* и др.

Как отмечают исследователи, прозвища метафоричны, как по происхождению, так и по актуальному значению. В художественном тексте благодаря наблюдениям и фантазии писателя их метафоричность усиливается и приобретает новый смысл.

Чаще всего прозвища появляются для шутливого, насмешливого обращения к человеку, что обуславливает их использование в юмористическом дискурсе, и что имеет непосредственное отношение к нашей теме. В художественном тексте прозвище, наряду с другими антропонимами, выполняет стилистические функции. В определенных ситуациях прозвища превращаются в символы, что также сближает их с метафорой.

И.С. Стаханова изучала прагматику школьных прозвищ на примере современных русских и американских онимов [Стаханова 2011]. Исследователь пришла к выводу об универсальности данного феномена, свойственного обеим

лингвокультурам. Наиболее мотивированы к образованию прозвищ подростки. Являясь неофициальным дополнительным именем, прозвища соотносятся со сферой межличностного взаимодействия в коллективе. Эмоциональная оценка, свойственная прозвищам, носит градационный характер: удовлетворение, гордость, безразличие, удивление, обида, отчаяние, ненависть.

Современные прозвища даются людям по различным признакам, например, по сходству человека с внешним видом предмета, с представителями флоры и фауны, а также по географическим или другим признакам. Опираясь на прямые значения апеллятивов, прозвища создают своего рода второй пласт номинации, расширяя тем самым спектр индивидуальных, групповых, профессиональных, возрастных, территориальных, социальных метафорических образов.

Так, например, в китайском языке в юмористическом художественном дискурсе употребление прозвищ распространено, начиная с древних времен.

Приведем примеры из романа «Речные заводи» Ши Найань, известного писателя XIV века:

1. 白胜, 梁山一百单八将之一, 绰号"白日鼠"。白玉堂, 人称"锦毛鼠"
2. 这马兵都头姓朱, 名全, 身長八尺四五, 有一虎须髯, 长一尺五寸, 面如重枣, 目若朗星, 似关云长模样, 满县人都称他做“美髯公”。
3. 那步兵都头姓雷, 名横, 身長七尺五寸, 紫棠色面皮, 有一部扇圈胡须, 为他膂力过人, 能跳三二丈阔涧, 满县人都称他做“插翅虎”。

В данных примерах автор использует следующие прозвища, выделенные жирным шрифтом, которые переводятся как «мышка», имея ввиду что речь идет о маленьком человек, который быстро бегаёт; «бородач», обозначающий человека с красивой бородой; «крылатый тигр», обозначающий мощного, сильного, ловкого мужчину.

Как показали наши наблюдения, в китайских текстах прозвища употребляются достаточно часто. Вместе с тем, согласно китайской переводческой традиции, прозвища транскрибируются, чтобы передать оригинальное

звучание иноязычного (русскоязычного) текста. При этом китайский читатель не всегда сможет догадаться, что автор оригинала использовал прозвищное имя.

В художественном дискурсе прозвище используется автором для меткой характеристики персонажа, приобретая при этом метафорические смыслы, характеризующие те или иные метафорические модели.

Подводя итог, заметим, что прозвища отражают ценностные доминанты лингвокультурного сообщества, в котором они были образованы, вследствие чего они являются средством проникновения в аксиосферу как отдельной языковой личности, так и этноса в целом. Наряду с говорящими именами и прецедентными именами прозвища представляют собой результат метафоризации имени собственного, что придает им определенную культурную насыщенность и значимость. В работе мы будем опираться на классификацию прозвищ, предложенную И.Ю. Карташовой.

Метафорическая модель прецедентного имени. Как показывают результаты исследований, прецедентные имена в функции метафоры соотносятся, преимущественно, с интертекстуальностью и образностью. Метафорическое употребление ономастической метафоры означает развертывание в тексте дополнительных смыслов, вызывающих в сознании реципиентов новые реминисценции с известными культурно-прецедентными ситуациями, способствуя тем самым пониманию. Согласно современным представлениям, прецедентное имя вербализует сжатое представление в виде образа, к которому обращаются для актуализации старого знания и формирования на его основе нового знания. В этом состоит суть процесса метафоризации, свойственного прецедентному имени. Метафорически использованное прецедентное имя обладает семантической двойственностью, так как оно объединяет образы известного и неизвестного, старого и нового, и это соотношение динамично.

Термин *прецедентность* был введен и обоснован Ю.Н. Карауловым при описании структуры языковой личности в 1980-х годах XX века. Теория

прецедентности пересекается с теорией интертекстуальности, так как прецедентное имя является обычно индивидуальным именем, которое приобрело широкую известность, следовательно, оно употреблялось в других текстах и дискурсах.

Согласно Ю.Н. Караулову, характерными свойствами прецедентного имени (ПИ) являются следующие: 1) ПИ зафиксировано в сознании носителей языка данной языковой общности; 2) ПИ является фактом культуры; 3) ПИ неоднократно употреблялось и обновлялось в различных дискурсах. ПИ является значимым для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях и хорошо известно окружающим [Караулов 1987].

Современные исследования ПИ представлены в работах Н.Н. Воропаева, В.Н. Кондрашовой, Ф.С. Кудряшовой, Л.В. Моисеенко, Е.А. Широких и др. Важнейшими параметрами ПИ ученые признают экспрессивность, символизм, наличие коннотаций, высокий культурный потенциал. ПИ национально маркировано. Вместе с тем, среди ПИ выделяют две категории: этнокультурные и общекультурные, что приобретает особое значение в рамках нашей работы, так как мы наблюдали обе категории в юмористическом дискурсе.

Кроме того, исследователи отмечают *позитивную коннотацию* ПИ, отражающих аллюзии и намеки автора текста, которые хранятся в его памяти, и вызывают ассоциативные ходы мысли читателя.

В.В. Красных предлагает следующую трактовку: «Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, (например, Печорин, Теркин) или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии - референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. ПИ может состоять из одного (например, Ломоносов, Кутузов) или более элементов (например, Павлик Морозов, Баба Яга), обозначая при этом одно понятие» [Красных 2003: 172].

Приведем пример из работы В.В. Красных, касающийся характеристики по чертам характера: «Называя кого-либо *Наполеоном*, автор характеризует этого «некто» как человека с большими амбициями (вспомним классика: *Мы все глядим в Наполеоны*. Пилотажный опрос французской аудитории показал, что для французов Наполеон связан в первую очередь с подвигами на любовном поприще. Представьте себе, как француз воспримет фразу: «*У меня наполеоновские планы...*» [Красных 2002: 81]. Данный пример показывает, что национально-прецедентное имя как метафора имеет четко выраженную национальную коннотацию, что требует от переводчика определенных интеллектуально-эмоциональных усилий.

В.В. Красных акцентирует внимание на специфике ПИ, которые пришли из других языков (*Пуаро, Мегрэ, Холмс* и др.), в результате чего их инвариант восприятия разнится по культурам. Так, например, *Дон Кихот* для русских – доблестный, бескорыстный боец, для испанцев – человек не слишком большого ума, для американцев – человек, занятый бесплодным и бесполезным занятием [Красных 2002]. Подводя итог, В.В. Красных выявляет три типа прецедентных феноменов и ПИ: социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные.

Приведем примеры ПИ из китайского языка, заимствованные из работы Н.Н. Воропаева:

诸葛亮 Чжугуэ Лян – мудрец

花木兰 Хуа Мулань – девушка, переодетая мужчиной и ушедшая на войну вместо своего отца. Образ верной дочери и героини [Воропаев 2012].

Проблема прецедентных имен освещается Е.А. Нахимовой при анализе президентского дискурса (Нахимова 2007). Подчеркивая знаковый характер ПИ, ученый рассматривает его как сложный языковой знак, который может быть выражен такими смежными понятиями как логоэпистема, интертекстема, текстовая реминисценция, метафора. В рамках нашего исследования особенно важно соотношение ПИ с метафорой, так как понимание ПИ осуществляется в рамках вертикального контекста с филологической или социально-

исторической позиции, т.е. сфера-источник имеет литературное или социальное происхождение.

В работе В.Н. Кондрашовой прецедентное имя анализируется с позиций юмористического дискурса, в частности, автор изучает использование библеизмов в юмористических рассказах П.Г. Вудхауза. Одним из библеизмов является древнеримский бог Купидон, который также упоминается П.Г. Вудхаузом. В нашей работе мы рассматриваем данный библеизм как проявление антропонимической метафоры. Как отмечает автор статьи, согласно английской литературной традиции, в речи персонажей часто используются прецедентные имена, для понимания которых необходимо знание прагматической пресуппозиции, т.е. контекста, в котором первоначально использовался библеизм. Англичане высоко ценят интеллект и профессионализм. Глупость является предметом для осмеяния, что находит отражение в юмористических рассказах. Согласно автору статьи, семантика прецедентного феномена сочетает в себе столкновение узувального значения библеизма и его контекстуального смысла, для понимания которого необходимо владение определенным кодом культуры, что создает определенные трудности в процессе межкультурной коммуникации при переводе [Кондрашова 2007].

Проблема прецедентных феноменов в английской культуре исследуется Е.А. Широких, которая вычленяет основные черты возникновения комического эффекта, такие как противоречие, несоответствие, несообразность. Их совокупность создает специфическую ситуацию, порождающую смех. Автор поясняет, что прецедентные имена представляют собой сравнения с известными художественными персонажами, историческими деятелями и др., что мы также наблюдали на нашем материале. Прецедентные имена выступают в тексте в виде интертекстуальных вкраплений. Основная сложность в межкультурной коммуникации состоит в том, чтобы распознать их в тексте [Широких 2015].

В рамках нашего исследования актуальна идея о том, что ПИ описываются с точки зрения механизма метафоризации. Мы рассматриваем ПИ как

разновидность ономастической метафоры, которая в юмористическом дискурсе является антропологическим маркером, обладающим культурным потенциалом, который несет в себе юмористический эффект.

Завершая обзор работ, посвященных различным проявлениям ономастической метафоры в виде говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, которые мы рассматриваем как антропонимические метафорические модели, каждая из которых выполняет различные метафорические функции, мы считаем, что в юмористическом дискурсе они выполняют юморообразующую функцию. При этом прозвищные имена обладают отрицательной коннотацией, а прецедентные имена обладают положительной коннотацией. Все типы антропонимической метафоры являются культурно значимыми именами с высоким экспрессивно-оценочным и экспрессивно-образным потенциалом в юмористическом дискурсе оригинала.

Выводы к главе 1

В рамках первой главы были изучены различные аспекты антропонимической метафоры как языковой универсалии, обладающей спецификой реализации в трех разносистемных языках: русском, английском, китайском, и были сделаны следующие выводы:

1. В художественном юмористическом дискурсе антропонимическая метафора, выраженная говорящим именем, прозвищным именем, прецедентным именем, представляет собой речевую реализацию культурно значимого имени собственного, аккумулируя систему национально обусловленных ценностей, образов, ассоциаций, наделенных метафорическими смыслами, которые отражены в метафорической картине мира.

2. История и происхождение антропонимов связаны с историей нации. В русском языке имя отражает национальные, региональные, семейные традиции. Антропонимикон содержит множество имен латинского и греческого происхождения, но также исконно русские имена. В британской лингвистической традиции антропонимы рассматриваются как неотъемлемый атрибут

человеческого существования, как языковые знаки, обозначающие реалии в зависимости от лингвистических, культурных, социальных факторов. Выбор имени зависит от моды, благозвучия, религии, оригинальности, ассоциаций, принадлежности к социальной группе и пр. Писатели способствуют не только популяризации тех или иных имен, но создают новые, которые вошли в состав английского антропонимикона. В китайском языке сложилась уникальная ономастическая традиция: имя подбирается индивидуально, так как готовых имен не существует, в то время как набор фамилий ограничен. Писатели способствуют не только популяризации тех или иных имен, но создают новые, которые вошли в состав английского антропонимикона.

3. В каждом языке существует своя формула имени. В русском языке эта формула является трехкомпонентной: (имя + отчество + фамилия), в английском языке – двухкомпонентной (имя + фамилия), в китайском языке формула имени включает односложную фамилию и две односложных морфемы (имя). В художественном юмористическом дискурсе автор часто использует не всю формулу имени, а лишь ее часть, что особенно ярко проявляется в русскоязычных именах.

4. Каждый язык имеет свой ономастикон, содержащий культурно-историческую информацию и несущий определенную семантическую нагрузку, независимо от того, мотивирован он или немотивирован, подвижен и вариативен или наоборот, неподвижен, невариативен. Ономастикон художественного дискурса актуализируется в процессе установления синтагматических и парадигматических отношений всех входящих в него онимов. В работе нас интересуют исключительно имена собственные людей, т.е. антропонимы. Антропонимикон является частью ономастикона.

5. Антропонимическая метафора изучается в работе в свете когнитивной теории метафоры, согласно которой метафора представляет собой языковое явление, отображающее когнитивный процесс как некую ментальную операцию, объединяющую две понятийные сферы: сферу источника и сферу цели.

6. Метафорическая модель понимается в работе как «существующая или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными областями...» [Чудинов 2006: 70]. Особое внимание уделено модели ономастической метафоры как регулярной модели смыслопроизводства, как особой речевой реализации воплощенного имени.

7. Антропонимические метафорические модели юмористического дискурса представлены тремя типами: говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя, метафорический смысл которых передается по-разному, что отражает характер порождаемого автором юмористического эффекта. Метафорический смысл говорящих имен обладает свойствами аллюзивности, ассоциативности или фонетической игры, которые отражают юмористическую интенцию автора в данной метафорической модели. Метафорический смысл прозвищных имен обладает эксплицитной, имплицитной, динамической, факультативной образностью и отражает юмористические стереотипы смехового поведения. Для прецедентных имен метафорический смысл передается в виде национально-прецедентных и универсально-прецедентных имен, что позволяет им отражать юмористическую тональность автора.

8. Возникающий в процессе порождения и функционирования в художественном тексте юмористический эффект в виде юмористической интенции, юмористической тональности, юмористических стереотипов смехового поведения мы условно соотносим с одной из моделей антропонимической метафоры, т.е. речь идет о тенденции, и данное соотношение носит вероятностный характер.

2 ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

2.1 Современные подходы к анализу дискурса

Обращаясь к исследованию дискурса, мы опираемся на фундаментальные положения, сформулированные в общенаучной теории систем и солидаризуемся с теми учеными, которые постулируют системный подход в дискурсивных исследованиях. В обзорной статье С.Л. Мишлановой и Т.М. Пермяковой подчеркивается: «... дискурс по определению является системой. Дискурс как вербально опосредованная профессиональная деятельность представляет собой двухуровневую систему, внешним уровнем которой является профессиональная деятельность, а внутренним – речевая» [Мишланова 2007: 354]. Такой подход логически проистекает из системности самого языка, представляющего собой классический пример системы.

Российская дискурсология опирается на трактовку дискурса, впервые предложенную Н.Д. Арутюновой: «... связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент во взаимодействии людей и механизма их сознания... речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Динамика исследования дискурса в его отношении к речи, тексту и языку прослеживается в работе Г.Н. Манаенко. Автор подчеркивает многозначность содержания понятия *дискурс*. Сначала дискурс опирался на нерасчлененный термин *речь*, постепенно, он стал относиться к одной из сторон речи – либо к *тексту*, либо к *речевой деятельности*. Далее термин дискурс стали трактовать как *текст и еще что-то*, т.е. текст в совокупности с внеязыковыми факторами. Речь идет о социальном, культурном, ментальном контексте. При этом трактовка дискурса зависит от того, идут ли исследователи «от текста» или от «речевого общения». Автор предлагает такое соотношение ключевых понятий: «По отношению к речевому общению дискурс предстает как социально детерминированный тип его осуществле-

ния, текст как форма осуществления (внешнее выражение речевого общения в языковом коде), соответственно, речевая деятельность как способ осуществления, а язык как средство (орудие для осуществления этой деятельности)» [Манаенко 2008: 58]. Г.Н. Манаенко склоняется к следующей трактовке дискурса: «коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера» [Манаенко 2008: 57].

Аналогичную позицию занимает Н.Н. Белозерова. Лингвистическое использование термина *дискурс* сближает его с понятием речевой деятельности, что обусловлено, по замечанию Н.Н. Белозеровой, недостаточностью сосюрховской дихотомии язык – речь: «важно было определить, какие процессы регулируют превращение языка в речевое событие. Обобщая, можно сказать, что *дискурс* непосредственно связан с *регулятивами* любой деятельности» [Белозерова 2004: 18].

В.Е. Чернявская расценивает дискурс как одну из форм «социального знания», языковое выражение общественной практики, за которым стоит определенная национально-историческая ментальность [Чернявская 2002]. При этом важно вычленить границы дискурса, которые определяются относительно некоторого периода времени, области знаний и других параметров. В связи с тем, что В.Е. Чернявская неоднократно обращалась к трактовке дискурса, ее определения также отличаются разнообразием. Приведем одну из первых трактовок: «... под дискурсом понимается корпус текстов, связь между которыми устанавливается на основании содержательных критериев: тексты одного дискурса обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и/или выступают в общей системе высказываний, объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении» [Чернявская 2007: 127].

Поясним, почему мы остановили свой выбор на данном определении. В работе мы исследуем юмористический дискурс, т.е. совокупность текстов на русском, английском и китайском языках в оригинале и переводе, которые обращены к одной теме – юмору, одному концепту – метафорическому име-

ни собственному, которое либо создает юмористический эффект, либо является элементом юмористического явления или события.

Как подчеркивает В.Е. Чернявская, анализ дискурса является макросемантическим и глубинно-семантическим. При анализе переводного юмористического дискурса мы также опираемся на глубинные, имплицитные смыслы, которые мы определяем как метафорические смыслы.

В.Е. Чернявская раскрывает понимание дискурса через специфику текста как целого, который получает реальное осмысление через связь текста с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном: «Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом» [Чернявская 2004: 20]. Ученый приходит к выводу, что эмпирической основой изучения дискурса выступают любые сферы человеческой коммуникации.

В более поздних работах В.Е. Чернявская отмечает, что исследование дискурса позволяет рассматривать текст в его процессуальной природе, так как дискурс – принципиально открытая система. Ученый дает следующее определение дискурсивности: «Дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства» [Чернявская 2014: 121]. Такая трактовка позволяет рассматривать дискурс как разновидность наиндивидуальной коммуникативно-речевой практики. В настоящее время можно говорить о становлении самостоятельного направления исследований – лингвистики дискурса. В нашей работе в рамках лингвистики дискурса изучается его разновидность – юмористический дискурс.

2.2 Характеристика юмористического дискурса в свете классических концепций

В нашем исследовании выбрана сфера юмора как явление, раскрывающее позитивное отношение человека к действительности, призывающее к совершенствованию явлений, что отличает его от сатиры, сарказма, иронии. В самом широком смысле юмор трактуется как видовое понятие по отношению к комическому, выступающему родовым понятием. Теория юмора широко исследуется как классическими, так и современными учеными. Обращение к юмористическому дискурсу приводит нас к дефиниции понятия «юмор» в классической и современной лингвистике. Согласно данным толковых словарей С. Ожегова, В.И. Даля, Ушакова, юмор – это интеллектуальная способность, а чувство юмора – это умение субъекта обнаруживать противоречия в окружающем мире. Термин юмор происходит от латинского слова «humor» – «влага» и обозначает настроение духа человека. В художественном дискурсе юмор предполагает изображение ситуации или человека в комическом виде.

Первые сведения о сущности комического мы встречаем в трудах Аристотеля: «Комедия... есть подражание людям худшим, хотя и не во всей их подлости: ведь смешное есть лишь часть безобразного. В самом деле, смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное...» [Аристотель 1984: 650]. В аристотелевских трактатах комедии, также как эпос и трагедии понимаются как подражание (*mimeseis*), различие которых состоит в средствах, предметах и способах подражания. В этом он видел различие искусств.

В настоящее время сложилось несколько направлений в исследовании юмора. Во-первых, юмор изучается с философских позиций (Аристотель, Гоббс, Р. Декарт, А. Шопенгауэр, А.Б Бергсон, З. Фрейд и др.). Во-вторых, юмор изучают с исторических, социологических, культурологических позиций (В.Я. Пропп, Ю.Б. Борев, Д.С. Лихачев, Л.В. Карасев и др.). В-третьих,

юмор изучается с лингвистических позиций (В. Раскин, С. Аттардо, А.В. Дмитриев, В.И. Карасик и др.). В нашем исследовании мы обратимся к работам представителей указанных направлений, но нас интересует преимущественно лингвистический аспект юмора.

Обратимся к филологическому творчеству М.М. Бахтина, посвященному Франсуа Рабле и народной культуре. Ученый называет Ф. Рабле наследником и завершителем тысячелетий народного смеха, подчеркивая, что его творчество – это незаменимый ключ к пониманию всей европейской смеховой культуры. Самой известной работой ученого является «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса (постановка проблемы)» [Бахтин 1986]. В этой работе М.М. Бахтин описал три формы выражения народной смеховой культуры, заложенные в творчестве Ф. Рабле: обрядово-зрелищную, словесную и фамильярно-площадную речь. В описываемые эпохи каждый церковный праздник имел свою освященную традицией народную смеховую культуру, которая отличалась от официальной. М.М. Бахтин рассуждает об амбивалентности смеха, о двоимирии в сознании народа, так как тот мир, в котором смеется народ, включает и самого смеющегося. Народ не просто созерцает карнавал, он в нем живет. М.М. Бахтин характеризует смеховую латинскую литературу, богатую пародиями, а также фамильярную речь, где имеет место осмеяние, ругательства, ослабление речевого этикета.

Заслуга Ф. Рабле, по мнению М.М. Бахтина, состоит в том, что ему удалось собрать народную мудрость, народное смеховое творчество, что послужило импульсом для многих других европейских писателей – Сервантеса, Гоголя и др. Сам М.М. Бахтин считает, что гротескный реализм Ф. Рабле, основанный на смеховой культуре, недостаточно понят и оценен не только современниками французского писателя, но и исследователями последующих эпох. В своей работе «Рабле и Гоголь» М.М. Бахтин выстраивает параллели, сравнивая великих писателей, исследуя то влияние, которое оказал Ф. Рабле на Н.В. Гоголя [Бахтин 1975].

Идеи М.М. Бахтина развивал С.С. Аверинцев, который писал о духе времени и чувстве юмора. Он сравнивал природу человека со смеющимся животным, или *animal ridens*. Юмор предполагает контраст, противопоставление, наличие двух противоположных полюсов, взывающих к выбору между нормой и отклонением от нормы, к размышлению. Объясняя философию смеха, С.С. Аверинцев рассматривал смех как некое динамическое событие, в котором осуществляется движение ума, нервов, мускул [Аверинцев 2000].

В семидесятые годы прошлого века теория комического получила дальнейшее развитие в концепции польского ученого Б. Дземидока. Автор представил широкую панораму исследований в данной области, как в историческом аспекте, так и с общелингвистических онтологических позиций [Дземидок 1974]. В поле его зрения – труды, начало которым положил Аристотель, и которые отражены в философских трактатах и лингвистических теориях. Б. Дземидок считает, что в основе комического лежит теория противоречия, основоположниками которой являются А. Шопенгауэр и Г. Гегель. Эти ученые признают комическим то, что представляет собой отклонение от нормы.

Б. Дземидок установил соотношение различных категорий комического, к которым он относит юмор, сатиру, иронию. В рамках нашей работы важно установить соотношение комического и юмора. В разработанной автором схеме юмор является одним из видов комического. При этом юмор понимается как такое явление, в котором моменты одобрения уравновешены моментами отрицания, но первые преобладают. Ученый также рассуждает об эффекте комического, обладающего познавательной ценностью. Эта идея особенно важна при переводе юмористического дискурса, когда необходимо передать эффект комического, сохраняя при этом ценность произведения. В целом автор приходит к выводу, что комические произведения – это своего рода документы эпохи. Мы обратились к произведениям комического на русском и английском языках и их переводу на китайский язык, которые отно-

сятся к первой половине двадцатого века, что позволит представить понятие юмора в определенную эпоху.

Подчеркивая антропоцентрическое начало юмора, А. Бергсон полагал, что мы можем чувствовать комическое только в общении с людьми [Бергсон 2000]. В рамках теории комического автор анализирует теорию остроумия в изложении З. Фрейда. Как полагает З. Фрейд, техника остроумия избавляет нас от логического контроля [Фрейд 2015].

Глубокие исследования в сфере комического проведены В.Я. Проппом, который анализирует как теоретические изыскания предшественников, так и художественные произведения русских писателей-классиков: Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова и др. [Пропп 1999]. Как отмечает В.Я. Пропп, комическое основано на противоречиях, при этом разные виды смеха соотносятся с различными человеческими отношениями. Смех представляет собой признак человеческой даровитости. Смех возникает в том случае, если есть причина, в связи с чем классификацию смеха лучше проводить в зависимости от причин, которые вызывают смех. основополагающие причины могут быть исторического, социального, национального, личностного характера. Обычно это физические, умственные и моральные качества человека. Важно отметить, что там, где смеется один, другой может не смеяться.

Онтология юмора освещается в работах американских ученых С. Аттардо, В. Раскина. В основе их размышлений – бисоциальность юмора, акцент на смысловое несоответствие бинарных категорий. Комический эффект создается в своего рода точках пересечения независимых друг от друга контекстов. В. Раскин вводит понятие скрипта как некоего устойчивого сценария, как обобщенного представления о действительности в сознании человека. Юмористический текст ориентирован одновременно на два скрипта, находящихся в оппозитивных отношениях. Именно противоречие, неожиданность, алогизм, парадокс заложены в основе юмористического высказывания, которое призвано активизировать в нашем сознании ментальные механизмы.

В. Раскин дает описание речевых условий создания комического эффекта [Raskin 1985]. Ученый использует термин, введенный А. Кестлером, «бисоциации» для описания процесса достижения комического эффекта. Бисоциации трактуются как точки пересечения двух независимых контекстов, подчеркивая, что именно контексты при всем их различии имеют точки соприкосновения и сопоставления, создающие комический эффект. Смех является естественной реакцией человека на когнитивный диссонанс и возникает в результате возникновения новой ассоциативной связи между этими контекстами. Сам он вводит понятие «скрипт», который ученые уподобляют понятию «фрейм». Скрипт – это устойчивый сценарий, который создает дополнительный контекст. Скрипт является когнитивной структурой, несущей информацию. В. Раскин разработал семантическую теорию скриптов, согласно которой юмористический эффект основан на двух условиях: 1) текст соотносится с двумя разными скриптами; 2) эти два скрипта составляют оппозицию. Действие скриптов разделяется на два этапа: порождение юмористического эффекта и распознавание юмористического эффекта.

Данное положение представляется особенно значимым для нашего исследования, так как при переводе этот процесс усложняется, что влечет за собой усложнение когнитивной структуры: сначала происходит распознавание и порождение со стороны переводчика, а затем – распознавание со стороны реципиента.

Проблема комического исследуется М. Минским. В одной из своих работ М. Минский так объясняет механизм создания юмористического эффекта: «Общим для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем – неожиданно, для чего достаточно одного-единственного слова – предстает в совершенно ином ракурсе» [Минский 1988: 293-294].

Признавая сложность исследования механизма юмора, М. Минский пишет: «У юмора нет четких естественных границ, поскольку лежащие в его основе явления сами перекрываются и взаимодействуют друг с дру-

гом ... слово «юмор» вовсе не указывает на какую-то реальную вещь. Скорее он указывает на имеющуюся у каждого человека мыслительную «сетевую» модель, слегка отличающуюся от аналогичных моделей у других людей. Каждый из нас понимает и использует это слово немного по-разному, подобно тому, как каждый из нас смеется над различными шутками» [Минский 1988: 298; 300].

В качестве метода изучения юмора ученый предлагает фреймовый подход. Его суть заключается в следующем. Наши знания о мире представлены в сознании в виде фиксированного набора стереотипных ситуаций, что может быть описано в виде своего рода ячеек, или фреймов. При описании новой ситуации человек выбирает в своей памяти подходящий фрейм. Структура фрейма включает в себя сеть, узлы и связи между ними. Выделяют верхние уровни фрейма, которые четко определены, т.к. образованы известными понятиями, и низкие уровни, которые заполняются новыми данными в процессе взаимодействия с окружающим миром.

В каждой национальной культуре, в каждом социальном слое по-разному проявляется чувство юмора. Так, для французского юмора свойственно изящество и остроумие, для немецкого – тяжеловесность, для английского – добродушие или едкая насмешливость, для русского – горечь и сарказм. Смех требует изучения двух величин: смешного объекта и смешного субъекта. Традиционно комический объект изучается в рамках эстетики, а комический субъект – в рамках психологии.

Нас интересует лингвистический аспект комического. Фундаментальные исследования в области теории комического принадлежат современному отечественному ученому Л.В Карасеву, наиболее известные работы которого «Парадоксы смеха», «Философия смеха» [Карасев 1989; 1996]. В лингвофилософском аспекте смех трактуется ученым как набор смысловых линий, создающих единое целое. Ученый сравнивает смех с зеркалом, в котором отражаются и преобразуются наши эмоции, как бы «удваивая» пространство души. Отсюда многообразие оттенков смеха. Смех возникает в определенной

социальной ситуации. Автор выделяет два типа комического: смех тела и смех ума. В первом случае речь идет о телесном витальном смехе, когда человек выражает радость и удовольствие, начиная с младенчества. Во втором случае речь идет о комической оценке действительности, которая синтезирует эмоции и рефлексии человека, а сам смех выступает сложной парадоксальной эмоцией. В широком смысле комическое является реакцией человека на символическое взаимодействие с другими людьми, в связи с чем он является регулятором поведения человека в обществе.

В целом смех является целостным культурно-историческим и онтологическим феноменом, определяющим взаимоотношения людей в обществе.

2.3 Современные воззрения ученых на юмористический дискурс

Исследование юмористического дискурса всегда привлекало внимание ученых. Что касается типологии юмора, психологи различают соединительный, агрессивный, укрепляющий, саморазрушающий юмор. В лингвистике вычленяют следующие типы юмора: абсурдный, белый, черный, зеленый, грубый, сухой, гротескный, сатирический, саркастический и др. В каждой национальной культуре юмор приобретает свои особенности и нюансы.

Категория юмора исследуется М.М. Филипповой, поясняющей, что юмор является одним из наиболее сложных элементов национальной культуры и национального характера [Филиппова 2007]. При этом построение национальной картины мира является одной из функций когниции. Изучая специфику английского юмора, автор отмечает, что юмор пронизывает всю социальную жизнь англичан: «... более тонкие формы юмора, такие, как остроты, иронические замечания, недомолвки или сдержанные высказывания, подшучивание, подтрунивание, поддразнивание, уколы, направленные против помпезности и прочих недостатков товарищей по работе, являются неотъемлемой частью атмосферы...» [Филиппова 2007: 243]. Таким образом, анализируя фрагмент национальной картины мира, мы получим представление о когнитивных процессах, характерных для данной нации.

По мнению исследователей юмора, одной из причин появления юмористического эффекта является разрушение говорящими стереотипного сценария и стереотипного речевого поведения. Эти идеи проиллюстрированы А.Д. Шмелевым и Е.Я. Шмелевой в статье, посвященной стереотипам русского анекдота [Шмелев 2002]. Авторы подчеркивают, что механизмы порождения юмора едины для всех юмористических жанров. Речь идет о «знании жизни» как универсальном факторе стереотипа, а также об определенном анекдотическом пространстве как специфическом факторе стереотипного речевого поведения. В каждом анекдоте актуализируется несколько стереотипов, но стереотип, который находится в фокусе внимания, разрушается, что порождает комический эффект. Приведем пример из этой статьи: Встречаются двое друзей. Один говорит другому: *«Не понимаю, что все так восхищаются этим Карузо. Ни слуха, ни голоса, фальшивит, картавит»* – *«А что, ты слышал Карузо?»* – *«Нет, мне Рабинович напел»*. В этом анекдоте разрушается стереотип о том, что можно что-то узнать «из вторых рук».

Глубокий лингвофилософский и лингвосоциологический анализ комического представлен в работе А.В. Дмитриева «Социология или философия смеха» [Дмитриев 1996], а также в совместном исследовании с А.А. Сычевым «Смех: социофилософский анализ» [Дмитриев 2005]. Смех рассматривается учеными как социальный феномен, который характеризуется исторической изменчивостью. Авторы прослеживают историю смеховой культуры в мире: в античности смех был символом победы, в средневековье он выражался в карнавале т.е. в «мире наоборот», далее наступил период романтической иронии, за которым последовал период смеховой игры. В России история смеховой культуры начинается со скоморохов и юродивых, а затем переходит в народные праздники и сатирико-юмористическую литературу, которая в начале XX века представлена в произведениях В. Маяковского, Д. Бедного, И. Ильфа и Е. Петрова и др. Как отмечал Д.С. Лихачев, смех обнажает истину.

Проблема комического эффекта при переводе исследуется российскими учеными Е.Е. Семеновой, Е.С. Абаевой и др., которые строят свои концепции, опираясь на труды зарубежных ученых, на которых мы ссылались выше.

Е.Е. Семенова в работе «Когнитивное исследование юмора в современной лингвистической науке» приходит к выводу о том, что исследование ментальных процессов юмора позволит изучить когнитивные способности человека в принципе: «Именно когнитивные способности человека позволяют воспринимать и создавать комическое, основываясь на воспоминаниях, ассоциациях, восприятии метазначений...» [Семенова 2010: 79]. Е.Е. Семенова также обращается к проблеме перевода метафоры и метонимии, обладающих юмористическим потенциалом в тексте оригинала. Используя в качестве единицы анализа фрейм, автор полагает, что возникновение юмора возможно в ситуациях, когда происходит столкновение двух самосогласованных, но несовместимых фреймов. Автор приходит к выводу, что чувство юмора является стимулом когнитивной активности мозга.

Как отмечает Е.С. Абаева, существуют две системы юмористических текстов [Абаева 2018]. Первая система расположена в плоскости текст оригинала/текст перевода. Вторая система расположена в плоскости текст перевода № 1/ текст перевода № 2, что позволяет анализировать вариативность переводческих решений. По мнению Е.С. Абаевой, большинство исследователей анализирует языковой аспект юмора, что связано с асимметрией языков и проявляется эксплицитно. Между тем, языковой аспект интегрирован в когнитивный аспект, что исследуется гораздо реже ввиду ненаблюдаемости данного процесса. Что касается прагматического аспекта, его проявления неоднозначны, и автор приходит к следующему выводу: «... нельзя утверждать, что, пытаясь переводить метафору метафорой, переводчик передаст юмористический эффект» [Абаева 2018: 353]. Эта идея подтверждается автором в вопросе: почему не смешно, если метафора переведена метафорой. С нашей точки зрения, эта идея дискуссионна, т.е. именно реметафоризация

является для нас необходимым и достаточным условием для порождения качественного – гармоничного перевода.

Проблема комической составляющей дискурса анализируется Е.А. Баженовой и И.А. Сычевой на примере утреннего радио-шоу, доминантой которого выступает гедонистическая стратегия [Баженова 2013]. Комический эффект создается благодаря использованию различных приемов, представляющих собой отклонение от нормы. Авторы анализируют различные тактики радиоведущих, которые должны удовлетворять двум условиям: во-первых, они должны приводить к возникновению двух содержательных планов: от исходной точки совершается конечный переход к внезапному результату; во-вторых, они должны быть приятны и вызывать чувство превосходства и удовольствия.

Интересно отметить, что в некоторых исследованиях метафору соотносят с созданием комического эффекта, что имеет самое непосредственное отношение к нашей проблеме. Об этом пишет В.К. Харченко [Харченко 1992].

Современные воззрения на комическое представлены в диссертационном исследовании Э.В. Шабуниной «Природа комического в романах П.Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере» [Шабунина 2016]. Эта работа имеет для нас важнейшее значение, так как ее автор обращается не только к проблеме комического, но и к способу его воплощения в романах П.Г. Вудхауза.

Идеи антропоцентризма в юмористическом дискурсе представлены в работе Л.В. Бородиной, изучающей когнитивную природу русского и французского анекдота, апеллирующего к текстовой раздвоенности концепта «человек» как человек говорящий и человек изображенный, что и создает юмористический дискурс [Бородина 2015].

В исследовании П.В. Середы анализируется британский политический юмор, воспринимаемый как образ жизни, своего рода социальный барометр, обладающий многофункциональностью [Серета 2016].

Характерные особенности английского юмора исследуются А.В. Проскуриной. Автор акцентирует внимание на том, что юмор в Англии

считается достоянием нации, но он не всегда понятен представителям других культур, что мы можем наблюдать на примере перевода. Юмор признается автором одним из методов самовыражения творческой личности, что наглядно продемонстрировано в прозе П.Г. Вудхауза [Проскурина 2004].

Э.В. Шабунина определяет юмор как эстетическую категорию, выступающую в качестве родового понятия по отношению к его основным популярным формам: юмору и сатире. Феномен комического неприменим к природе, он связан с человеком в двух аспектах: физическом и духовном. Поставив своей целью формирование концепции комического, автор исследования выявляет, каким образом писатель моделирует комический эффект. В качестве основных приемов он определяет обрисовку характера, создание комической ситуации и описание коллизий. Вместе с тем, комические имена выступают второстепенным приемом моделирования юмора. Данное замечание приобретает для нашей работы особое значение, так как мы изучаем именно комические имена как один из источников юмористического эффекта.

К проблеме изучения комического текста и комического дискурса обращается В.И. Карасик, трактующий юмористический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2018: 898]. Ученый обращается к таким понятиям как юмористическая тональность, юмористическая эмпатия, предполагающие соответствующую эмоциональную атмосферу общения и сопереживание этой ситуации. Изучая этнокультурную специфику юмора, В.И. Карасик подчеркивает идею о том, что в каждой лингвокультуре юмор обладает собственными признаками, что особенно важно для нашего исследования. Если опираться на идею ученого о том, что метафорическое сравнение в юмористическом дискурсе допускает множественность интерпретаций, ясно, что в ситуации транскультурной коммуникации такие возможности расширяются, что также значимо для нашего исследования.

Ученый выстраивает следующий алгоритм комического текста: «Юмористическое общение становится возможным, если актуализируются три уровня: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме концепты; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятых в данной лингвокультуре» [Карасик 2018: 895]. Трехуровневое рассмотрение юмора легло в основу нашего понимания юмористического эффекта, основанного на антропонимической метафоре. В.И. Карасик приходит к выводу о том, что если желание пошутить интернационально, то языковые способы его выражения этноцентричны, что также является значимым для проводимого исследования. Как показывают результаты многовековых исследований юмористических произведений, природа комического заложена в идее несоответствия, контраста, противоречия, семантического рассогласования. Что касается самих комических персонажей, их образы определяют национальный характер, и смех является культурным явлением.

Как показал анализ литературы, юмор как разновидность комического является неотъемлемой частью культуры. Каждый народ по-разному воспринимает юмор, каждый человек обладает собственным чувством юмора. Бесспорно, что юмор является когнитивной категорией, соотносимой с интеллектуальными способностями индивида. И если юмористический эффект является субъективным фактором, то его исследование становится возможным при изучении других факторов, объективно присутствующих в тексте, т.е. имеющих и когнитивную, и языковую природу. Одним из таких факторов является метафора. Мы признаем метафору когнитивным маркером комического. В связи с этим мы будем рассматривать процесс трансляции антропонимической метафоры, из одного языка в другой, из одной культуры в другую, а также влияние этого процесса на юмористическую функцию переводного дискурса.

2.4 Антропонимическая метафора как когнитивный маркер комического в юмористическом дискурсе

По воспоминаниям К.И. Чуковского, важнейшим элементом перевода, которым в совершенстве владел С.Я. Маршак, является то, что «...Маршак никогда не переводил букву буквой и слово – словом. А всегда: юмор-юмором, красоту – красотой» [Чуковский 1988: 132].

Эта идея представляется нам важной при изучении особенностей перевода юмористического дискурса. Так, по наблюдениям Т.П. Мироновой, перевод с русского языка на французский бессмертной поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» был выполнен более 10 раз, и лишь современный вариант перевода, выполненный в 2005 г., может быть признан успешным. Как пишет переводчик А. Колдефи-Фокер, «Я заметила, что французы, которые не читают по-русски, никогда не смеются, читая «Мертвые души». С другой стороны, читая Гоголя по-русски в оригинале, ты смеешься на каждом шагу. Вот почему я решила попробовать сделать новый перевод, читая который люди будут смеяться. И смеются» цит. по [Миронова 2020]. Речь идет о переводе «говорящих» имен, которые создают колоритные образы поэмы. Т.П. Миронова сравнивает два перевода Гоголя на французский язык, выполненных в 1925 г. А. Монго и в 2005г. А. Колдефи-Фокер. В первом случае переводчик использует транскрипцию при передаче говорящих имен, что позволяет ему передать звуковую форму онимов и сохранить этнокультурный компонент, но смысловая часть утрачивается. Во втором случае используется иная словообразовательная модель: перевод корня (иногда с изменением орфографии нарицательного имени) и сохранение оригинального суффикса, что позволяет передать семантику и обеспечить эмоциональное наполнение онима, сохраняя при этом особенности звучания. Например, «говорящее» имя Собакевич переведено А. Монго как *Sobakevitch*, а А.Колдефи-Фокер как *Kabotievitch*, где *sabo* означает *пес, псина*, что обеспечивает полноценный прагматический эффект (Миронова 2020).

Функционирование антропонимической метафоры в художественном тексте и дискурсе может быть изучено с разных аспектов. В рамках проводимого исследования нас интересует процесс создания комического (юмористического эффекта), вызванный использованием антропонимической метафоры в тексте оригинала, а также процесс воссоздания комического (юмористического) эффекта в тексте перевода.

Посмотрим теперь, какие функции ИС реализуются в антропонимическом – шире – ономастическом пространстве художественного текста и дискурса, которые обеспечивают юмористический эффект.

В опубликованной в 2020 г. монографии В.В. Катерминой «Имя собственное в художественном тексте» подчеркивается, что ИС является своеобразной границей, на которой одновременно реализуются универсальные и национально-специфические характеристики, так как ИС репрезентируют ономастические концепты во всем их разнообразии [Катермина 2020]. Подчеркнем, что в работе мы анализируем одну разновидность ономастических концептов, а именно, антропонимические концепты. Репрезентанты концепта являются сложными семиотическими знаками, формирующими художественный ономастикон, а вслед за ним, и антропонимикон, который выполняет структурообразующую функцию, реализуя тем самым авторские намерения. Выступая единицей коммуникации, ИС выполняет в художественном тексте следующие функции: концептуально-характеристическую, индивидуализирующую, типизирующую. Последняя разделяется на социопсихологическую, философско-идеологическую, эстетическую, стилистическую.

В.В. Катермина исследует проблему понятности / непонятности имени собственного, солидаризуясь при этом с идеей Ж. Вандриеса [Вандриес 1957], утверждавшего, что в языке нет ничего бессмысленного, не связанного с понятиями. Согласно результатам исследований В.В. Катерминой, антропонимы содержат три типа информации: речевая, языковая, энциклопедическая. В речевой информации отражено субъективное отно-

шение говорящего к конкретному ИС в конкретной коммуникативной ситуации. Языковая информация не зависит от употребления ИС. Энциклопедическая информация отражает всю возможную палитру значений, как эксплицитных, так и имплицитных, которые придают коммуниканты ИС.

М.В. Влавацкая при изучении языковых особенностей создания комического эффекта отмечают в качестве дифференциального признака намеренность и целенаправленность, в результате чего имеет место нарушение нормативной сочетаемости. Можно предположить, что намеренное создание комического эффекта также является своего рода порождающей моделью. Если нам удастся проанализировать функционирование данной модели в тексте оригинала, то ее наложение на текст перевода позволит проследить возникновение комического эффекта [Влавацкая 2016].

Как поясняет М.В. Влавацкая, комическое исследуется в лингвистике в таких аспектах как: лингвокультурологический, коммуникативно-прагматический, когнитивный, структурно-семантический, стилистический [Влавацкая 2016]. Автор акцентирует внимание на изучении комического эффекта в рамках комбинаторной лингвистики, т.е. с позиций сочетаемости слов: «Как правило, при написании юмористических и сатирических произведений их авторы прибегают к приемам использования различных «манипуляций» с сочетаемостью слов» [Влавацкая 2016: 174].

В качестве приемов создания комического М.В. Влавацкая называет следующие: нарушение лексико-семантической сочетаемости слов, игра слов, каламбур при буквальном толковании переносного значения, использование омонимов и паронимов, сознательное нарушение сочетаемости слов, оксюморон, лексический повтор. Все они служат для выполнений определенной смысловой задачи.

Как отмечают в своей статье А.С. Ковалева и М.В. Влавацкая, юмор строится на определенной тематике в соответствии с общечеловеческими и этнокультурными особенностями. Авторы различают три типа юмора: универсальный, основанный на исходной культуре, лингвистический [Ковалева

2019]. Универсальный юмор опирается на общепринятые реалии, понятные в каждом языке и в каждой культуре. Юмор, основанный на исходной культуре, вызывает существенные трудности для переводчика, т.к. его понимание и осмысление требует знания исторических событий, культурных реалий, языковых предпочтений определенных слоев населения. Лингвистический юмор соотносится с языковой игрой, что также вызывает переводческие трудности. Авторы приходят к следующему выводу: «... восприятие юмора и сами концепты смешного индивидуальны для каждой культуры, поэтому даже внутри одной лингвокультуры понятие «что есть комическое» будет отличаться в разные эпохи» [Ковалева 2019: 140].

Современные исследования комического и метафоры в рамках когнитивного подхода открыли новые грани их взаимодействия, что продемонстрировано в работе Е.В. Стояновой «Метафора в контексте комического в медиатексте» [Стойнова 2020]. Отметим, что в работе речь не идет об ономастической метафоре, но о метафоризации в широком смысле слова. Тем не менее, полученные результаты представляются значимыми для нашего исследования. Трактую комическое как отклонение от нормы или от стереотипа, как проявление противоречия или ошибки, как разновидность семантической аномалии, автор приходит к выводу о том, что реализация комического равноценна метафорическому моделированию. Семантическая двуплановость метафоры коррелирует с природой комического, что позволяет вычленить так называемую комическую метафору, которая аккумулирует и транслирует лингвокультурные традиции и опыт народа.

Соотносительность метафоры и комического проявляется в соизмерении противоречивого и соединении несоразмерного. Именно метафора создает комический эффект текста и дискурса, выступая своего рода маркером комического в юмористическом дискурсе. Согласно результатам исследований Е.В. Стояновой, в данном процессе участвуют различные типы метафор: концептуальная интеракция, метафоризация лингвокультурных знаков, окказиональная (обновленная) метафора, метафора-сценарий. Все они выступают

действенным лингвокогнитивным средством экспрессивизации речи, обладая имплицитной манипулятивной функцией, что продемонстрировано в работе на материале медиадискурса.

Автор приходит к выводу, что метафора выступает одним из когнитивных механизмов, создающих комический эффект. Представляется, что ономастическая метафора также обладает данным свойством, что мы намерены обсудить в завершающей главе нашего исследования

Подводя итог современным трактовкам исследуемых понятий, подчеркнем, что юмор, представляющий собой разновидность комического, реализуется в тексте и дискурсе, что дает нам возможность исследовать юмор как текстовую или дискурсивную категорию, в то время как комическое - это философско-эстетической категория. Что касается комического эффекта или юмористического эффекта, представляется, что между ними нет существенной разницы. Важно, что базовым фактором порождения комического/юмористического эффекта является, по мнению большинства исследователей, противоречие. При этом юмор вызывает смех, рассматриваемый, с одной стороны, как физическое явление, с другой стороны, как духовное явление. Одухотворенный смех – это порождение художественной литературы, результат лингвокреативного мышления автора художественного текста. На этих позициях должен основываться переводчик, приступающий к переводу юмористического дискурса, что требует творчества, изобретательности, чувства юмора.

Исследованный материал убедил нас в том, что метафора, будучи когнитивным феноменом, в юмористическом дискурсе выступает своего рода когнитивным маркером комического. Эта идея может быть экстраполирована и на антропонимическую метафору, которая обладает теми же свойствами. Свою исследовательскую задачу мы видим в выявлении метафоричности антропонима в переводном дискурсе, что мы рассматриваем как маркер комического, как воссоздание комического эффекта в дискурсе перевода.

2.5 Антропонимическая метафора в аспекте перевода

Многовековая история переводческой деятельности, предназначенной для установления взаимодействия отдельных индивидов и целых народов, содержит богатый объем переводной литературы, требующей научного осмысления, что может быть сделано с различных онтологических, методологических, аксиологических позиций.

В процессе исследования перевода мы основывались на трудах советских (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер и др.), российских (И.С. Алексеева, Л.М. Алексеева, Т.А. Волкова, Н.К. Гарбовский, А.Г. Минченков, И.Н. Ремхе, В.В. Сдобников) ученых, а также на работах европейских и китайских переводоведов.

В рамках данного исследования мы опирались на синергетическую модель переводческого пространства Л.В. Кушниной, которая согласуется с положениями о синергетической природе текста, изложенными Н.В. Дрожжих [Дрожжих 2018].

Основываясь на идее эпистемической ситуации, Л.В. Кушниина как автор концепции переводческого пространства описывает эпистему перевода: онтология перевода – это когнитивная деятельность переводчика, включающая в себя мысленное представление полей переводческого пространства, в котором возможно синергетическое взаимодействие смыслов; методология перевода – это сам процесс синергии, выраженный приращением новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре; аксиология – это категория гармонии как критерий качественного перевода, который не просто вписывается в принимающую культуру, но и обогащает ее [Кушниина 2017].

При изучении процесса перевода метафоры важно отметить, что онтология метафоры имеет когнитивную природу. Многие ученые исследуют метафору в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом ключе.

Если современными учеными метафора трактуется не столько как номинативное средство, сколько как один из способов мышления человека об окружающем мире, следовательно, сознание человека, как об этом пишет

Д.Е. Эртнер, определяется глубинными структурными отношениями между группами понятий, которые позволяют выражать одни понятия через другие; при этом, будучи когнитивным процессом, метафора выражает и формирует новые понятия, без которых невозможно получение нового знания [Эртнер 2015]. Для теории перевода это означает, что адекватный перевод метафоры практически невозможен, т.к. ни один словарь не успевает зафиксировать вновь приобретенные значения.

Соотношение проблем метафоризации и перевода отражено в работе П.М. Шитикова, который анализирует концептуальную метафору в Библии и ее отражение в русскоязычных переводах. Автор отмечает вариативность способов передачи концептуальных метафор при переводе, что обусловлено тесной связью метафорического мышления и культурным опытом носителей языка: носители разных культур имеют разный культурный опыт. В связи с тем, что базовые концептуальные метафоры глубоко проникли в сознание носителей определенной культуры, автор приходит к важному выводу: «В этом контексте перевод касается не столько эквивалентности отдельных выражений, сколько соотношения концептуальных систем двух языков» [Шитиков 2017: 58]. Этот вывод имеет принципиальное значение для нашего исследования. С позиций концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной, гармоничным может быть признан такой перевод метафоры, при котором концептуальные системы двух контактируемых языков будут соразмерны. Иными словами, задача переводчика состоит в установлении соразмерности, согласованности двух концептуальных систем, что может быть обусловлено в результате приращения культуросообразных смыслов в виде их синергии в переводческом пространстве. В нашей работе данный процесс будет проанализирован на материале перевода смысловых имен собственных с русского и с английского языков на китайский.

В изучаемой работе П.М. Шитикова речь идет о переходе от текста с репрезентирующими концепт метафорическими лексическими единицами к концептуальной структуре, т.е. к концепту [Шитиков 2017]. Этот анализ

включает в себя следующие этапы: выявление лексических единиц, составление пропозиций, построение неполного сравнения, его трансформацию в аналогию, определение метафорического концепта.

Проблема соотношения метафоры и перевода содержится в работах Е.А. Нахимовой, Е.С. Петровой, Д.Б. Гудкова и др.

Как поясняет Е.А. Нахимова, в связи с тем, что онимы выражают нестандартное речевое поведение личности, эти единицы языка имеют в своей основе процесс метафоризации. Речь идет о связи теории номинации, с одной стороны, с традиционной теорией метафоры, с другой стороны, с когнитивной теорией метафоры. Кроме того, теория номинации имеет непосредственное отношение к проблеме многозначности, а именно, к метафорическому и метонимическому переносу значений. Так возникает термин «ономастическая метафора», что имеет самое непосредственное отношение к нашей работе.

Данной проблеме посвящено также исследование Т.Б. Симашко и М.Н. Литвиновой. Несмотря на то, что монография авторов «Как образуется метафора» была опубликована в 1993 г., многие ее положения, касающиеся перевода метафоры, остаются актуальны [Симашко 1993]. Ученые рассматривают перевод метафоры как разновидность межъязыковой семантической деривации. Если исходить из позиции о том, что метафора выступает единицей, формирующей смысл, а сам процесс перевода также связан с формированием смыслов, становится ясно, что при переводе метафоры имеет место не просто двойное означивание, но и двойное смыслопорождение. В этом заключается, на наш взгляд, основная трудность при переводе метафоры.

Обратимся к проблеме перевода имен собственных. В.В. Виноградов в работе «Стилистика. Теория комической речи. Поэтика», опубликованной в 1963 г., писал о том, что имена собственные, прозвища, фамилии имеют большое значение в художественной литературе [Виноградов 1963]. Нас интересует перевод имен собственных в художественном тексте.

Изложение данной проблемы представлено в работе В.С. Виноградова [Виноградов 2001]. Имя собственное ученый относит к реалиям, которые называют реально существующий или вымышленный объект. Транскрибированные имена сохраняют национальное своеобразие звуковой формы, а внутренняя форма отражает словообразовательный процесс во время первичной номинации. При этом перевод внутренней формы привел бы к существенным искажениям. Особые трудности при переводе составляют ономастические перифразы, а также краткие имена и имена с суффиксами субъективной оценки. Как констатирует В.В. Виноградов, до сих пор отсутствуют двуязычные словари имен собственных.

В.С. Виноградов анализирует понятие вертикального контекста, который приобретает особое значение при переводе ИС [Виноградов 2001]. В частности, речь идет об имплицитном смысле, заключенном в вертикальном контексте, что может быть выражено в виде аллюзий. Под вертикальным контекстом понимается «... не явно выраженная историко-филологическая информация, содержащаяся в тексте. Обычными категориями вертикального контекста являются аллюзии, символы, реалии, идиоматика, цитаты и т.п.» [Виноградов 2001: 40].

В статье Г.А. Погребняк приводятся многочисленные примеры аллюзий на основе личных имен в произведении М.Г. Успенского «Там, где нас нет» (Погребняк 2008: 402- 405). Для нас важно подчеркнуть, что автор анализирует, каким образом создается комический эффект при обыгрывании звучания слов с использованием фонетических законов русского языка. Так, персонажами произведения являются царь Барбоз и его дочь Апсуру. Имя царя в результате оглушения звонкого согласного в конце слова становится фонетически идентичным слову «барбос», являющимся пренебрежительным названием непородистых дворовых собак. Имя дочери характеризуется ассимиляцией согласных звуков по глухости, что также приобретает пренебрежительный оттенок. Автор приходит к следующему выводу: «Особенность произведений М.Г. Успенского в том, что «расшифровать» хотя бы большую

часть интертекстуальных ссылок может лишь эрудированный читатель» (Погребняк 2008: 405). Можно лишь предположить, насколько сложны «расшифровки» переводчика таких произведений.

Проблема перевода ИС в художественном дискурсе исследуется А.Д. Сайфуллиной. Ученый акцентирует внимание на литературной ономастике, подчеркивая, что «в художественном дискурсе имена способны не только выполнять функции реальных онимов, такие как номинативная (назывная) или идентифицирующая, но также аккумулировать в себе дополнительные сведения, вызывая определенный отклик у реципиента – читателя» [Сайфуллина 2018: 93]. Обращаясь к проблеме перевода ИС, автор выявляет такие проблемы как возможности передачи семантики и метафорической сути имен, что имеет самое непосредственное отношение к нашей проблеме. Автор приводит примеры метафорической номинации в процессе перевода антропонимикона с английского языка на русский. Имя главной героини анализируемого художественного текста – *Katniss*, что вызывает в оригинале ассоциации со словом *cat* (*кошка*) и со стрельбой из лука, отражая тем самым выносливый характер героини и освоенные ей навыки лучницы. При переводе удается сохранить ассоциацию с кошкой, а вторая ассоциация теряется. Автор приходит к выводу, что в данном случае метафорическая номинация оригинала не сохранена в переводе, т.е. метафорический смысл, заложенный автором в имя, исчезает. Исследователь предполагает, что в подобных случаях переводчик должен искать компромиссные варианты, передающие и оригинальное звучание, и образный смысл. Данная проблема также представляется для нас актуальной.

Особый интерес в рамках проводимого нами исследования, посвященного функционированию ИС в юмористическом дискурсе, представляют говорящие или смысловые имена, т.к. юмористический дискурс может использовать говорящие имена для раскрытия авторских намерений, замыслов, пристрастий, ассоциаций и пр. «В литературе различных народов – прежде всего в сатирических и юмористических произведениях – давно замечена общая

закономерность в употреблении личных имен и названий, которая выражается в стремлении выделить имена собственные характеристическими оценочными качествами различной силы и степени» [Виноградов 2001: 162]. Можно сказать, что в классической русской литературе создано много художественно выразительных смысловых имен. Освещая данную проблему, В.С. Виноградов задается вопросом о том, существует ли взаимосвязь между естественными именами и искусственно созданными именами. Ясно, что в художественном тексте присутствуют и те, и другие.

Приведем дефиницию смысловых имен: «Смысловое имя - это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды» [Виноградов 2001: 161]. При создании смысловых имен словотворчество автора опирается на существующие ономастические модели и традиции. Ученый полагает, что заключенная в смысловых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть проявлена. Автором называется несколько способов выражения экспрессивного диапазона внутренней формы смыслового слова. Среди них конверсивные смысловые антропонимы, смоделированные смысловые антропонимы, аллюзивные имена собственные. Все они вызывают существенные переводческие трудности. Вместе с тем, исследователь убежден, что смысловые имена собственные переводятся.

Изучение истории перевода имен собственных с русского языка на китайский и с китайского языка на русский в китайской лингвистической тесно переплетается с проблемами ориентального переводоведения в целом, которое отличается от переводоведения славянских и германских языков как в виду специфики самого китайского языка, так и в виду сложившихся в теории перевода традиций. Известно, что памятники письменности на китайском языке являются достоянием мировой культуры. Китайский язык – обобщенное понятие, которое включает в себя государственный язык (гуань-

хуа), официальный язык, литературный язык (путунхуа), простонародные языки (сухуа, тухуа) и др.

Китайская переводческая традиция восходит к трудам ученых-синологов восемнадцатого века И.К. Россохину, А.М. Леонтьеву, В.М. Алексееву, девятнадцатого века Н.Г. Федоренко, Ю.А. Сорокину и др. Переводы русских классиков на китайский язык начаты в XX веке. В этот период основоположники новой китайской литературы выступили одновременно переводчиками с русского. Это были Лу Синь и Мао Дунь. В середине XX века в период «культурной революции» этот процесс был прерван, и только в 1978 г. он был возобновлен созданием «Ассоциации китайских исследователей русской литературы».

В настоящее время появляются работы китайских ученых на русском языке, посвященные эволюции переводоведения в Китае, его основополагающим принципам, его современному состоянию. Так, Лю Суин совместно с О.Ю. Яценко рассматривают актуальные вопросы переводоведения в Китае, где они отмечают существенные расхождения между западной и китайской переводческой традицией [Лю Суин 2020]. Классическая китайская теория перевода отличается консервативностью взглядов, верностью своим ценностям, верностью своим лингвистическим традициям. Особый взгляд китайских ученых проявляется в их стремлении строго следовать трем основным принципам: достоверность, норма, стиль. Другие исследователи анализируют такие критерии как очарование, стиль, импульс, настроение. В настоящее время китайские ученые ищут баланс между западными постулатами перевода и китайской традицией.

В рамках данного параграфа мы используем также работы китайских ученых, созданные на китайском языке: 鲁赤夫, 朱洪斌, 陈树三, 郭宴春. Представим краткое содержание их концепций в нашем изложении. Со времен Конфуция, выдвинувшего принцип «имя следует за мастером» проблема перевода ИС интересовала китайских ученых. Первым серьезным трудом в этом направлении было изучение буддийских писаний вре-

мен династий Суй и Тан. Ведущими приемами перевода были вольный и дословный. Сюаньцзан, известный переводчик буддийских священных писаний, подчеркивал важность произношения при переводе ИС, полагая, что точное произношение является ключевым для его понимания иноязычными слушателями.

Следующий этап в изучении перевода ИС относится к XVII веку, когда в Китай приехали европейские миссионеры, заложившие традиции перевода ИС, сохранившиеся до настоящего времени.

В середине XIX века научный обмен китайских и европейских ученых становится более интенсивным, что вызывает потребность перевода большого количества текстов, содержащих, в том числе, ИС. Китайский ученый Лян Цичао отмечал необходимость унификации переводимых ИС, выбирая из существующих вариантов перевода наиболее частотные и закрепляя их в словарях и учебных пособиях. Проблема перевода ИС обсуждалась в исследованиях Чен Дусю. В практику вошли различные руководства по переводу ИС, следование которым считалось обязательным.

Как и в других лингвистических традициях, среди китайских ученых развернулась дискуссия о том, выражают ли ИС отдельные понятия. Большинство из них склоняются к идее о том, что ИС символично.

Проблема перевода иностранных имен собственных на китайский язык, включая ономастическую метафору, нашла отражение в работах китайских лингвистов. Обратимся к результатам исследований Фу Иньлу. Ученый отмечает, что в китаеведении не сложилось единого подхода к переводу ИС, в связи с чем ситуацию в данной сфере он определяет как хаос. Так, например, одно и то же имя на языке оригинала использует при переводе разные китайские иероглифы. И наоборот, для разных имен используется один и тот же иероглиф. Возможны также случаи, когда произношение двух имен на языке оригинала не совпадает, но при переводе на китайский язык используется одна и та же форма. Автор приводит следующие примеры хаотичного перевода ИС на китайский язык:

Jamie / Jeremy 杰米

Lundberg / Lundborg 伦德伯格

Sherlock / Shylock 夏洛克

Фу Иньлу пытается установить причины данного явления. Несмотря на то, что существует «Большой словарь перевода мировых имен», он оказывается недостаточным при выборе того или иного переводческого решения.

Ученый акцентирует внимание на ошибках при переводе иноязычных имен собственных на китайский язык:

1) разные китайские переводчики по-разному подходят к построению слога в иноязычных ИС;

2) большое количество омофонов и различных фонетических символов предоставляют китайским переводчикам широкий выбор вариантов перевода;

3) переводчики используют различные стандарты транслитерации для неанглийских ИС;

4) некоторые переводчики осуществляют чрезмерную китаизацию ИС. Например, они заменяют одно говорящее имя другим говорящим именем, понятным китайскому читателю, но совершенно не связанным с исходным значением, в результате чего китайские реципиенты могут предположить, что речь идет о китайском персонаже;

5) некоторые переводчики испытывают влияние разных диалектов на перевод ИС.

В своих работах Фу Иньлу предлагает рекомендации при переводе ИС на китайский язык, в частности, он рекомендует с уважением относиться к оригинальному произношению имени, признавать конвенциональность имен, опираться на принятые в китайском переводе стандарты, соблюдать принцип гибкости при переводе.

Особое внимание ученый уделяет проблеме перевода ИС с китайского языка на европейские языки. Автор работы акцентирует внимание на гендерном распознавании китайских имен, а также на том факте, что имя

должно соответствовать личности человека. В то же время, при переводе имен государственных деятелей необходимо использовать торжественные китайские иероглифы. При переводе ИС художественного произведения необходимо изучать авторские намерения, культурные и исторические предпосылки функционирования имен. В том случае, если их не удастся передать в соответствии со стандартом перевода ИС, необходимо создать дополнительный текст, поясняющий значение имени, который позволит читателю понять первоначальный замысел автора и не стремиться осуществить китаизацию имени, что может привести к непониманию образа художественного произведения. Как мы увидим ниже, при переводе антропонимической метафоры с русского языка на китайский, данные рекомендации не всегда соблюдаются переводчиками, что приводит не только к разрушению метафоры, но и к исчезновению юмористического эффекта художественного текста.

Как было сказано выше, в основе нашего эмпирического лингвопереводческого анализа лежит концепция переводческого пространства как синергетической модели перевода, разработанной Л.В. Кушниной и получившей развитие в исследованиях ее учеников. Мы также опираемся на данную концепцию, которая вписывается, с одной стороны, в культурно-ориентированные концепции перевода, с другой стороны, в когнитивные теории перевода [Кушникова 2004; 2017; 2020 и др.].

Поясним эти позиции. Переводческое пространство рассматривается ее автором как смысловая модель перевода. Это означает, что переводческое пространство представляет собой совокупность смысловых полей, которые концентрируются вокруг ядра. Ядерная зона охватывает содержание текста оригинала, в котором формируется единственный эксплицитный смысл – фактуальный смысл, выражаемый темой и ремой текста и являющийся инвариантом для переводчика. Все остальные смыслы имплицитны, вариативны. Они образуются в следующих полях переводческого пространства: поле автора, поле переводчика, поле реципиента, энергетическое поле,

фатическое поле. Необходимо подчеркнуть, что наличие трех полей субъектов переводческой коммуникации, каждый из которых имеет свой уникальный смысл, возникающий в языковом сознании, менталитете, образе мира автора, переводчика, реципиента, позволяет отнести данную концепцию к когнитивным теориям перевода. Смыслы, формируемые в полях субъектов, обозначены так: интенционально-модальный, индивидуально-образный, рефлексивный. Кроме содержательного поля автор вычленяет еще два текстовых поля: энергетическое и фатическое. В первом образуется эмотивный смысл, во втором – культурологический. Именно наличие фатического поля, объединяющего интертексты контактирующих культур, позволяет отнести данную концепцию к культурно-ориентированным концепциям перевода. Синергетический характер переводческого пространства как абстрактной сущности, формируемой в переводческой картине мира, проявляется в том, что интегральный смысл текста перевода является результатом переосмысления дифференциальных смыслов всех полей переводческого пространства с обязательным приращением новых смыслов, отвечающих ожиданиям принимающей культуры. Такой перевод признается гармоничным. Достижение переводческой гармонии как способа согласования, соразмерности культурных смыслов между текстами оригинала и перевода также отвечает требованиям, предъявляемым к культурно-ориентированным концепциям перевода.

Подводя итог данному параграфу, подчеркнем, что проблема перевода художественных антропонимов не имеет однозначного решения и отличается сложностью, и вместе с тем, заинтересованностью исследователей.

Выводы к главе 2

Вторая глава содержит обзор исследований, посвященных дискурсивному анализу антропонимической метафоры. В результате проведенного обзора были сделаны следующие выводы.

1. Как показал анализ литературы, юмор как разновидность комического является неотъемлемой частью культуры. Каждый народ по-разному воспринимает юмор, каждый человек обладает собственным чувством юмора. Бесспорно, что юмор является когнитивной категорией, соотносимой с интеллектуальными способностями индивида.

2. Онтология юмора описывается учеными в широком междисциплинарном аспекте: философском, культурологическом, историческом, социологическом, психологическом, лингвистическом, переводоведческом. Согласно данным толковых словарей, юмор – это интеллектуальная способность, а чувство юмора – это умение субъекта воспринимать, понимать, порождать юмор. Крупнейшие исследователи юмора: М.М. Бахтин, Б. Дземидок, В. Раскин, С. Аттардо, М. Минский, А.В. Дмитриев, Л.В. Карасев, В.И. Карасик и др.

3. Юмор, представляющий собой разновидность комического, реализуется в тексте и дискурсе, что дает нам возможность исследовать юмор как текстовую или дискурсивную категорию, в то время как комическое – это философско-эстетической категория.

4. Современная когнитивная лингвистика описывает юмор как результат работы человеческого мозга, основанный на взаимодействии интеллекта и эмоций. В.И. Карасик определяет юмористический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2018]. Юмористический дискурс трактуется в работе как совокупность текстов, которые обращены к одной теме – юмору, одному концепту – метафорическому имени собственному в оригинале (русский и английский языки) и переводе (китайский язык).

5. Методологическим основанием работы является синергетическая модель переводческого пространства Л.В. Кушниной, которая выдвигает в качестве аксиологической доминанты перевода категорию гармонии. Согласно автору данной концепции, гармоничным является такой перевод, при котором смыслы текстов и/или дискурсов оригинала и перевода являются соразмерными, соотносимыми. Иными словами, антропонимическая метафора переводного дискурса соотносится с антропонимической метафорой дискурса оригинала и обладает равноценным метафорическим потенциалом, что становится возможным в результате синергетического приращения культурно значимых смыслов. В исследовательской главе нашей работы мы будем анализировать процесс и результат транскультурной модификации модели антропонимической метафоры с позиций достижения различных уровней гармоничности в рамках юмористического дискурса.

3 РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ТИПОЛОГИИ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ МОДИФИКАЦИИ МОДЕЛИ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКО-КИТАЙСКОМ И АНГЛО-КИТАЙСКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А.П. ЧЕХОВА И П.Г. ВУДХАУЗА

3.1 Задачи, процедура, материал анализа

Данная глава посвящена эмпирическому исследованию процесса транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в языковых парах: русский – китайский, английский – китайский.

Поясним, что при переводе с английского языка на китайский мы также обращались к русскоязычным переводам. В данном случае русский язык выступал не в роли целевого языка, а в роли фонового языка, что позволило нам более полно и объемно сопоставить характер транскультурных преобразований. Иными словами, мы изучали англо-китайские переводы на фоне русского языка.

В задачи данной главы входит разработка и апробация типологии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в переводном китаеязычном юмористическом дискурсе и описание речевого поведения говорящего имени, прецедентного имени, прозвищного имени при их передаче из одной лингвокультуры в другую.

В процессе анализа транскультурной модификации модели антропонимической метафоры мы ориентировались на следующие теоретические положения:

Во-первых, мы опираемся на трактовку имен собственных – антропонимов, репрезентирующих ономастические концепты, замещающие в сознании людей как отдельных индивидов, так и понятие «человек». Антропонимикон художественного дискурса формирует в каждой культуре свою систему ценностей и национальных коннотаций, отражая различные стороны имени: социальную, этническую, языковую, сквозь призму языковой картины мира автора текста [Катермина 2020].

Во-вторых, мы опираемся на теорию когнитивной метафоры, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора является базовой ментальной операцией, которая лежит в основе взаимодействия человека с миром, получения новых знаний и создания представлений и обладает смыслопорождающими свойствами [Лакофф 1990]. При этом метафоризации подвергаются культурно значимые антропонимы, динамично развивающиеся в переводном дискурсе. В связи с тем, что в каждой лингвокультуре метафоризации доступны различные сегменты онама, возникают трудности при их передаче в другую лингвокультуру, которая тяготеет к метафоризации других сегментов того же онама, либо вообще развивается вне метафорического поля номинации.

В-третьих, понятие метафорической модели мы трактуем, вслед за А.П. Чудиновым, как теоретический конструкт, включающий концептуальные области сферы-источника и сферы-цели метафорического отождествления [Чудинов 2001]. Предметом нашего анализа выступают три типа метафорических моделей антропонимической метафоры, выраженные говорящим именем (*дьячок Отлукавин*), прозвищным именем (*губернер Шампунь*), прецедентным именем («*то у вас Наполеон великий человек, то Гамбетта*»).

В-четвертых, мы основываемся на теории комического, которая «... являет собой воспроизведение в искусстве явлений, основанных на несоответствиях, алогизмах, противоречии между ними и соответствующей реакции на них в виде смеха...» [Шабунина 2016: 136].

В-пятых, при описании процесса вторичной метафоризации, имеющей место при переводе, мы базируемся на концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной, которая выдвинула в качестве аксиологической доминанты перевода такой критерий качества как гармонию [Кушникова 2004]. Согласно данной концепции, гармоничность текстов оригинала и перевода означает достижение переводчиком их смысловой соразмерности, что становится возможным в результате синергетического приращения новых смыслов. В свою очередь, синергия и гармония смыслов лежат в основе когнитивного

механизма порождения переводной антропонимической метафоры, обуславливающего воссоздание юмористического эффекта оригинала.

Процедура анализа транскультурной модификации модели антропонимической метафоры из русской и из британской лингвокультур в китайскую лингвокультуру различается в зависимости от типа АМ. Алгоритм исследовательских действий можно представить следующим образом:

1. Приемом сплошной выборки производится отбор фрагментов текста, содержащих антропонимические метафоры в дискурсах оригинала (русский и английский языки);

2. Поиск соответствующих фрагментов в дискурсах перевода (китайский язык, русский язык);

3. Классификация АМ: говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя;

4. Выявление типов исходной метафорической модели в тексте оригинала: для говорящих имен – аллюзивные, ассоциативные, соотносимые с фонетической игрой; для прозвищных имен – с факультативной, динамической, эксплицитной, имплицитной образностью; для прецедентных имен – универсально прецедентные, национально-прецедентные;

5. Определение способа перевода АМ

– транскрипция или транслитерация (нейтрализация – адекватный перевод, деметафоризация – дисгармоничный перевод);

– транскрипция или транслитерация+ создание переводческого метатекста в виде пояснений, примечаний, ссылок, комментариев, предисловий, послесловий переводчика (частичная реметафоризация – эквивалентный перевод);

– перевод корневой морфемы + транскрипция суффикса и/или окончания (полная реметафоризация – гармоничный перевод, нейтрализация – адекватный перевод, деметафоризация – дисгармоничный перевод);

– поиск регулярных соответствий и/или метафорических образов (частичная реметафоризация – эквивалентный перевод);

– создание новых нерегулярных соответствий и/или новых метафорических образов, приемлемых в принимающей культуре (полная реметафоризация – гармоничный перевод).

6. Выявление типов транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: полная реметафоризация (гармония), частичная реметафоризация (эквивалентность), нейтрализация метафоры (адекватность), деметафоризация (дисгармония);

7 Выявление характера прагматического воздействия в переводном дискурсе: воссоздание, сохранение, угасание, исчезновение юмористического эффекта.

Материалом для анализа послужили художественные тексты, совокупность которых составляет юмористические дискурсы двух великих писателей-юмористов XX века: русского писателя А.П. Чехова и британского писателя П.Г. Вудхауза (в другом написании П.Г. Вудхауса). Каждый из них, с одной стороны, выступал продолжателем классических юмористических традиций, с другой стороны, создавал уникальный художественный мир. Но между ними есть и существенные различия. Творчество А.П. Чехова ограничилось началом XX века. П.Г. Вудхауз создавал свой самый знаменитый цикл произведений в течение длительного времени: с 1916 по 1974 годы. Произведения А.П. Чехова были своевременно переведены на многие языки, в то время как юмористическая проза П.Г. Вудхауза была переведена на русский и китайский языки лишь в конце XX века. Более того, первые переводы Чехова на китайский язык основывались на привлечении языков-посредников: английского, немецкого, японского. И лишь в середине 1950-х годов Чехов был переведен на китайский непосредственно с русского языка.

Правомерность изучения мастеров художественного юмора А.П. Чехова и П.Г. Вудхауза, объясняется тем, что их произведения увидели свет в одну и ту же историческую эпоху, отражают ее культурные ценности, типичные для каждого народа и каждого писателя воплощают взгляды современников. Юмористический эффект, к которому стремились авторы, является

отличительной чертой их произведений. В рамках нашего исследования мы акцентируем внимание на юмористическом эффекте, обусловленном выбором писателями антропонимов в виде антропонимических метафор, представленных говорящими именами, прецедентными именами, прозвищными именами, которые выступают своего рода «катализатором» юмора.

Исследователи творчества А.П. Чехова и П.Г. Вудхауза отмечают сложности, возникающие при их переводе, в том числе, относительно антропонимов. Как подчеркивает Э.В. Шабунина, изучающая природу комического в романах П.Г. Вудхауза, сочность и яркость юмора не позволяют переводчикам полноценно передать авторские намерения [Шабунина 2017]. В качестве единицы анализа нами выбрана антропонимическая метафора как когнитивный маркер комического. В работе нас интересует антропонимическая метафора в оригинале и переводе, но основное внимание мы обращаем на типы перевода антропонимической метафоры с русского языка на китайский, а также с английского языка на китайский.

Как показал исследованный материал, в творчестве Чехова преобладают говорящие имена и фамилии, а в творчестве Вудхауза – прецедентные имена и прозвища. При этом все три типа антропонимической метафоры встречаются в произведениях двух изучаемых авторов.

Переводной юмористический дискурс, представленный переводами текстов с русского и с английского языков на китайский, послужил материалом для лингвопереводческого анализа, исследовательская цель которого состояла в выявлении возможностей воссоздания комического эффекта, заложенного в антропонимической метафоре оригинала.

3.2 Общая характеристика ономастического пространства юмористических рассказов А.П. Чехова

Личность А.П. Чехова (1860-1904) занимает особое место в российской словесности. А.П. Чехов – один из самых известных драматургов мира, который стоит в одном ряду с У. Шекспиром и Б. Шоу. Он считал драму способом исследования загадочной русской души. Основная тема его произведений –

идейные искания русской интеллигенции. Будучи остроумным и обаятельным рассказчиком, писатель совмещал работу земского врача и литературное творчество. Он создавал смешные, но невеселые истории, где за каждой комической ситуацией скрывался драматизм содержания. В своих ранних произведениях он предпочитал юмористическое повествование.

Являясь представителем русской реалистической литературы, Чехов выражал в своих произведениях идеи гуманизма, вызывающие сочувствие к человеческому несовершенству, недостаткам, ошибкам. В его произведениях преобладает внешний комизм, т.е. комизм ситуаций. Он создал шедевры юмористики, которые олицетворяют несбывшиеся надежды его персонажей, что отражено, в частности, в номинациях его героев: учитель Пустяков, золотых дел мастер Хрюкин и др.; в некоторых случаях шутливая манера повествования отражена в забавных фамилиях: *Почешихин, Вратоадов, Грешкин* и др. Именами своих героев А.П. Чехов создал не только галерею образов комических персонажей, но и метафорические портреты, которые стали «юмо-рообразующим» фактором его произведений.

Чехов ввел в русскую литературу жанр короткого рассказа, где каждое слово предельно информативно, создав литературную галерею образов как своего рода зарисовки русской повседневной жизни конца XIX – начала XX века. Но короткие юмористические рассказы Чехова трудно переводить на иностранные языки.

Как пишут исследователи творчества Чехова, он не испытывал к своим героям – маленьким людям с незаурядной судьбой, чувства растроганности. Он считал их жертвами провинциальной жизни, среды, эпохи. Его тексты характеризуются разнообразием сюжетов, отражающих многообразие человеческой природы. Чехов осознавал, что отрицательные качества отдельных людей – это проявление болезни общества, истоки которой лежат в социальном укладе. Именно поэтому юмор Чехова научил миллионы читателей быть более совестливыми, более человечными. Сам писатель признавался, что его произведения

трудно переводить на иностранные языки, так как они содержат множество национальных кодов, которые трудно расшифровать.

Как подчеркивают исследователи творчества Чехова, он часто использует говорящие фамилии как средство характеристики персонажей, что позволяет автору, ограниченному небольшим пространством рассказа, в лаконичной форме дать развернутое представление о характере персонажа. Почти в каждом имени и фамилии заключена целая биография, настоящий портрет героя. Так, например, фамилии чиновников *Невыразимов*, *Червяков*, *Дрянковский*, *Любостяжаев* ассоциируются с представлениями о лести, корыстолюбии, чиновничестве, подлости, жадности.

Самым ярким примером говорящих фамилий является рассказ «Лошадина фамилия», переведенный, несмотря на трудности, на многие языки. Комический эффект рассказа построен на использовании говорящих имен. Основная трудность, как пишет И.Г. Аскокова, заключается в том, что при переводе говорящих имен необходимо вводить их по нарастающей, чтобы каждая последующая фамилия была смешнее и нелепее предыдущей. Автор работы приводит примеры перевода говорящих фамилий на французский язык, подчеркивая изобретательность французских переводчиков, которые в одних случаях придумывали фамилии (*Cavalon* – обыгрывается слово *cavale* – кобылица, *Destriez* образовано от слова *destrier* – боевой конь, *Palfroy* образовано от слова *palefroid* – парадный конь), в других – переводили их (*Bay* – *bai* – гнедой, *Trott* – *trot* – рысь).

Поэтика имени в юмористических рассказах А.П. Чехова нашла отражение в работе Р.Н. Иманкуловой [Иманкулова 2016]. Автор исследования подчеркивает трепетное отношение писателя к ИС, который в своем творчестве, с одной стороны, опирался на традиции предшественников, с другой стороны, выражал собственные авторские интенции, наделяя своих персонажей теми или иными говорящими именами, фамилиями, прозвищами.

Оценивая говорящие анималистические фамилии, которыми заполнено ономастическое пространство ранних рассказов А.П. Чехова, автор отмечает,

что в краткой лаконичной форме юмористического рассказа представлена высокая концентрация изобразительных средств, представленная в именах, фамилиях, прозвищах. По мнению автора, ИС, наряду с портретом, речью и поведением, является одним из основных приемов создания образа. Как видим, автор статьи косвенно подтверждает принадлежность исследуемых онимов к метафоре, поскольку, изучая метафору, мы изучаем метафорические образы, сложившиеся в той или иной национальной культуре и воплощенные в художественном произведении.

В нашей работе акцент сделан именно на метафорическом осмыслении говорящих имен, фамилий и прозвищ. Цель использования говорящих имен в творчестве А.П. Чехова состоит в создании характеристики персонажей, описании их нравственных и психологических качеств, включении имени в общий колорит рассказа, и, самое главное, в достижении комического эффекта, что сближает механизмы метафоры и комического.

Пример анализа говорящих имен в рассказах А.П. Чехова дан в работе И.Г. Аскоковой, которая приводит классификацию анималистической метафоры:

- 1) фамилия и прозвища, в основе которых лежат названия животных, птиц: *лавочник Голорыбенко, секретарь Клещев, помещик Гадюкин* и др.
- 2) номинации, связанные с повадками животных: *присяжные поверенные Козьявкин и Лаев, поручик Подмигайлов* и др.
- 3) анималистические прозвища, заменяющие фамилии: *Собачьи Зубки, доктор Щур, старуха Сычиха* и др.

Автор приходит к выводу, что говорящие имена как метафоры отражают художественную антропологию писателя, передавая тем самым некий художественный код, а их способность передавать комический эффект сближает творчество А.П. Чехова с игровой карнавальной культурой, свойственной историко-литературной эпохе начала XX века.

Интересные наблюдения приводит Т.П. Миронова, которая анализирует переводы говорящих имен с русского языка на французский. Ученый сравни-

вает две стратегии перевода говорящих имен на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: перевод и транскрипцию/транслитерацию (Миронова 2020). Автор показывает, что прием транскрипции позволяет передать звуковую сторону онимов и сохранить этнокультурный компонент, но смысловая часть при этом утрачивается. Таким способом были переведены говорящие имена поэмы с русского языка на французской, что соответствует классическим нормам перевода ИС. В новейших переводах использована другая словообразовательная модель: перевод корня говорящей фамилии (в некоторых случаях, видоизменением орфографии нарицательного имени) и сохранение оригинального суффикса. Данная модель позволила сохранить семантику и эмоциональное наполнение говорящего имени, а также национальную специфику звучания. Автор приводит такой пример: фамилия *Манилов*, восходящая к глаголам «манить», «завлекать» передана как *Appatov*, образованной от глагола «*appater*» – «приманивать», «заманивать», что позволяет реципиенту вызвать в своем сознании те же ассоциации, которые свойственны читателю оригинала. Автор приходит к следующему выводу: «Огромная информативная нагрузка, заключенная в смысловых фамилиях Н.В. Гоголя, является аргументом в пользу замены традиционных способов перевода имен на другие, способные передать их семантику. Однако готовых однозначных правил и инструкций по переводу «говорящих» имен нет» [Миронова 2020: 279].

В рамках проводимого нами исследования особое значение приобретает рецепция произведений А.П. Чехова в Китае. Данная проблема обсуждается в работах российских китаеведов Е.А. Серебрякова, М.Е. Шнайдер и др.

В исследованиях Е.А. Серебрякова обсуждается проблема перевода произведений Чехова на китайский язык [Серебряков 2005]. Как отмечает ученый, при жизни писателя его произведения не были переведены на китайский язык. Первые переводы были выполнены в 1907 г. в Шанхае, при этом переводчики пользовались не русскими текстами, а их переводами на английский, немецкий, японский языки. Важно, что Чехов стал одним из самых популярных русских писателей в Китае. Китайские переводчики сравнивали

его творчество с Ги де Мопассаном. В 1920-е китайский писатель и переводчик Лу Синь внес большой вклад в продвижение творчества Чехова. Под его руководством был издан «Сборник зарубежных рассказов», среди которых были произведения Чехова. В 1930-е годы было издано «Собрание лучших рассказов Чехова». В этот же период появляются переводческие исследования, среди которых работы Чжо Цзиншэня, который также переводил рассказы Чехова. Переводческие принципы, на которых он основывался, заключались в следующем: доступность, верность, изящество. В его произведениях поднимается актуальная для Китая проблема «маленького человека». Произведения Чехова оказали сильное влияние на духовную жизнь в Китае, в частности, на китайских писателей XX века.

Китаеведы отмечают, что Чехов стал первым, кого нашли китайские переводчики и издатели. В 1950-е годы чеховские рассказы стали одним из лучших учебников русского языка в Китае. В 2000-е годы в Китае была издана серия «Легкого чтения», предназначенная для повышения эстетического вкуса школьников, в нее вошли 100 шедевров мировой литературы, среди которых были произведения Чехова, который является одним из самых популярных и любимых русских писателей в Китае.

3.3 Общая характеристика ономастического пространства юмористической прозы Пэлама Грэнвилла Вудхауза

Пэлем Грэнвилл Вудхауз (1881-1975) – выдающийся англо-американский писатель-юморист, драматург, комедиограф XX века. Он известен как автор более ста романов, и в настоящее время в Великобритании существует «Общество почитателей Вудхауза», которое находилось под патронажем королевы Елизаветы.

В своем творчестве П.Г. Вудхауз продолжает традиции английских писателей-юмористов Ч. Диккенса, У. Теккерея, Л. Кэролла, Б. Шоу, Джерома К. Джерома и др., расширяя тем самым область смешного. XX век признан исследователями «золотым веком» английской комической литературы. Несмотря на то, что писатель большую часть жизни прожил в Америке, в своих про-

изведениях П.Г. Вудхауз предстает как истинный англичанин, которому удалось обеспечить преемственность традиций, заложенных мастерами комического. Самый известный цикл его произведений, состоящий из 12 романов и нескольких рассказов, был создан писателем в период с 1917 по 1974 г.г.

П.Г. Вудхауз создал комический дуэт молодого аристократа, не отличающегося высоким интеллектом и здравым смыслом Бертрама Уилберфорса Вустера, и его камердинера, находчивого и остроумного Дживса. В основе сюжета – злоключения эксцентричных героев-чудаков, которые попадают в различные комические ситуации, вызывающие смех, передавая тем самым дух Англии, который тонко чувствует писатель. Комические персонажи Вудхауза раскрывают мировоззрение писателя, который смотрит на мир с улыбкой и передает это ощущение читателям. Они обладают тонким английским юмором и определяют национальный характер, т.е. исторически и культурно обусловлены.

В России знакомство с произведениями П.Г. Вудхауза произошло лишь в конце XX века. Исследователи отмечают трудности перевода его произведений, что сопоставимо с переводом поэзии нонсенса с английского языка на русский ввиду неоднородности смысла, который автор вкладывает в характеристику персонажей.

Романы Вудхауза и их герои послужили основой изучения природы комического Э.В. Шабуниной [Шабунина 2016]. По мнению автора, «...прозвище становится в сознании читателя воплощением художественного образа» и вызывает комический эффект [Шабунина 2016: 67]. Автор подчеркивает ключевую роль противоречий для возникновения комического эффекта. Так, давая персонажу то или иное имя в виде прозвища, писатель использует несоответствие между аллюзией и контекстом употребления. При переводе это несоответствие может быть нейтрализовано, что приводит к исчезновению комического эффекта. В качестве примера приводится прозвище *Сыр* – так зовут однокашника Б. Вустера – *Д’Арси Чизрайт* (*D’Arcy Cheesewright*), которого часто переводят как *Д’Арси Чеддер* по прозвищу

Сыр. В подлиннике его зовут *Сыр Стилтон (Stilton)*, означающий «королевский сыр», т.е. самый лучший сорт сыра. Это прозвище вступает в противоречие с поведением самого героя, который, на самом деле, почти не имеет достоинств. Но при переводе задуманное автором противоречие исчезает, а вместе с ним, исчезает комический эффект. Как видим, в данной работе прозвище рассматривается как один из способов создания комического эффекта. Мы рассматриваем создание данного прозвища как антропонимическую метафору. Э.В. Шабунина отмечает, что, с точки зрения концепции В.Я. Проппа, давая персонажу прозвище ради комического эффекта, писатель наделяет отрицательного героя положительной коннотацией: королевское прозвище контрастно подчеркивает неблагоприятную роль персонажа. Автор подчеркивает, что проблема переводимости прозвищ как носителей комического эффекта приобретает особое значение.

Завершая краткий обзор, подчеркнем, что предшественники Вудхауза отражали в своих произведениях характерные черты английской юмористики, но сам Вудхауз был только юмористом. Его считают комическим гением, одним из самых оригинальных комедийных писателей Англии.

3.4 Понятие транскультурной модификации модели антропонимической метафоры

Изучение процесса трансляции метафорических смыслов, принадлежащих антропонимической метафоре оригинала, при их переводе на китайский язык, потребовало введения понятия транскультурной модификации модели. Это связано с тем, что в настоящее время не существует единых принципов перевода антропонимической метафоры с русского языка на китайский и с английского языка на китайский. При этом и говорящее имя, и прозвищное имя, и прецедентное имя, содержащие метафорические смыслы, могут находить определенный отклик в принимающей культуре, что свидетельствует о модификации исходной модели антропонимической метафоры. Этот процесс совершается одновременно с переходом метафоры из одной

культуры в другую. Тем самым, мы можем говорить о транскультурной модификации исходной модели антропонимической метафоры.

Данное понятие возникло у нас по аналогии с понятием трансдискурсивной модификации модели метафоры, разрабатываемой в диссертационном исследовании М.В. Суворовой на примере медицинской метафоры [Суворова 2019]. В ее работе речь идет о переходах субъектов дискурса в процессе взаимодействия с представителями разных дискурсов.

Если проанализировать использование приставки «транс», выясняется, что она образует прилагательные с двумя значениями. Согласно «Русскому семантическому словарю» под редакцией Н.Ю. Шведовой, прилагательные с приставкой «транс» обозначают 1) «проходящий через большое пространство», 2) «расположенный за пределами чего-нибудь». В цитируемой работе «понятие трансдискурсивности характеризует переходы, совершаемые между уровнями дискурса в процессе медиации знания» [Суворова 2019: 33].

В нашем исследовании речь идет о переходах, совершаемых в переводческом пространстве художественного юмористического дискурса, в процессе трансляции метафорических смыслов. В теории перевода широко используется термин «трансфер», обозначающий перенос, переход; используется также термин «культурный трансфер».

Мы выбрали для анализа культурного трансфера антропонимической метафоры термин «транскультурный», так как антропонимическая метафора в результате ментальных и речевых действий переводчика переходит из одной лингвокультуры в другую. Процесс перевода предполагает выход текста/дискурса за пределы родной культуры. По мнению современного канадского ученого Ж. Делиля, перевод выполняет множество функций, среди которых особое значение приобретает культуруформирующая функция (Delisle 2011). Это означает, что текст перевода не просто становится фактом другой культуры, он ее обогащает, а в некоторых случаях, даже создает. В процессе перевода пространство одной культуры соприкасается с пространством другой

культуры, т.е. одно пространство проходит через другое, сквозь другое. Так появляется транскультурное пространство.

Если рассматривать модель антропонимической метафоры, которую использует автор юмористического дискурса, в переводческом пространстве она адаптируется к принимающей культуре, что находит отражение в различных модификациях исходной модели. Этот процесс может быть более или менее успешным, в зависимости от соотношения взаимодействующих культур, языков, дискурсов, языковых личностей.

3.5 Выявление стратегий транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в юмористическом дискурсе

Выявление стратегий транскультурной модификации модели антропонимической метафоры предполагает анализ следующих этапов данного процесса: порождение дискурса оригинала – процесс перевода – порождение дискурса перевода. Каждый этап содержит определенные компоненты и характеризуется определенными переводческими действиями.

I этап

1. Исходная культура: русскоязычная и англоязычная;
2. Дискурс оригинала – юмористический дискурс на русском и английском языках, обладающий юмористическим эффектом;
3. Текст оригинала – концептосфера юмористического текста;
4. Антропонимическое пространство дискурса оригинала, представленное следующими онимами: говорящее имя, прецедентное имя, прозвищное имя;
5. Антропонимическая метафора = антропоним + когнитивная метафора как культурный концепт русского/британского этноса или индивидуально-авторский концепт.

II этап

1. Переводческое пространство как синергетическая сущность, формируемая в сознании переводчика, как абстрактный конструкт, динамически раз-

вивающийся и саморазвивающийся, в котором происходит формирование образа-гештальта текста, транспонирование и синергия метафорических смыслов;

2. Ментальные действия переводчика по выявлению, осмыслению, девербализации, категоризации, интерпретации, адаптации концептуальной антропонимической метафоры – актуализация культурного концепта в сознании переводчика;

Речевые действия переводчика по принятию переводческого решения: поиск языковых средств, ревербализация, осознанный или интуитивный выбор антропонимической метафоры, обеспечивающий культуросообразность между метафорическими смыслами оригинала и перевода.

III этап

Принимающая культура: китайская. Подчеркнем, что в каждой культуре синергетическое приращение смыслов, приводящее к гармонии, будет разным, соответственно, юмористический эффект, возникающий в процессе транспонирования антропонимической метафоры, также будет различным. Это означает, что то, что в одной культуре является гармоничным, в другой культуре может оказаться либо адекватным, либо эквивалентным, либо даже дисгармоничным. Идея гармонии, или культуросообразности принятия переводческого решения варьируется от одной культуры к другой.

Возможны четыре стратегии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры при передаче антропонимической метафоры из русской или британской лингвокультуры в китайскую. Их сущность сводится к следующему.

Гармоничная стратегия: полная реметафоризация. Гармонизация смыслов оригинала и перевода означает, что в переводческом пространстве происходит синергетическое приращение новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Продуктивность механизма реметафоризации в разных языках находится на одинаково высоком уровне. В языковом сознании всех субъектов переводческой коммуникации наблюдается подобное или схожее метафорическое конструирование антропонима, которое отражает

«живую внутреннюю форму» антропонима оригинала и передает его образность. В результате реметафоризации АМ приобретает аналогичные метафоре оригинала функции, а именно: говорящее имя приобретает когнитивно-креативные функции, прозвищное имя – экспрессивно-суггестивные функции, прецедентное имя – индивидуализирующие функции, что обуславливает воссоздание юмористического эффекта

1. **Эквивалентная стратегия: частичная реметафоризация.** В языковом сознании представителей разных лингвокультур механизм метафоризации отличается по своей продуктивности, наблюдается незначительное «оживление» метафорических смыслов, т.е. воссоздается внутренняя форма оригинала, но теряется образность. Проявлением частичной реметафоризации является возможность создания переводческого метатекста, компенсирующего метафорические смыслы за счет переводческого толкования авторских интенций транскрибированного или транслитерированного антропонима. Юмористический эффект частично сохранен.

2. **Адекватная стратегия: нейтрализация.** В переводном дискурсе отражена «стертая» антропонимическая метафора, не связанная ни с внутренней формой антропонима, ни с его образностью. Юмористический эффект существенно снижен, его проявления носят окказиональный, эпизодический характер. В основе адекватного перевода лежит использование приемов транскрипции или транслитерации.

3. **Дисгармоничная стратегия: деметафоризация.** При переводе антропонимической метафоры возможно полное исчезновение метафорического образа и соответствующего юмористического эффекта. Дисгармонию мы приравниваем к переводческой ошибке, обусловленной либо опущением исходной метафорической модели, либо ее неверным переводом и толкованием. Иноязычный читатель воспринимает лишь экзотичность имени, лишенную каких-либо культурных коннотаций.

Результаты анализа транскультурной модификации модели антропонимической метафоры будут представлены ниже.

3.6 Разработка типологии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в русско-китайском и англо-китайском юмористическом дискурсе

Изучение выбранных нами для анализа антропонимических метафорических моделей говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, которые при переводе с русского и с английского языков на китайский, претерпевают транскультурные модификации потребовало уточнить и расширить характеристики исходных метафорических моделей, которые были представлены в первой главе нашего исследования. С этой целью мы проводим анализ моделей антропонимической метафоры оригинала в трех аспектах: лингвокультурном, когнитивном, дискурсивном.

В лингвокультурном аспекте она представлена в виде моделей говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, каждая из которых характеризуется определенными дифференциальными признаками выражения метафорических смыслов. При описании АМ говорящего имени мы опирались на классификацию С. Влахова и С. Флорина, которые подчеркивали значимость и прозрачность внутренней формы ГИ для точной, емкой, образной, эмоционально-экспрессивной характеристики персонажа и выявили три типа: аллюзивность, ассоциативность, своеобразная фонетическая форма. В работе мы будем изучать три типа модели говорящего имени:

- аллюзивные имена;
- ассоциативные имена;
- имена, соотносимые с фонетической игрой.

Аллюзии обусловлены пресуппозициями, возникающими в сознании автора при создании АМ; ассоциации возникают в результате ассоциативной связи с нарицательным именем или другим именем собственным в рамках данной лингвокультуры; фонетическая игра раскрывает фантазию и изобретательность автора, стремящегося к своеобразию фонетических форм оригинала.

При описании лингвокультурных параметров антропонимической метафоры, представленной прецедентными именами, мы используем терминологию В.В. Красных, которая, при анализе прецедентных феноменов, выявляет три группы: социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные (Красных 2002). «Национально-прецедентные – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу» [Красных 2002: 50] «Универсально-прецедентные – феномены, известные любому среднему homo sapiens и входящие в универсальное когнитивное пространство (универсальную когнитивную базу)» [Красных 2002: 51].

Опираясь на концепцию В.В. Красных, в работе мы будем рассматривать два типа модели прецедентного имени:

- национально-культурные антропонимические метафорические модели прецедентного имени;
- универсально-культурные антропонимические метафорические модели прецедентного имени.

Для характеристики прозвищных имен мы опираемся на результаты исследований А.М. Селищева, В.К. Чичагова, И.Ю. Карташовой. На этом основании мы вычленим четыре типа модели прозвищного имени:

- прозвищные имена с имплицитной образностью;
- прозвищные имена с эксплицитной образностью;
- прозвищные имена с факультативной образностью;
- прозвищные имена с динамической образностью.

Мы исходим из того, что спектр семантических признаков прозвищ чрезвычайно разнообразен в речевой деятельности говорящих, а в художественном дискурсе он практически безграничен, так как каждый автор создает прозвищные имена в соответствии с собственными представлениями о персонаже.

Наша исследовательская задача состоит в том, чтобы выяснить, насколько переводчику удалось индуцировать юмористический эффект ори-

гинала в процессе транспонирования метафорических смыслов. Важность этой задачи обусловлена тем, что метафорическое собственное имя как маркер комического, обладает текстоформирующим и дискурсоформирующим потенциалом как в оригинале, так и в переводе.

В исследованиях В.И. Карасика обозначены ключевые положения, характеризующие прагмалингвистические особенности юмористического дискурса. Ученый разработал модель анализа юмористического дискурса, построенную на интеграции юмористической интенции, юмористической тональности, юмористических стереотипов смехового поведения. Юмористическая интенция трактуется ученым как коммуникативное намерение отправителя сообщения, как внутренний мотив отправителя, а для адресата оно выступает процессом и результатом коммуникативного взаимодействия. Юмористическая тональность определяется ученым как взаимная настроенность участников коммуникации на смеховое осмысление ситуации, персонажа и пр. Она предполагает создание эмоциональной атмосферы, благоприятствующей «переворачиванию» ценностей, что вызывает юмористический эффект. При этом особое значение уделяется юмористической эмпатии как сочувствованию, сопереживанию. Юмористические стереотипы смехового поведения предполагают наличие определенных моделей речевого и смехового поведения, принятых в данной культуре [Карасик 2018]. Данные особенности мы рассматриваем как конститутивные признаки юмористического дискурса.

В когнитивном аспекте антропонимическая модель отражает ментальную деятельность автора, при этом каждая разновидность модели обладает определенными юмористическими смыслами, которые являются конститутивными признаками юмористического дискурса. Мы предположили, что каждая модель антропонимической метафоры характеризуется одним доминирующим свойством, выступающим текстоформирующим и дискурсоформирующим фактором, а именно:

- 1) юмористической интенцией, которой наделено говорящее имя;

- 2) юмористической тональностью, определяющей прецедентное имя,
- 3) юмористическими стереотипами смехового поведения, которые находят отражение в прозвищных именах.

Поясним, что эта градация условна, речь идет о доминировании тех или иных признаков в каждой модели АМ.

Что касается дискурсивного аспекта, т.е. коммуникативного взаимодействия участников юмористического дискурса, все три модели антропонимической метафоры имеют одну функцию – порождение юмористического эффекта в художественном дискурсе.

Переходим к исследованию процесса транскультурной модификации модели антропонимической метафоры и разработке ее типологии.

В переводческом пространстве происходит транспонирование метафорических смыслов по четырем направлениям:

а) прямая передача метафорических смыслов, или полная реметафоризация (гармоничный перевод) при которой они эксплицитно выражены в тексте перевода. Предполагается создание новых нерегулярных соответствий, нового метафорического образа, порождение новой, «живой» метафоры, что является результатом синергетического приращения смыслов в тексте перевода при условии творческого поиска, изобретательности, фантазии переводчика.

б) косвенная передача метафорических смыслов, или частичная реметафоризация (эквивалентный перевод) которые не выражены непосредственно в тексте перевода, но переданы в переводческом метатексте (в послесловии, в комментариях, в сносках на странице). Создание метатекста является синергетическим процессом, результатом переводческой рефлексии. Метатекст оказывает определенное влияние на восприятие образности реципиентом, что имеет положительный эффект.

в) нейтрализация метафорических смыслов (адекватный перевод) основывается на идеях фоносемантики (определение качественных характеристик имени не по значению, а по звуку) и предполагает, что антропоним

сохраняет экзотичную звуковую форму, благодаря которой на подсознательном уровне создается впечатление метафоричности, но при этом происходит некоторая потеря колоритной окраски. Такая передача АМ является приемлемой.

г) **деметафоризация**, обусловленная исчезновением метафорических смыслов и метафорического образа (дисгармоничный перевод) Дисгармоничный перевод мы соотносим с переводческой ошибкой, переводческим несоответствием, переводческой неточностью, переводческой погрешностью.

Если при прямой передаче метафорических смыслов они эксплицитно присутствуют в тексте перевода, то при косвенной передаче метафорических смыслов они выражены только в метатексте, создаваемом переводчиком. Это значит, что текст перевода строится на основе транскрипции или транслитерации антропонима, но в переводческих ссылках, комментариях, пояснениях раскрывается метафорический образ оригинал. Мы трактуем метаперевод или переводческий метатекст, вслед за В.Б. Кашкиным, который выстроил и описал его номенклатуру, как текст «...фактически принадлежащий автору перевода и являющийся посторонним по отношению к исходному авторскому тексту» [Кашкин 2009: 238]. Данный термин аналогичен терминам *paratraduction* (франц.) и *paratranslation* (англ.), что означает «параперевод», но для обозначения того же процесса был выбран префикс «мета», что привело к образованию термина «метаперевод». В работе Н.А. Пластининой сущность метапереводческой деятельности описывается так: «Метапереводческая деятельность осуществляется в рамках метатекста, трактуемого как текст, созданный переводчиком к переведенному им тексту» [Пластинина 2018: 5].

Отметим, что анализируемый нами материал показал, что китайские переводчики чаще других прибегают к использованию метатекста и метаперевода с целью косвенной передачи метафорических смыслов, что приводит к частичной реметафоризации антропонимической метафоры. Мы наблюдали также случаи, когда переводчику не удалось выразить метафорические смыс-

лы ни в тексте, ни в метатексте, но читатель может догадаться, что данное имя является в оригинале метафорой и самостоятельно создает метатекст, обратившись к критической литературе, к переводческим комментариям других произведений тех же авторов, к справочно-энциклопедическим изданиям.

В зависимости от типа транскультурной модификации модели АМ мы определяли характер воссоздания юмористического эффекта в дискурсе перевода.

1) полная реметафоризация модели антропонимической метафоры означает достижение гармоничного перевода, что приводит к воссозданию юмористического эффекта;

2) частичная реметафоризация модели АМ означает проявление эквивалентного перевода, который приводит к частичному воссозданию юмористического эффекта;

3) нейтрализация модели АМ означает проявление адекватного перевода, что приводит к ослаблению юмористического эффекта;

4) деметафоризация модели АМ означает проявление дисгармоничного перевода, приводящего к исчезновению юмористического эффекта.

В качестве примера рассмотрим процесс транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, представленного говорящим именем. Этот процесс мы анализируем на трех уровнях: когнитивном, культурном, коммуникативном. Когнитивный уровень анализа отражает ментальную деятельность автора, культурный уровень анализа соответствует метафорической картине мира автора и переводчика, дискурсивный уровень анализа отражает юмористический эффект реципиента.

Обратимся к рассказу А.П. Чехова «Клевета», который содержит следующие говорящие фамилии: учитель чистописания Сергей Капитоныч *Ахинеев*, учитель математики *Тарантулов*, француз *Падекуа*, учитель истории и географии Иван Петрович *Лошадиных*, младший ревизор контрольной палаты Егор Венедиктыч *Мзда*, учитель словесности *Додонский*, помощник клас-

сных наставников *Ванькин*. Как видим, семь персонажей имеют говорящие фамилии.

В переводе на китайский язык эти говорящие имена звучат так:

阿希涅耶夫, 达兰土洛夫, 巴代库阿, 洛沙津内依, 姆兹达, 多东斯基

Анализ модели антропонимической метафоры *Ахинеев* приводит к следующим результатам.

а) с когнитивных позиций, отражающих ментальную деятельность автора, фамилия *Ахинеев* характеризует человека, который говорит и пишет глупости, несуразицу, чепуху, вздор. Фразеологизм русского языка «нести ахинею» восходит к греческому слову «афиня», которое обозначало собрание философов в храме богини мудрости Афины для проведения дискуссий. Предположительно, не всегда эти дискуссии носили разумный характер, и некоторые собравшиеся говорили вздор. Известно, что в русском языке существует выражение «нести ахинею», когда говорится о человеке, который не задумывается о своих словах. Соответственно, если персонаж Чехова носит фамилию «Ахинеев», это характеризует его как разговорчивого, не очень умного, человека.

б) с культурных позиций АМ *Ахинеев* отражает метафорическую картину мира автора, которая может быть транспонирована переводчиком, воссоздающим аналогичную метафорическую картину. В связи с тем, что в китайской культуре такого выражения нет, языковая картина переводчика не обретает метафоричные черты, а остается нейтральной.

в) с дискурсивных позиций, отражающих воссоздание комического эффекта, мы констатируем использование переводчиком приема транскрипции, что не приводит к созданию юмористического эффекта, не вызывает у китайских читателей ни ассоциаций, ни метафорических образов, которые возникают у читателя оригинала.

Таким образом, мы констатируем деметафоризацию, что приводит к исчезновению юмористического эффекта и переводческой дисгармонии.

Следующая говорящая фамилия как проявление антропонимической метафоры, принадлежит *помощнику классных наставников Ванькину*.

а) с когнитивных позиций в русском языке существует множество устойчивых выражений с компонентом *Ванька*. Например, *валять ваньку*, что означает шутить, придуриваться, притворяться, валять дурака. В русском фольклоре известны такие выражения как *Иван-дурак*, *Ванька с Манькой*, *Ванька-встанька* и др.

б) с культурных позиций. В метафорической картине мира писателя именно эти выражения послужили основанием для создания фамилии Ванькин, характеризуемый как недалекий, простодушный персонаж. В переводе на китайский язык 万尼金

в) с дискурсивных позиций мы также констатируем деметафоризацию, что приводит к переводческой дисгармонии.

В следующих параграфах будет представлена разработанная нами типология транскультурной модификации модели антропонимической метафоры.

3.7 Апробация типологии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры на материале русско-китайского и англо-русско-китайского юмористического дискурса А.П. Чехова и П. Г. Вудхауза

3.7.1 Транскультурная модификация модели говорящего имени

Начнем анализ с юмористического рассказа А.П. Чехова «Лошадиная фамилия», который является «кладезью» антропонимических метафор, что представляет несомненный интерес при ее передаче на иностранные языки.

Рассказ был впервые опубликован в 1885г. в «Петербургской газете» под псевдонимом начинающего автора Антоша Чехонте. По мнению литературоведов, рассказ относится к реалистическому направлению и отражает быт и нравы России в девятнадцатом веке, описывает будни уездного города. В основу рассказа положен анекдот, где вспоминали птичью фамилию, которая оказалась фамилией «Вербин» или «Вербицкий», так как птица сидела на вербе. Персонажи «Лошадиной фамилии» перечисляют разные фамилии по ассоциации с различными породами лошадей, которые создают целую серию

говорящих имен, порождающих комический эффект. Более того, название рассказа приобрело черты прецедентного имени, так как в тех случаях, когда человек не может быстро что-то назвать и ищет различные ассоциации в надежде вспомнить нужное имя, говорят о лошадиной фамилии, что звучит на английском языке как *A Horsey Name*, на французском языке как *Nom du cheval*, на китайском языке как 姓马什么

В Приложении (Таблица 1) представлены результаты транскультурной модификации антропонимической метафорической модели говорящего имени на материале юмористического рассказа А.П. Чехова «Лошадиная фамилия» в оригинале и двух переводах на китайский язык. Первый перевод опубликован в 2018 г., перевод выполнил Ли Хуэйцюань. Второй перевод опубликован в 2021 г., перевод выполнил Ван Шоужэнь.

Наша исследовательская задача состояла в анализе транскультурной модификации модели говорящего имени (говорящей фамилии), представленной в двух вариантах переводов.

1. Транскультурная модификация модели говорящего имени (переводчик Ли Хуэйцюань)

Анализ показал, что при переводе антропонимической метафоры, создающей юмористический эффект оригинала переводчиком использованы три переводческие стратегии: эквивалентность, гармоничность, дисгармоничность, соответствующие процессам частичной реметафоризации, полной реметафоризации, деметафоризации. В случае гармоничной стратегии имеет место перевод корневой основы и транскрипция словообразовательной основы – окончания. Это означает, что антропонимическая метафора воссоздается переводчиком по образу и подобию оригинала: лексическое значение, или значение корневой морфемы антропонима передано китайскому реципиенту, благодаря чему в его сознании возникает аналогичный образ; грамматическое значение или словообразовательная морфема оригинала не может быть выражена средствами китайского языка, поэтому переводчик осуществляет ее транскрипцию, передавая тем самым экзотизм

онима, т.е. фонетический рисунок перевода уподобляется русскоязычному звучанию за счет окончания. Гармония возникает в случае приращения новых смыслов. При переводе мы наблюдали также стратегию эквивалентного перевода, что обусловлено созданием переводческого метатекста, дополняющего основной текст. Так проявляется частичная реметафоризация. Мы наблюдали также проявление дисгармонии, т.е. процессы деметафоризации, что привело к переводческим ошибкам и к разрушению метафоры оригинала.

2. Транскультурная модификация модели говорящего имени переводчиком Ван Шоужэнь.

На первый взгляд, действия переводчика приводят к деметафоризации, так как он в тексте перевода обращается исключительно к транскрипции антропонимической метафоры, передавая фонетические и фонематические особенности имени оригинала. На самом деле, переводчик не ограничивается транскрипцией. В своих послетекстовых переводческих комментариях, что мы обозначаем термином метатекст (вслед за В.Б. Кашкиным и Н.А. Пластининой), переводчик дает толкование антропонимической метафоры: он обращается к истокам, уточняет этимологию онима, находит значение соответствующего имени нарицательного, которое послужило основой для создания имени собственного.

Признавая, что метатекст принадлежит автору перевода, мы рассматриваем его как частичную реметафоризацию, восполняющую культурно значимые элементы как самой антропонимической метафоры, так и юмористического дискурса. Очевидно, что характер воссоздания метафоричности при переводе определяет характер комического эффекта.

В тексте оригинала использовано 42 антропонимических метафоры, представленных говорящими именами (говорящими фамилиями), что мы рассматриваем как проявление когнитивной метафорической модели. Исходя из того, что было проанализировано два варианта перевода, в целом мы изучали 84 антропонимические пары на русском и китайском языках.

Уточним, что переводы данного рассказа выполнялись на китайский язык и ранее, но принципиальной разницы мы не заметили. Как показывает сопоставительный анализ, каждый из китайских переводчиков выстраивает свою модель говорящего имени, что характеризует выбранные ими стратегии транскультурной модификации метафорической модели говорящего имени как разновидности антропонимической метафоры.

Проиллюстрируем оба варианта перевода на конкретных примерах.

Пример №1: Буланов

Говорящее имя *Буланов* имеет следующий вид на китайском языке 黄骠马布诺拉夫, что при обратном переводе на русский язык обозначает *рыжий конь с желтым оттенком*. Переводчик осуществляет перевод корневой морфемы и добавляет транскрипцию окончания русского имени. В данном случае имеет место полная реметафоризация, что мы соотносим с гармоничным переводом, и что приводит к воссозданию юмористической интенции автора. Второй переводчик предлагает следующий вариант: 布兰诺夫. В данном случае имеет место транскрипция говорящего имени в целом, но после текста представлен мета-перевод (переводческий метатекст), что мы соотносим с эквивалентным переводом, т.е. частичной реметафоризацией, и что приводит к частичному воссозданию юмористического эффекта.

Пример №2: Копытин

Первый переводчик выбирает следующий вариант перевода: 马蹄倍京, т.е. он переводит корневую морфему *копыто* и транскрибирует окончание русского имени. Мы констатируем полную реметафоризацию, что обуславливает порождение гармоничного текста перевода и воссоздание юмористической интенции автора. Второй переводчик выбирает такой вариант: 科贝丁, т.е. выполняет транскрипцию АМ русского имени в целом. Но после текста он создает метатекст, поясняющий исходный образ. Такой способ перевода мы обозначаем как частичную реметафоризацию, что приводит к эквивалентному переводу.

Пример №3: **Тройкин**

Говорящее имя *Тройкин* 三套马衣金 переведено как *три коня*, и далее следует транскрипция окончания русского имени. Мы наблюдаем полную реметафоризацию, что приводит к гармоничному переводу и воссозданию юмористической интенции автора. Второй переводчик транскрибирует все говорящее имя: 托罗伊金. После текста он создает метатекст (метаперевод), что обуславливает частичную реметафоризацию антропонимической метафоры и приводит к эквивалентному переводу.

Пример №4: **Гнедов**

Говорящее имя *Гнедов* 枣红马多福 обозначает в китайском языке *коричнево-красную лошадь*, и к данной корневой морфеме добавляется транскрипция окончания русского имени. Мы наблюдаем полную реметафоризацию, приводящую к гармоничному переводу и воссозданию юмористической интенции автора. Второй переводчик использует прием транскрипции: 格涅多夫, но после текста создает метатекст, что мы рассматриваем как проявление частичной реметафоризации, и что приводит к эквивалентному переводу.

Пример №5: **Рысистый**

Говорящее имя *Рысистый* 快马希斯德乙 означает в китайском языке *быструю лошадь*, и к корневой морфеме добавляется транскрипция окончания русского имени. Мы констатируем полную реметафоризацию, которая приводит к гармоничному переводу и воссозданию юмористической интенции автора. Второй переводчик полностью переводит приемом транскрипции: 雷西斯特, но создает метатекст, т.е. имеет место частичная реметафоризация, приводящая к эквивалентному переводу.

Пример №6: **Лошадицкий**

Говорящее имя *Лошадицкий* 好马济慈基 приобретает в китайском тексте значение *хорошая лошадь*, т.е. к корневой морфеме добавляется транскрипция окончания русского имени. Мы констатируем деметафоризацию, так как переводчик исказил смысл исходного антропонима, что приводит к

дисгармоничному переводу и исчезновению юмористической интенции. Второй переводчик использует прием транскрипции: 洛沙季茨基 и затем создает метаперевод, т.е. мы констатируем частичную реметафоризацию, приводящую к эквивалентному переводу.

Пример №7: Уздечкин

Говорящее имя *Уздечкин* 马缰绳届其金 означает в китайском тексте *поводья*, т.е. к корневой морфеме добавлена транскрипция окончания русского имени. Мы считаем, что переводчик допустил искажение значения антропонима, что приводит к деметафоризации и дисгармоничному переводу. Второй переводчик выбирает вариант: 乌兹杰奇金, т.е. использует прием транскрипции, после текста он создает метатекст, что мы обозначаем как частичная реметафоризация, приводящая к эквивалентному переводу.

Мы приходим к выводу, что оба переводчика при передаче говорящей фамилии предпочитают способ транскрипции, подчеркивая тем самым принадлежность имени к иноязычной культуре. При этом первый переводчик предпочитает переводить корневую морфему, к которой он добавляет транскрипцию русскоязычного антропонима, передавая экзотическое звучание иноязычного антропонима. При успешном переводе корневой морфемы имеет место создание новых нерегулярных соответствий или метафорических образов, и мы констатируем полную реметафоризацию; при неуспешном переводе мы констатируем деметафоризацию. Второй переводчик использует прием транскрипции, но после текста он создает переводческий метатекст, что облегчает восприятие иноязычного реципиента. Мы констатируем частичную реметафоризацию, и перевод признаем эквивалентным.

Ниже приведен пример перевода одного и того же говорящего имени двумя переводчиками.

Пример №8: **Овсов** – оригинал на русском языке: *Овсов*

– тип антропонимической метафоры оригинала: ассоциативная метафорическая модель;

- перевод на китайский язык: 燕麦奥夫索夫;
- способ перевода: перевод корневой морфемы: *лист овса* + транскрипция окончания русского имени;
- тип транскультурной модификации антропонимической метафоры: полная реметафоризация – гармоничный перевод
- юмористический эффект перевода: воссоздается юмористический эффект.

Второй переводчик:

- оригинал на русском языке: *Овсов*
- перевод на китайский язык с помощью транскрипции: 奥夫索夫;
- переводческий метатекст на китайском языке: “奥夫索夫”的词根意思是“燕麦”。燕麦在俄国多用作马饲料，故管家记得与马有关;
- обратный перевод переводческого метатекста: «Овсов» означает «овёс». Овес в основном используется в качестве корма для лошадей в России, поэтому приказчик помнит, что он имеет отношение к лошадям.
- тип транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: частичная реметафоризация – эквивалентный перевод
- юмористический эффект оригинала: частичное воссоздание юмористической интенции автора

Согласно концепции переводческого пространства, которая выступает методологическим основанием исследования, гармоничный перевод говорящей фамилии обусловлен синергетическим приращением новых смыслов. Приведем пример.

Пример №9: **Коненко**

Антропонимическая метафора – говорящая фамилия *Коненко* в переводе приобретает дополнительное значение 骏马宁克 *быстроногий конь*. Это означает, что произошло синергетическое приращение новых смыслов, что обуславливает воссоздание метафоричности средствами другого языка.

Пример №10: **Коренной**

Антропонимическая метафора оригинала – говорящая фамилия *Коренной* в переводе на китайский язык имеет следующий вид: 母马诺伊, т.е. переведено как *лошадь*+ транскрипция окончания русского имени. В данном случае имеет место деметафоризация, т.к. *коренной* означает *малорослую лошадь*. Такой перевод мы признаем дисгармоничным.

В процессе транскультурной модификации антропонимической модели мы наблюдали другие проявления нейтрализации метафорических смыслов, когда говорящие имена утрачивали оригинальные коннотации. Если в оригинале автор использует (изобретает!) семь вариантов антропонимической метафоры: *Жеребцов, Жеребятников, Жеребкин, Жеребчиков, Жеребковский, Жеребеев, Жеребовский*, то переводчик предлагает лишь одну форму: 公马/小马, дополняя ее транскрипцией окончания русского имени. Мы считаем, что выбор адекватного переводческого решения является уступкой переводчика, который пытается хотя бы частично компенсировать восприятие метафоричного ГИ представителями другой лингвоэтнической общности. Наша трактовка адекватности перевода ГИ базируется на идеях фоносемантики, изложенных в работах С.В. Воронина и А.П. Журавлева, согласно которым звуки способны содержать и выражать значения, т.е. качественные характеристики слова определяются и по значению, и по звучанию [Воронин 1992; Журавлев 1991]. Очевидно метафорический потенциал такого слова существенно снижается, но не исчезает полностью.

В целом мы констатируем успешный перевод АМ в рассказе А.П. Чехова «Говорящая фамилия».

Далее обратимся к переводам других произведений А.П. Чехова, где приемом сплошной выборки были отобраны говорящие фамилии персонажей, представляющие модель антропонимической метафоры.

Результаты анализа представлены в Приложении (Таблица 2).

В данной таблице представлена следующая информация:

– фрагмент текста оригинала, содержащий антропонимическую метафору (говорящее имя) – русский язык;

- тип метафорической модели оригинала;
- фрагмент текста перевода – китайский язык;
- способ / прием перевода антропонимической метафоры;
- тип транскультурной модификации модели говорящего имени

Приведем примеры.

Пример №11: **Шельмецов / 谢利梅措夫**

- фрагмент текста оригинала: *На скамье подсудимых заседал N...ский мещанин Сидор Шельмецов, малый лет тридцати, с цыганским подвижным лицом и плутоватыми глазками;*

- тип метафорической модели оригинала: ассоциативный;

- перевод фрагмента на китайский язык: 在被告席上坐下来的是该区小市民多尔·**谢利梅措夫**，一个三十来岁的年轻人，有一张像茨冈人那样生动活泼的面孔和一双有点狡黠的眼睛；

- прием перевода: транскрипция;

- тип транскультурной модификации модели говорящего имени: нейтрализация, которая приводит к адекватному переводу и ослаблению юмористической интенции автора.

Пример №12: **Шипучин / 石坡钦**

- фрагмент текста оригинала: *Шипучин Андрей Андреевич, председатель правления N-ского Общества взаимного кредита, нестарый человек, с моноклем;*

- тип метафорической модели оригинала: фонетическая игра;

- перевод фрагмента на китайский язык: 安德莱·安德莱耶维奇·**石坡钦**——某合股银行的董事长，一位中年人，戴着一只单眼镜；

- прием перевода: транскрипция;

– тип транскультурной модификации модели говорящего имени: нейтрализация, приводящая к адекватному переводу и ослаблению юмористической интенции автора.

Пример №13: **Трамблян / 特拉姆布良**

– фрагмент текста оригинала: *За столом рядом с Зиной, сидел его товарищ по службе, учитель французского языка **Трамблян**;*

– тип метафорической модели оригинала: ассоциативный;

– перевод фрагмента на китайский язык: *他的同事, 法语教师**特拉姆布***

良在济娜身旁坐着;

– прием перевода: транскрипция;

– тип транскультурной модификации модели говорящего имени: нейтрализация, приводящая к адекватному переводу и ослаблению юмористической интенции автора.

Пример №14: **Пустяков / 普斯佳科夫; Леденцов / 列坚佐夫.**

– фрагмент текста оригинала: *Учитель военной прогимназии, коллежский регистратор Лев **Пустяков**, обитал рядом с другом своим, поручиком **Леденцовым**;*

– тип метафорической модели оригинала: аллюзивный;

– перевод фрагмента на китайский язык: *军事初级中学的教师, 十四品官烈夫·**普斯佳科夫**居住在他的朋友**列坚佐夫**中尉的隔壁。**Пустяков 普斯佳科夫 Леденцов 列坚佐夫**;*

– прием перевода: транскрипция;

– тип транскультурной модификации модели говорящего имени: нейтрализация, приводящая к адекватному переводу и ослаблению юмористической интенции автора.

Пример №15: **Хамов / 哈莫夫**

– фрагмент текста оригинала: *Через переднюю пробежал на улицу штатный смотритель уездного училища **Хамов**;*

- тип метафорической модели оригинала: аллюзивный;
- перевод фрагмента на китайский язык: 某中学校长哈莫夫穿过前厅跑

了出去;

- способ / прием перевода: транскрипция;
- тип транскультурной модификации модели говорящего имени: нейтрализация, приводящая к адекватному переводу и ослаблению юмористической интенции автора.

Пример №16: **Подзатылкина** / 波德扎狄尔金娜

- фрагмент текста оригинала: *В четверг на прошлой неделе девица **Подзатылкина** в доме своих почтенных родителей была объявлена невестой коллежского регистратора Назарьева.*

- тип метафорической модели оригинала – ассоциативный;
- перевод фрагмента на китайский язык: 上星期的星期四, 波德扎狄尔金娜姑娘在她可敬的父母家里被宣布为十四等文官纳扎利耶夫的未婚妻。

Говорящее имя **Подзатылкина** принимает в китайском языке следующий вид: 波德扎狄尔金娜.

- прием перевода: транскрипция. Поясним использование приема транскрипции при переводе АМ **Подзатылкина**: 波德扎狄尔金娜 Используемые иероглифы не связаны по смыслу и не содержат метафорического образа исходной модели ГИ: 1 – волна, 2 – этика, 3 – уколоться, 4 – варвар, 5 – ты, 6 – золото, 7 – нежный;

- тип транскультурной модификации модели говорящего имени - нейтрализация, приводящая к адекватному переводу и ослаблению юмористической интенции автора.

Пример №17: **Хрюкин** / 赫留金

- фрагмент текста оригинала: *В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера **Хрюкина**.*

- тип метафорической модели оригинала: ассоциативный;

– перевод фрагмента на китайский язык: 奥楚蔑洛夫认出这个人就是首饰匠赫留金;

– способ перевода: полная реметафоризация;

– антропонимическая метафора «*Хрюкин*» в китайской версии имеет следующий вид: 赫留金. В китайском варианте перевода иероглиф содержит компонент «золото». Мы считаем, что в данном случае имеет место семантическая компрессия, т.е. происходит «сгущение» метафорических смыслов. В данном случае в тексте оригинала мы наблюдаем расширенную метафору, которая характеризует персонаж как «золотых дел мастер Хрюкин».

– тип транскультурной модификации модели говорящего имени: переводчик подбирает иероглиф «золото», давая тем самым характеристику этого персонажа, что можно обозначить как полную реметафоризацию, т.е. гармоничный перевод, приводящий к воссозданию юмористического эффекта в дискурсе перевода.

Пример №18: **Очумелов** / 奥丘蔑洛夫

– фрагмент текста оригинала: *Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели с узелком в руках.*

– тип метафорической модели оригинала

– антропонимическая метафора, выраженная в русском языке говорящим именем **Очумелов** в китайском варианте приобретает форму: 奥丘蔑洛夫

– перевод фрагмента на китайский язык 警官奥楚蔑洛夫穿着新的军大衣，手里拿着个小包，穿过市集的广场。

– способ/прием перевода: смысловой перевод. Переводчик не просто транскрибирует АМ, создавая некий звуковой аналог оригинала, но передает идею автора, заложенную в наборе иероглифов, что в обратном переводе звучит как «третировать».

Действительно, если мы обратимся к различным значениям русского глагола *очуметь*, получим следующие значения: *обезуметь, обалдеть, оша-*

рашить, тронуться и пр. В то же время, среди значений русского глагола *третировать* обнаруживаем следующие: *презирать, оскорблять, насмехаться, тиранить, терроризировать, притеснять, обижать, выразить недовольство, тиранить*. Как видим, данные глаголы не синонимичны, но имеют сходные отрицательные коннотации, связанные с неприязненным отношением к другим людям.

– тип транскультурной модификации модели говорящего имени: реметафоризация смыслов, что приводит к порождению гармоничного перевода и воссозданию юмористического эффекта.

Подводя итог наблюдаемых нами проявлений транскультурной модификации модели АМ при ее передаче с русского языка на китайский на примере перевода юмористических рассказов А.П. Чехова, мы получаем следующие результаты, которые представлены на рисунке № 1.

- гармоничный перевод – 20%;
- эквивалентный перевод – 35%;
- адекватный перевод – 41%;
- дисгармоничный перевод – 4%.

Рисунок 1 – Результаты транскультурной модификации модели говорящего имени в русско-китайском юмористическом дискурсе А.П. Чехова

Как видим, реметафоризация ИС составляет в целом 55%. Но это не означает, что юмористические рассказы А.П. Чехова не воспринимаются китайским читателем с юмором, так как сохраняется юмористическая ситуация, юмористические действия персонажей. Метафорический антропоним является своего рода «входными воротами юмора», так как рассказы в большинстве своем начинаются с обозначения имени персонажей. Для иноязычного читателя, лишенного понимания глубинного смысла метафорического антропонима, понадобятся другие текстовые маркеры юмора.

Как показали наши наблюдения, в произведениях П.Г. Вудхауза АМ в виде говорящих имен почти не встречается, поэтому мы не включили в анализ ее проявления.

3.7.2 Транскультурная модификация модели прозвищного имени

В рамках данного параграфа проанализируем результаты транскультурной модификации прозвищного имени по текстам Вудхауза и Чехова. Поясним, что англоязычная антропонимическая метафора исследуется нами на примере ее вхождения и в русскую, и в китайскую лингвокультуры, где благодаря переводу на русский язык расширяется общезыковой фон функционирования антропонима. Заметим при этом, что прозвищное имя в процессе трансляции в другие культуры гораздо чаще поддается реметафоризации, чем говорящее имя. Можно предположить, что метафорический образ, создаваемый прозвищным именем, достаточно многогранный, что дает переводчику широкие возможности для творчества и позволяет, так или иначе, сохранить метафорические смыслы оригинала в переводном дискурсе.

В Приложении (Таблица 3) представлены результаты анализа транскультурной модификации прозвищного имени в англо-китайском юмористическом дискурсе. П.Г. Вудхауза. Таблица содержит следующую информацию:

- 1) фрагмент текста, содержащий антропонимическую метафору оригинала (английский язык);
- 2) тип метафорической модели оригинала;
- 3) фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию АМ (русский язык);
- 4) фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию АМ (китайский язык);
- 5) способ или прием перевода с английского языка на русский и китайский языки;
- 6) тип транскультурной модификации модели АМ в китайском дискурсе.

Как показал анализ, прозвищное имя в процессе трансляции в другие культуры сохраняет или воссоздает равноценный метафорический образ. В качестве примера приведем следующую метафорическую цепочку динамики прозвищного имени *Daredevil Bertie* при переводе с английского языка на русский и китайский, а также при обратном переводе с китайского языка на русский:

- прозвищное имя оригинала: *Daredevil Bertie*;
- прозвищное имя перевода на русском языке: *Сорвиголова Берти*;
- прозвищное имя перевода на китайском языке: 超胆英雄伯弟;
- прозвищное имя обратного перевода с китайского языка на русский: *суперсмелый герой, брат*.

Согласно англо-русскому словарю, прозвище оригинала *Daredevil* на русском языке имеет следующие значения: *смелый, безрассудный, отважный, бесшабашный, удалец, сорвиголова*. Словарь синонимов русского языка содержит следующие синонимы: *сумасбродный, взбалмошный человек, оторвиголова, отчаянная голова, озорник, удалец, храбрец, забияка, лихач* и др.

Как видим, исходная антропонимическая метафора, представленная прозвищным именем, успешно преобразовывается в новые метафоры как на русском, так и на китайском языках. Процесс реметафоризации способствует не только сохранению метафорического образа, но и воссозданию юмо-

ристического эффекта, что придает данному фрагменту перевода гармоничный характер.

Переходим к анализу результатов транскультурной модификации модели прозвищного имени с английского языка на китайский.

Пример №19: **Hawk-Eye**

– фрагмент текста оригинала: *You can't deceive me. Not old **Hawk-Eye** Wooster.*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с эксплицитной образностью

– фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию модели АМ (китайский язык): 你骗不了我，伍斯特的鹰眼洞察一切。
(Как глаза орла);

– способ перевода АМ: перевод корневой морфемы + транскрипция;

– тип транскультурной модификации модели АМ в переводном китайском дискурсе: полная реметафоризация, гармоничный перевод, воссоздание юмористических стереотипов.

Пример №20: **Gastric juices**

– фрагмент текста оригинала, содержащий АМ оригинала (английский язык): *God's gift to the **gastric juices** I have sometimes called him.*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с факультативной образностью;

– фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию модели АМ: 我有时候会叫他“大胃王” (Человек с большим желудком, человек, который много ест);

– способ перевода: перевод корневой морфемы+транскрипция окончания;

– тип транскультурной модификации модели АМ в переводном синоязычном дискурсе: нейтрализация, адекватный перевод, ослабление юмористических стереотипов.

Пример №21: **Soapy Sid**

– фрагмент текста оригинала, содержащий АМ: *But her bally brother, the chap whose collar buttons at the back, is known in criminal circles as **Soapy Sid**.*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с факультативной образностью;

– фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию модели АМ: 不过她那个兄弟，那个领口反着系的家伙，黑道上人称“泥鳅鱼西尼” (вьюн, угорь);

– способ перевода: создание новых метафорических образов;

– тип транскультурной модификации модели АМ в переводном синоязычном дискурсе: полная реметафоризация, гармоничный перевод, воссоздание юмористических стереотипов.

Пример №22: **Big Bear**

– фрагмент текста оригинала, содержащий АМ оригинала (английский язык): *Wasn't that what the **Big Bear** said?*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с факультативной образностью;

– фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию модели АМ: 这句是不是熊爸爸说的? (*Папа медведя*);

– способ или прием перевода: создание новых нерегулярных соответствий;

– тип транскультурной модификации модели АМ в переводном синоязычном дискурсе: полная реметафоризация, гармоничный перевод, воссоздание юмористических стереотипов.

Пример №23: **Stilton**

– фрагмент текста оригинала, содержащий АМ оригинала (английский язык): *And a third is this G. D'Arcy ('**Stilton**') Cheesewright ...**Stilton** used to be a policeman.*

- тип метафорической модели оригинала: прозвище с факультативной образностью;
- фрагмент текста перевода, содержащий транскультурную модификацию модели АМ:第三个是德艾尔斯, 绰号叫**奶酪**...**奶酪**曾做过警察的工作 (сыр)
- способ перевода: поиск регулярных соответствий;
- тип транскультурной модификации модели АМ в переводном синоязычном дискурсе: частичная реметафоризация, эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористических стереотипов.

Результаты представлены следующим процентным соотношением (рис. 2):

- гармоничный перевод – 29%;
- эквивалентный перевод – 65%;
- адекватный перевод – 6%;
- дисгармоничный перевод – 0%.

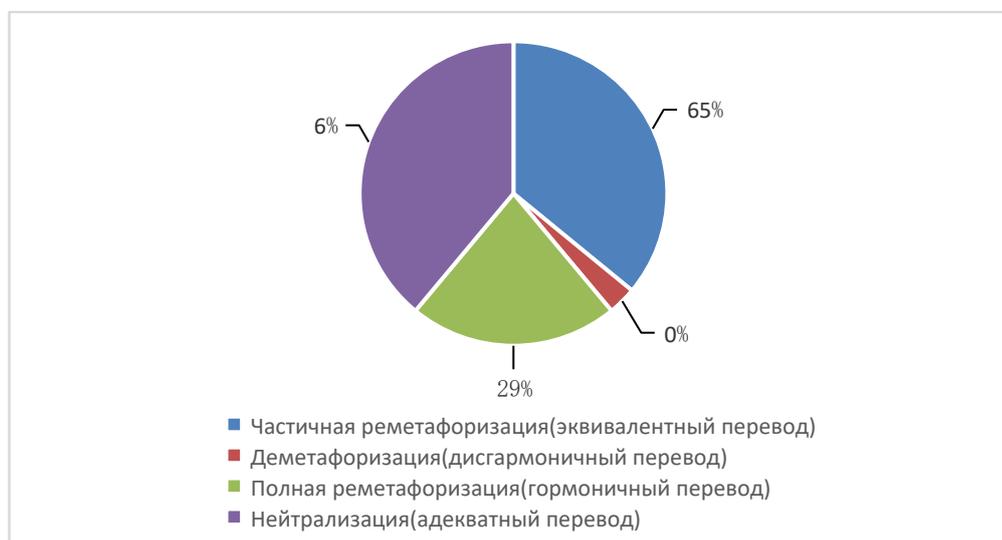

Рисунок 2 – Результаты транскультурной модификации модели прозвищного имени в англо-китайском юмористическом дискурсе П.Г. Вудхауза

Таким образом, реметафоризация прозвищного имени в англо-китайском дискурсе составляет 94%.

Переходим к анализу транскультурной модификации модели прозвищного имени в русско-китайском юмористическом дискурсе А.П. Чехова. Результаты представлены в Приложении (Таблица 4).

Пример №24: Душончик

– фрагмент текста оригинала: *Сейчас Душончик; стал я подъезжать к своей супруге, мы приедем к моему дяде Пупкину. 小宝贝儿,* ”我说, 开始向我的妻子讨好, “我们马上就要到我舅舅璞普金的家了。

В данном примере обращение-прозвище *Душончик* подразумевает нежное, трепетное отношение персонажа к своей супруге, поэтому переводчик выбирает иероглиф, обозначающий нечто драгоценное, что имплицитно заложено автором оригинала. В тексте оригинала автор создает прозвище с эксплицитной образностью. Мы считаем, что в данном случае имеет место полная реметафоризация, поэтому перевод мы признаем гармоничным, обуславливающим воссоздание юмористических стереотипов смехового поведения в переводном дискурсе.

Пример №25: Кощеев

– фрагмент текста оригинала: *Кряхтя, потя, кашляя, поминутно сморкаясь, начал он повествовать о том, как во время оно богатыри русские Кощеев колотили да на красавицах женились.*他不住地清嗓子, 冒汗, 咳嗽, 不时擤鼻涕, 讲起很早以前的俄国勇士们是怎样痛打柯谢依之流, 怎样娶美女为妻。

Как явствует из примера, в самом тексте переводчик использовал прием транскрипции, который приводит к дисгармонии и деметафоризации. Вместе с тем, он создает метатекст как самостоятельный текст, дополняющий основной, где он объясняет китайским читателям русскоязычное прозвище Кощей, под которым подразумевают пожилого человека, сухощавого, злого и всемогущего, который знает секрет долголетия. Мы констатируем, что в данном случае произошла частичная реметафоризация.

Пример №26: Бронза

– фрагмент текста оригинала, содержащего прозвищное имя: ... *уличное прозвище у него было почему-то Бронза...*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с факультативной образностью;

– фрагмент текста перевода: 更过分的是, 大家还无端端地给他起了个”

青铜“的绰号;

– способ перевода: поиск регулярных соответствий;

– тип транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: частичная реметафоризация, что приводит к эквивалентному переводу.

Пример №27: **Дурында**

– фрагмент текста оригинала, содержащего прозвищное имя: *Дурак! – говорит он. Дурандас ты! Дурында пустоголовая!*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с эксплицитной образностью;

– фрагмент текста перевода “蠢材!”他说, “你这蠢货! 没有脑筋的傻

瓜!”;

– способ перевода: поиск регулярных соответствий;

– тип транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: частичная реметафоризация – эквивалентный перевод.

Пример №28: **Семен Кривой**

– фрагмент текста оригинала, содержащего прозвищное имя: *Я ее не отвинчивал, ее мне Игнашка, Семена Кривого сын, дал;*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с эксплицитной образностью;

– способ перевода: создание новых нерегулярных соответствий (кривоглазый);

– фрагмент текста перевода 那不是俺拧下来的, 那是伊格纳希卡送给俺的, 他就是**独眼谢苗**的儿子;

– тип транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: полная реметафоризация – гармоничный перевод.

Пример №29: **Савва Стукач**

– фрагмент текста оригинала, содержащего прозвищное имя: *В бытность мою в С-м уезде мне часто приходилось бывать на Дубовских огородах у огородника Саввы Стукача, или попросту Савки;*

– тип метафорической модели оригинала: прозвище с динамической образностью;

– фрагмент текста перевода: *我住在某县的时候，常有机会到杜博沃村的菜园，在守园人那儿做客，他名叫萨瓦·斯图卡奇，或者简单点，叫萨夫卡；*

– способ / перевода: транскрипция;

– тип транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: нейтрализация – адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта.

Результаты представлены на рисунке 3 и в следующем процентном соотношении:

- гармоничный перевод – 31%
- эквивалентный перевод – 38%
- адекватный перевод – 23%
- дисгармоничный перевод – 8%

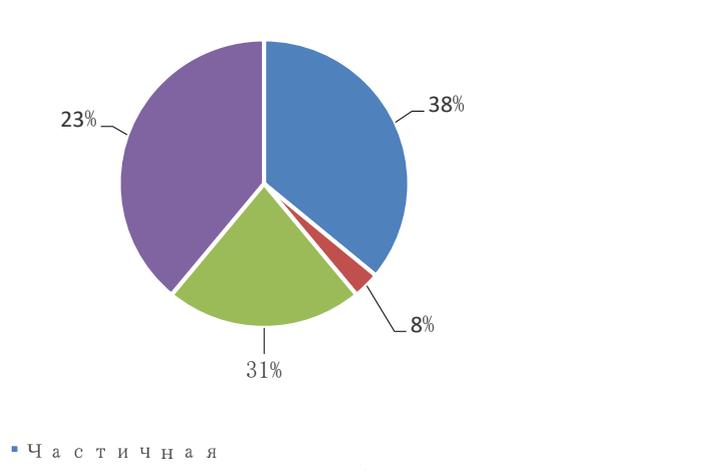

Рисунок 3 – Результаты транскультурной модификации модели прозвищного имени в русско-китайском юмористическом дискурсе А.П. Чехова

Реметафоризация прозвищного имени в русско-китайском юмористическом дискурсе составляет 69%

3.7.3 Транскультурная модификация модели прецедентного имени

В данном разделе обратимся к модели прецедентного имени. Результаты анализа представлены в Приложении №5 (Таблица 5) по юмористическому дискурсу П.Г. Вудхауза и в Приложении №6 (Таблица 6) по юмористическому дискурсу А.П. Чехова. Как показал проанализированный материал, П.Г. Вудхауз чаще обращается к прецедентным именам, чем А.П. Чехов.

Таблица 5 содержит АМ на трех языках: английском (язык оригинала), русском (язык перевода, фоновый язык), китайском (язык перевода, целевой язык). Таблица 6 содержит АМ на русском и китайском языках.

Переходим к анализу модели англоязычных прецедентных имен и их транскультурной модификации в англо-русско-китайском юмористическом дискурсе.

Пример №30: **David and Jonathan**

– фрагмент текста оригинала: *We were up at Oxford together, and our relations have always been on strictly **David and Jonathan** lines;*

– фрагмент текста перевода: *Мы с ним учились в Оксфорде и относились друг к другу прямо как **Давид и Ионафан**;*

– фрагмент текста перевода: *我们一起在牛津大学, 我们的关系一直严格按照 **大卫和乔纳森**的路线。*

Метатекст. Данные универсально-прецедентные имена отсылают читателя к тексту Библии. Ионафан был сыном первого царя народа Израиля, а Давиду; израильский пастух. Ионафан был старше Давида на 30 лет, но их связывала крепкая мужская дружба. Ионафан неоднократно спасал жизнь Давида, но сам он погиб вместе с отцом и братьями. Давид стал царем Израиля, и он воспитал сына Ионафана, благодаря которому династия продолжалась. Итак, согласно Библии, метафорическое значение прецедентных имен

Давид и Ионафан символизирует мужскую дружбу, которая связывает персонажей произведения. Переводчик сохранил прецедентные имена, которые являются универсально-прецедентными, так как текст Библии принадлежит всем народам, независимо от их религии. Мы определяем данный тип транскультурной модификации антропонимической метафоры как полную реметафоризацию, способствующую воссозданию юмористической тональности в текстах перевода.

Пример №31: **Dean Inge**

- фрагмент текста оригинала: **Of Dean Inge;**
- фрагмент текста перевода: Или у **Ральфа Инджа;**
- фрагмент текста перевода **或者英奇教长;**
- тип исходной модели АМ: национально-прецедентное;
- тип транскультурной модификации модели АМ: частичная реметафоризация, т.е. эквивалентный перевод благодаря наличию метатекста.

Согласно метатексту, это прецедентное имя относится к Уильяму Ральфу Инге (William Ralph Inge) (1860-1954), настоятелю церкви Святого Павла (1911-1934), известному как «Мрачный декан» (The Gloomy Dean) из-за своего пессимистического мышления.

Пример №32: **Robinson**

- фрагмент текста оригинала: Wasn't it **Robinson** Crusoe or someone who, when things were working out a bit messily for him...
- фрагмент текста перевода: По-моему, **Робинзон** Крузо, когда жизнь переставала гладить его по головке, ... – а может, это был не Робинзон Крузо, а кто-то другой.

我记得有位仁兄，每当情况堪忧...是鲁滨逊还是谁来着？

универсально-прецедентное имя

полная реметафоризация

Пример №33: **Nijinsky**.

– фрагмент текста оригинала: My heart did one of those spectacular leaps **Nijinsky** used to do in the Russian Ballet.

– фрагмент текста перевода: Сердце проделало головокружительный скачок, вроде тех, которыми славился русский танцовщик **Нижинский**.

我的心跳出了**尼金斯基**在俄罗斯芭蕾舞团中曾跳出的那些壮观的飞跃。

универсально-прецедентное

полная реметафоризация

Пример №34: **Shadrach, Meshach and Abednego**

– фрагмент текста оригинала: Who was the fellow - or fellows, for I believe there was more than one – who went into the burning fiery furnace? '**Shadrach, Meshach and Abednego**, sir.' 'That's right. The names were on the tip of my tongue. I read about them when I won my Scripture Knowledge prize at school.

– фрагмент текста перевода: Как звали того парня, вернее, парней, по моему там был не один, – которые вошли в печь огненную? **Седрах, Мисах и Авденаго**, сэр. Вот-вот. На языке вертится. Я еще в школе про них читал. Мне тогда вручили приз за знание Библии.

谁是个研究员——或几个研究员，因为我相信不止一个——谁进入了燃烧的火炉? “**沙得拉、米煞和亚伯尼歌**, 先生。” '这是正确的。这些名字在我的语气中。当我在学校获得圣经知识奖时，我读到了他们。универсально-прецедентное имя;

нейтрализация – адекватный перевод.

В результате анализа мы получили следующее соотношение (рис. 4):

– гармоничный перевод – 68%;

– эквивалентный перевод – 9%;

– адекватный перевод – 23%

– дисгармоничный перевод – 0%.

Иными словами, реметафоризация составляет 77%.

Рисунок 4 – Результаты транскультурной модификации модели прецедентного имени в англо-китайском юмористическом дискурсе П.Г. Вудхауза

Таким образом, реметафоризация прецедентного имени в англо-китайском юмористическом дискурсе составляет составляет 77%.

Переходим к анализу транскультурной модификации модели прецедентного имени в русско-китайском юмористическом дискурсе.

Пример №35: Емеля.

– фрагмент текста оригинала: *«Мели Емеля, твоя неделя»*. Данная паремия происходит из русского фольклора и напоминает, что в старину, в больших семьях дети по очереди занимались хозяйством (по неделям), и когда у кого-то наступал выходной, он мог много разговаривать, болтать, «молоть вздор», «молоть чепуху» и пр. Имя Емеля является ласкательным от широко распространенного имени Емельян и характеризует доброго, смекалистого, удачливого человека. Речь идет о национально-прецедентном имени, принадлежащем русской культуре, что требует от переводчика создания метатекста. В данном случае переводчик опустил АМ, и мы признаем перевод дисгармоничным.

Пример №36: Герострат и Эфиальт

– фрагмент текста оригинала: *Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папирской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я*

ябедничать любил 他们给你起了个外号叫**赫洛斯特拉托斯**，因为你用纸烟把课本烧穿一个洞。他们也给我起了个外号叫**厄菲阿尔忒斯**，因为我喜欢悄悄到老师那儿去打同学们的小报告。

универсально-прецедентное;
частичная реметафоризация, равноценная эквивалентному переводу, что обусловлен наличием метатекста.

Пример №37: **Морфей**.

Спать.... Объятия **Морфея**.

睡觉.....投入**摩耳甫斯**的怀抱。

универсально прецедентное

частичная реметафоризация – эквивалентный перевод

Пример №38: **Фемида**

– фрагмент текста оригинала: *Хорошенькая просыпается, обводит глазами публику и... бессознательно кладет головку на плечо соседа, жреца **Фемиды**...*

那个俊俏的女人醒过来了，睁开眼睛看一下四周的乘客，然后.....又糊里糊涂地把头枕在邻座乘客，一个**菲米斯**的祭司的肩膀上.....

универсально-прецедентное

частичная реметафоризация – эквивалентный перевод, так как метатекст содержит толкование антропонима Фемида – *богиня правосудия в греческой мифологии*

Пример №39: **Дульцинея**

– фрагмент текста оригинала: *Незрелые он бросал в кусты, а спелые любовно подносил на широкой серой ладони своей **Дульцинее**.*

他把不熟的丢到灌木丛里去，把熟的亲热地送到他的**杜尔西内娅**宽阔而灰白的手心里。

универсально- прецедентное

частичная реметафоризация –эквивалентный перевод, что обусловлено созданием переводческого метатекста.

Пример №40: **Достоевский**

– фрагмент текста оригинала: *«Опишите меня, Вольдемар! – говорит дамочка, грустно улыбаясьЖизнь моя так полна, так разнообразна, так пестра... Но главное – я несчастна. Я страдальца во вкусе Достоевского»*

“你描写我吧，沃尔德马尔!”那年轻女人带着忧伤的微笑说，“我的生活是那么充实，那么多样化，那么五光十色...可是主要的是一我是一个不幸的人!我像陀思妥耶夫斯基笔下那种受苦受难的女人...”

универсально-прецедентное;

полная реметафоризация – гармоничный перевод.

В результате проведенного анализа мы наблюдаем следующее соотношение (рис. 5):

- гармоничный перевод – 6%;
- эквивалентный перевод – 88%;
- адекватный перевод – 0%;
- дисгармоничный перевод – 6%.

Рисунок 5 – Результаты транскультурной модификации модели прецедентного имени в русско-китайском юмористическом дискурсе А.П. Чехова

Таким образом, реметафоризация антропонимической метафоры в русско-китайском юмористическом дискурсе составляет 94%.

В рамках третьей главы представлен качественный и количественный анализ процесса транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в юмористическом дискурсе на следующих примерах: говорящее имя в юмористических рассказах Чехова, прозвищное имя в юмористических рассказах Чехова и в юмористических романах Вудхауза, прецедентное имя в юмористических рассказах Чехова и в юмористических романах Вудхауза, Как показал исследованный материал, процесс транскультурной модификации говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, в большинстве случаев приводит к реметафоризации антропонимической метафоры, что обуславливает успешное восприятие дискурса перевода иноязычными реципиентами.

Выводы к главе 3

Исследование процесса транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, представленной говорящим именем, прецедентным именем, прозвищным именем, на материале русско-китайского и англо-китайского юмористического дискурса, позволяет сделать следующие выводы.

1. Правомерность выбора для эмпирического анализа художественного дискурса двух великих писателей XX века А.П. Чехова и П.Г. Вудхауза, создавших галерею портретных образов юмористических персонажей в виде антропонимической метафоры, обусловлена тем, что они являются достойными продолжателями классических юмористических традиций, принадлежат одной исторической эпохе, одному поколению, отражают культурные ценности своих народов, формируют метафорическую картину мира, что представляет интерес для представителей различных лингвокультур: русской, британской, китайской.

2. В центре исследования – модель антропонимической метафоры, которая выступает средством создания колоритных юмористических образов как в русскоязычном юмористическом дискурсе А.П. Чехова, так и в англоязычном юмористическом дискурсе П.Г. Вудхауза. В работе проанализированы три типа модели ГИ (ассоциативный, аллюзивный, фонетическая игра), два типа модели ПИ (национально-культурный и универсально-культурный), четыре типа модели При (имплицитный, эксплицитный, факкультативный, динамический), которые порождают юмористический эффект оригинала в виде юмористической тональности, юмористической интенции, юмористических стереотипов смехового поведения.

3. В работе введено понятие транскультурной модификации модели антропонимической метафоры, предполагающей культурный трансфер метафорических смыслов говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени из юмористического дискурса одной лингвокультуры в другую, что подразумевает четыре типа процессов: полную реметафоризацию, частичную реметафоризацию, нейтрализацию, деметафоризацию, что, в свою очередь, влечет за собой воссоздание, сохранение, ослабление, исчезновение юмористического эффекта в дискурсе перевода.

4. В работе сформулированы основные стратегии транскультурной модификации модели антропонимической метафоры в соответствии с уровнями гармонизации смыслов в переводческом пространстве, предложенными Л.В. Кушниковой. Гармоничная стратегия расценивается как полная реметафоризация, при которой текст перевода содержит эксплицитно выраженную антропонимическую метафору; выступающую результатом синергетического приращения смыслов. Эквивалентная стратегия понимается как частичная реметафоризация, которая характеризуется тем, что в тексте перевода антропонимическая метафора транскрибирована переводчиком, но он создает метатекст, объясняющий метафоричность исходного образа. В данном случае синергетическое приращение смыслов осуществляется не в самом тексте перевода, а в дополняющем его метатексте. Адекватная стратегия

трактуются как нейтрализация метафорических смыслов. Дисгармоничная стратегия описывается как деметафоризация, т.е. как переводческая ошибка, которая приводит к полному исчезновению антропонимической метафоры. Выбор переводческой стратегии при передаче антропонимической метафоры определяет характер юмористического эффекта в принимающей лингвокультуре.

5. Антропонимическая метафора транспонируется из русской и британской лингвокультур в китайскую, что обозначено в работе как транскультурная модификация. Этот процесс совершается в переводческом пространстве и осуществляется по четырем направлениям: прямая передача метафорических смыслов, косвенная передача метафорических смыслов, нейтрализация метафорических смыслов, деметафоризация.

6. Результаты качественного анализа позволили выявить следующие типы транскультурной модификации модели антропонимической метафоры: полная реметафоризация, означающая воссоздание в переводе юмористических смыслов, их гармоничный перевод и воссоздание юмористического эффекта в дискурсе перевода; частичная реметафоризация, возникающая в результате взаимодействия текста перевода и метатекста, т.е. если в тексте перевода транскрипция антропонима приводит к деметафоризации, то в переводческом метатексте имеет место частичная гармонизация смыслов, что приводит к эквивалентному переводу и частичному воссозданию юмористического эффекта; нейтрализация, т.е. адекватный перевод, когда в переводческом пространстве происходит ослабление метафорических смыслов и юмористического эффекта; деметафоризация, соотносимая с переводческой ошибкой, несоответствием, неточностью, погрешностью, что приводит к утрате метафорических смыслов и исчезновению юмористического эффекта.

7. Результаты количественного анализа транскультурной модификации трех типов моделей антропонимической метафоры таковы: говорящее имя в русско-китайском юмористическом дискурсе: полная реметафоризация со-

ставляет 20 %, частичная реметафоризация – 35 %, нейтрализация – 41%, деметафоризация – 4%; прозвищное и прецедентное имя в русско-китайском юмористическом дискурсе: полная реметафоризация –17%, частичная реметафоризация – 67%, нейтрализация – 10%, деметафоризация – 6%; прозвищное и прецедентное имя в англо-китайском юмористическом дискурсе: полная реметафоризация –52 %, частичная реметафоризация – 33%, нейтрализация – 15 %, деметафоризация – 0%. В целом мы констатируем успешную трансляцию метафорических смыслов в русско-китайском и англо-китайском юмористическом дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование посвящено изучению антропонимической метафоры в русско-китайском и англо-китайском юмористическом дискурсе и выполнено на материале юмористической прозы двух великих писателей XX века А.П. Чехова и П.Г. Вудхауза, чей юмористический талант продолжает восхищать новые поколения читателей, независимо от того, читают они его в оригинале или в переводе, так как юмор – явление общечеловеческое, он интернационален, но способы его выражения национально и культурно обусловлены. Актуальность подобного исследования обусловлена антропоцентричностью современной лингвистики, проявляющей интерес к номинации человека как ценностно значимому феномену, отражающему духовную культуру русского, британского, китайского народов.

История изучения антропонимов уходит вглубь веков. Начиная с каменного века, люди имели имя. Как писал великий русский философ А.Ф. Лосев, «и нет границ имени, нет меры для его могущества. Именем и словами держится мир» [Лосев 2009]. В общелингвистическом аспекте имя собственное обладает индивидуализирующей, идентифицирующей, дифференцирующей функциями, а в художественном дискурсе оно становится маркером конкретной культуры и формирует культурные смыслы. Совокупность имен собственных создает ономастикон художественного дискурса. В работе мы изучали антропонимикон как важнейшую часть ономастикона.

Антропонимическая метафора трактуется в работе как речевая реализация культурно значимого имени собственного, представленного в моделях говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, аккумулирующих систему национально обусловленных ценностей, образов, ассоциаций и выражающих метафорические смыслы, которые отражают метафорическую картину мира. Антропонимическая метафора изучается в работе с позиций теории когнитивной метафоры и понимается как когнитивный процесс, как ментальная операция, объединяющая две понятийные сферы: сферу ис-

точник и сферу цель. В качестве сферы источника были использованы антропонимические метафоры на русском и английском языках, а сфера цель представлена антропонимами на китайском языке. В исследуемых лингвокультурах антропонимы кодируются с помощью разных когнитивных метафор, что вызывает трудности их вторичной метафоризации при переводе в процессе транскультурной модификации исходной модели.

Юмористический дискурс трактуется в работе, вслед за В.И. Карасиком, как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2018: 898]. Изучение этнокультурной специфики юмора основано на идее, выдвинутой В.И. Карасиком, о трехчастности данного феномена, обладающего юмористической тональностью, юмористической интенцией, юмористическими стереотипами смехового поведения, которые по-разному выражаются в разных лингвокультурах.

Как показало наше исследование, в художественном юмористическом тексте и дискурсе антропонимическая метафора, будучи когнитивным феноменом, является воплощением художественного образа, раскрывающего мироощущения автора, его юмористические намерения и интенции, создающего юмористическую атмосферу ситуации общения, отражающего юмористические стереотипы смехового поведения и менталитет народа. В работе было установлено, что антропонимическая метафора является текстообразующим и дискурсообразующим элементом юмористического дискурса, своего рода знаком культуры автора и данного лингвокультурного сообщества, принимающего соответствующие модели смехового поведения. В этом заключается трудность передачи антропонимической метафоры из одной лингвокультуры в другую, что трактуется в работе как транскультурная модификация модели антропонимической метафоры. Введение данного понятия обусловлено стремлением проследить характер переводческих преобразований антропонимической метафоры в юмористическом дискурсе и выстроить их типологию в свете концепции переводческого пространства. В ходе эмпирического анализа юмористических текстов на русском и английском языках и их

переводов на китайский язык, приемом сплошной выборки было выявлено 1080 единиц АМ, что позволило разработать следующую типологию: полная реметафоризация, частичная реметафоризация, нейтрализация, деметафоризация.

Процесс транскультурной модификации исходной модели антропонимической метафоры осуществляется в переводческом пространстве, в котором вычленяются четыре уровня гармонизации смыслов: гармония, дисгармония, адекватность, эквивалентность. Согласно данной концепции, качественный – гармоничный перевод предполагает синергетическое приращение новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре, т.е. переводчик обращается к словотворчеству, фантазии, игре воображения, изобретательности, создавая новую метафору на языке перевода, соотносимую, соразмерную по смыслам метафоре оригинала. Такая позиция свойственна переводу говорящих имен и прозвищных имен. Что касается передачи прецедентных имен, их понимание опирается на фоновые и энциклопедические знания переводчика. Данный процесс мы обозначили как полная реметафоризация. Следующий выявленный нами тип – частичная реметафоризация. объяснение которой мы связываем с понятием переводческого метатекста. Частичная реметафоризация, равноценная эквивалентному переводу, обусловлена тем, что в самом тексте антропонимическая метафора переведена с помощью транскрипции, не передающей метафорический образ оригинала, но синергетическое приращение смыслов наблюдается в создаваемом переводчиком метатексте, который представлен в предисловиях, послесловиях, комментариях, ссылках, сносках и пр. Китайские читатели имеют возможность осознать метафорический смысл антропонима благодаря метатексту. При адекватном переводе метафорические смыслы нейтрализуются ввиду использования приема транскрипции, передающего лишь экзотическое звучание антропонима, что может вызвать незначительный юмористический эффект. При дисгармоничном переводе, который представлен либо опущением антропонима,

либо его ошибочным выражением, метафорический смысл исчезает, а вслед за ним, исчезает юмористический эффект.

Как показали результаты исследования, нейтрализация метафорических смыслов в дискурсе перевода, а также их деметафоризация осуществляются гораздо реже, чем полная или частичная реметафоризация, что означает успешное восприятие китайскими читателями юмористической интенции, юмористической тональности, юмористических стереотипов смехового поведения авторов, свойственных исходной модели антропонимической метафоры,

Таким образом, проведенное исследование показало, что в ономастическом пространстве художественного юмористического дискурса при переводе происходит динамическое развитие антропонимической метафоры, представленной в виде транскультурной модификации моделей говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени, влияющих на характер юмористического эффекта переводного дискурса.

В качестве перспективы исследования нам видится исследование модели антропонимической метафоры в китайско-русском и китайско-английском юмористическом дискурсе, что поможет выявить другие типы транскультурной модификации модели антропонимической метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С.С. М. Бахтин и русское отношение к юмору / С.С. Аверинцев. От мифа к литературе. М., 1983. – С. 341–345.
2. Абаева, Е.С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект / Е.С. Абаева // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. – 2018. – Т. 2. – С. 351–364.
3. Абаева, Е.С. Передача юмористического эффекта при переводе: когнитивно-прагматическая модель / Е.С. Абаева. – М., 2022.
4. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории / И.С. Алексеева. – М.: Междунар. отношения. 2008. – 184 с.
5. Алексеева, Л.М. Термин и метафора / Л.М. Алексеева. Пермь, Изд-во Пермского университета, 1988. – 250 с.
6. Алексеева, Л.М. Термин и метафора / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. – 250 с.
7. Алексеева, Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект) / Л.М. Алексеева. Пермь: Изд-во Прем. гос. нац. исслед. ун-та, 2013. – 189 с.
8. Алексеева, Л.М. Теоретические и прикладные аспекты моделирования метафоры / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований. – Москва – Тамбов – Челябинск, 2016. – С. 59–62.
9. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С.645–680.
10. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.136–137.
11. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–33.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова // Языки славянской культуры. – М., 1999. – 896 с.
13. Аттардо, С. Миф о непреднамеренном юморе / С. Аттардо // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 4–14.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 605 с.
15. Баженова, Е.А. Речевая реализация комического эффекта в дискурсе утреннего радио-шоу / Е.А. Баженова, И.А. Сычева // Стереотип-

ность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2013. – Вып. 17. – С. 173–181.

16. Бандурина, С. Особенности интерпретации феномена комического в историко-литературном и философском аспектах / С. Бандурина // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – Иваново, 2011. – С. 68–73.

17. Баранов, А.Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафористики / А.Н. Баранов, О.В. Михайлова, Е.А. Шипова. – М., 2006. – 84 с.

18. Бахтин, М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. литература, 1975. – С.484–495.

19. Белозерова, Н.Н. Когнитивные модели дискурса / Н.Н. Белозерова, Л.Е. Чуфистова. – Тюмень, 2004. – 256 с.

20. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон. – М.: Панорама, 2000. – 604 с.

21. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–173.

22. Болдырев, Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований. – Москва – Тамбов – Челябинск, 2014. – С. 42–47.

23. Бондалетов, Б.Д. Русская ономастика / Б.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

24. Бородина Л.В. Антропоцентризм юмористического дискурса (на материале русских и французских анекдотов). дисс... канд. филол. наук, Волгоград, 2015. – 214 с.

25. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – 215 с.

26. Будаев, Э.В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1. – С.8–27.

27. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т.А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

28. Вандриес, Ж. Язык / Ж. Вандриес. – М.: Соцгиз, 1957. – 407 с.

29. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева. – М., 2005. – 224 с.

30. Васильева, Н.В. Антропонимические метафоры в газетно-публицистическом дискурсе: функциональный аспект / Н.В. Васильева // Вестник ТГПУ, 2013. – № 3 (131). – С 157–160.
31. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – 207 с.
32. Введение в синергетику перевода: колл. монография / под ред. Л.В. Кушниковой. – Пермь, 2014. – 278 с.
33. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133–153.
34. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая // Языки русской культуры. – М., 1997. – 411 с.
35. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.
36. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
37. Винокур, Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Г.О. Винокур. – М., 1990. – 455 с.
38. Влавацкая, М.В. Языковые особенности создания комического эффекта в аспекте сочетаемости слов / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1, ч. 2. – С. 94–99.
39. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 1986. – 416 с.
40. Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода. дисс... д-ра филол. наук, Мытищи, 2022. – 467с.
41. Воронин, С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
42. Воронцов, Р.О. Ономастическая метафора в русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук / Р.О. Воронцов. – СПб, 2012. – 238 с.
43. Воронцов, Р.И. Толковый словарь большого типа как инструмент описания имени собственного / Р.И. Воронцов // Слово. Словарь. Словесность. Динамические процессы в языке и речи. – СПб: САГА, 2016. – С. 88–92.
44. Воропаев, Н.Н. Прецедентное имя в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Воропаев. – М., 2012. – 315 с.
45. Гак, В.Г. Асимметрия / В.Г. Гак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 2000. – С.47.

46. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 2007. – 144 с.
47. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
48. Гопин, Лю Отражение культурных характеристик в российских и китайских именах / Лю Гопин // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 4 (25). – С. 154–156.
49. Горбушина, М.М. Семантические характеристики терминов-антропонимов / М.М. Горбушина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – 2008. – Т. 3. – С. 143–145.
50. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М., 2003. – 288 с.
51. Даутова, Г.Х. Теоретическое обоснование когнитивной модели как объекта научного исследования / Г.Х. Даутова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах: Матер. II межд. научн. конф. Челябинск. Изд-во ЧелГУ. – С. 24-27.
52. Демидова, З.В. Отражение характерных черт менталитета россиян в юмористическом дискурсе периода вакцинации от COVID-19 / З.В. Демидова, П.В. Середа, Е.И. Соболева // Русистика без границ. – София, Болгария, 2022. – № 2. – С.15–23.
53. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.
54. Дмитриев, А.В. Смех: социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сыченв. – М., 2005. – 592 с.
55. Дмитриев, А.В. Социология юмора / А.В. Дмитриев. – М., 1996. – 214 с.
56. Дрожащих, Н.В. Введение в динамическую синергетику языка / Н.В. Дрожащих. – Тюмень: ТюмГУ, 2018. – 211 с.
57. Еремина, О.В. Когнитивная функция метафоры: оценка со стороны наблюдателя / О.В. Еремина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 64–69.
58. Ермолович, Д.И. Имя собственное на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
59. Журавлев, А.П. Звук и смысл: кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / А.П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 155 с.
60. Зайцева, Е.Л. Метафорическая репрезентация концепта «терроризм» в тексте англоязычных таблоидов / Е.Л. Зайцева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3. – С.76–80.

61. Иманкулова, Р.М. Поэтика имени в ранней прозе А.П. Чехова: зоологический ономастикон / Р.М. Иманкулова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158. – С. 126–132.
62. Иная ментальность / В.И. Карасик [и др.]. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
63. Карасев, Л.В. Парадоксы смеха / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – М., 1989. – № 5. – С. 47–65.
64. Карасев, Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасев. – М., 1996. – 224 с.
65. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
66. Карасик, В.И. Алгоритмы построения комических текстов / В.И. Карасик // Вестник РУДН. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 895–918.
67. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
68. Карташова, И.Ю. Прозвища как явление русского устного народного творчества / И.Ю. Карташова. – М., 1985. – 192 с.
69. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33–44.
70. Катермина, В.В. Имя собственное в художественном тексте. На материале русского и английского языков / В.В. Катермина. – М.: Флинта, 2020. – 100 с.
71. Катермина, В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) / В.В. Катермина. – М.: Флинта. Наука, 2016. – 224 с.
72. Кашкин, В.Б. Метакогнитивные исследования перевода / В.Б. Кашкин // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – СПб, 2009. – Вып. 10. – С. 230–242.
73. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. пер. с франц. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс». – 2002. – 416 с.
74. Ковалева, А.С. Юмористическая специфика оригинальной и переводной версии кинофильма Л.И. Гайдая «Бриллиантовая рука» / А.С. Ковалева, М.В. Влавацкая // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сборник материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2019. – С. 134–141.
75. Ковалева, М.С. Английские антропонимы и их лексикографическое представление: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.С. Ковалева; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.]. – Самара, 2015. – 23 с.

76. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. – М.: Флинта. Наука, 2013. – 820 с.

77. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2004. – 420 с.

78. Кондрашова, В.Н. Лингвокультурологический аспект юмористического использования библеизмов в рассказах П.Г. Вудхауза [Электронный ресурс] / В.Н. Кондрашова // Труды СПб гос. ин-та культуры, 2007. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-yumoristicheskogo-ispolzovaniya-bibleizmov-v-romanah-pg-vudhauza> (дата обращения: 06.11.2022).

79. Корнилов, А.О. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

80. Котюрова, М.П. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений / М.П. Котюрова, Н.В. Соловьева. – Пермь, 2017. – 204 с.

81. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

82. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Кн. дом «Либроком», 2016. – 160 с.

83. Кудрявцева, А.А. Имя собственное как объект метафоризации / А.А. Кудрявцева // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 55–59.

84. Кудряшева, Ф.С. Прецедентное имя как проявление интертекстуальности в художественном тексте (на материале романа А. Макина «Французское завещание» / Ф.С. Кудряшева // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, № 3. – С. 693–697.

85. Кудряшева, Ф.С. Имя собственное в художественном тексте как средство создания языковой картины мира / Ф.С. Кудряшева, Л.А. Фатыхова // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 22, № 11. – С. 294–295.

86. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1962. – С. 251–266.

87. Курицкая, Е.В. Исторический путь развития английской антропонимики / Е.В. Курицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8 (74), ч. 1. – С. 96–100.

88. Кушнина, Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Кушнина. – Челябинск, 2004. – 35 с.

89. Кушни́на, Л.В. Межкультурный диалог как сущностное свойство процесса перевода в свете синергетического подхода / Л.В. Кушни́на, Л.В. Енбаева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сборник статей междунар. науч. конф. – Челябинск, 2008. – Т. 3. – С. 558–564.
90. Кушни́на, Л.В. Синергетическая системность в переводе в аспекте междисциплинарных исследований / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2013. – Вып. 17. – С. 116–124.
91. Кушни́на, Л.В. Когнитивные механизмы перевода / Л.В. Кушни́на, А.И. Криворучко, А.О. Ушакова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Ассоциация лингвистов-когнитологов», 2016. – № 3. – С. 85–95.
92. Кушни́на, Л.В. Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2017. – Вып. 21. – С.23–31.
93. Лаврентьева Е.С. Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе / Е.С. Лаврентьева // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2015. – №3. – С. 60–72.
94. Ларина Т.Ю. Концептуальная метафора как средство связности высказывания и текста // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – №6. – С. 207-214.
95. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.
96. Леонович, О.А. В мире английских имен / О.А. Леонович. – М., 2002. – 160 с.
97. Литвинова, М.Н. Говорящее имя собственное как объект перевода / М.Н. Литвинова, Ю.Н. Пинягин // Евразийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 4. – С. 76–79.
98. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М., 2009. – 300 с.
99. Лотман, Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство – СПб, 2004. – 703 с.
100. Лю Суин Актуальные вопросы переводоведения в Китае / Суин Лю, О.Ю. Яценко // Язык в сфере профессиональной коммуникации: материалы междунар. науч.- практ. конф. преподавателей, аспирантов, студентов. – Екатеринбург: УрФУ, 2020. – С. 222–225.
101. Манаенко, Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г.Н. Манаенко // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2008. – Вып. 12. – С.48–61.

102. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – М., 2008. – 272 с.
103. Метафора в дискурсе: учеб. пособие / Л.М. Алексеева, Н.П. Ивинских, С.Л. Мишланова, С.В. Полякова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. науч.-иссл. ун-та, 2013. – 240 с.
104. Миллер, Дж. Образы и модели уподобления и метафоры / Дж. Миллер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–284.
105. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский; пер. с англ. М.А. Дмитриевской // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 284–309.
106. Минченков, А.Г. Когниция и эвристика в переводческой деятельности / А.Г. Минченков. – СПб.: Антология. 2007. – 256 с.
107. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Моск. лицей, 1996. – 208с.
108. Миронова, Т.П. «Говорящие» фамилии в художественном тексте: переводить или транскрибировать / Т.П. Миронова // Язык, культура, коммуникация: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Орел, 2020. – С. 273–280.
109. Мишланова, С.Л. Метафора в научно-популярном дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) / С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. – 428 с.
110. Мишланова, С.Л. Системный подход в дискурсивных исследованиях / С.Л. Мишланова, Т.М. Пермякова // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2007. – Вып.11. – С.351–358.
111. Моисеенко, Л.В. Лингвокогнитивные основы прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Моисеенко. – М., 2015. – 403 с.
112. Москвин, В.П. Русская метафора / В.П. Москвин. – М.: Ленанд, 2006. – 184 с.
113. Мурзин, Л.Н. Основы дериватологии / Л.Н. Мурзин. – Пермь, 1984. – 56 с.
114. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
115. Назмутдинова, С.С. Гармоничность как метод оценки качества перевода / С.С. Назмутдинова // Проблемы теории, практики и методики перевода: материалы I Междунар. науч. конф. 9–11 апреля 2007 г. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. – Н. Новгород: Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. – Вып. 9. – С. 26–27.

116. Нахимова, Е.А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафора / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 2 (22). – С. 44–48.
117. Новикова, А.А. О художественных переводах А.П. Чехова в Китае [Электронный ресурс] / А.А. Новикова, Ли Цзин // Евразийский союз ученых. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hudozhestvennyh-perevodah-proizvedeniya-a-p-chehova-v-kitae> (дата обращения: 27.09.2022).
118. Новикова, В.П. Метафорическое отражение проблем миграции в публицистическом дискурсе / В.П. Новикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3. – С.141–147.
119. Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. XXII. – 472 с.
120. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
121. Петрова, Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков / Е.С. Петрова. – М. – СПб., 2011. – 308 с.
122. Пищальникова, В.А. Общее языкознание / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин М.: «Р.Валент», 2017. – 480 с.
123. Пластинина, Н.А. Понятия текста, периферийного текста в современной отечественной лингвистике / Н.А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 1 (15). – С. 50–61.
124. Плешков Е.С. Специфика образов языкового сознания у носителей разных субкультур (на материале имен собственных). дисс. ...канд филол. наук, Челябинск, 2021. – 176 с.
125. Плотников, И.В. Метафорические модели и их переводческие трансформации в художественном тексте: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Плотников. – Екатеринбург, 2019. – 277 с.
126. Погребняк, Г.А. Личные имена в романе М.Г. Успенского «Там, где нас нет» / Г.А. Погребняк // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – М., 2008. – Т. 3. – С. 402–405.
127. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М., 1978. – 198 с.
128. Полякова, Н.А. Топология поэтической метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Полякова. – М., 2009.
129. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

130. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
131. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 288 с.
132. Проскурина, А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Проскурина. – Самара, 2004. – 203 с.
133. Пшенкина, Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика / Т.Г. Пшенкина. – Барнаул, 2005. – 240 с.
134. Разумахина, К.Ю. Художественный мир произведений П.Г. Вудхауза и английская юмористическая традиция: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.Ю. Разумахина. – Н. Новгород, 2018. – 26 с.
135. Раскин, В. Семантические механизмы юмора / В. Раскин. – М., 1985. – С.325–335.
136. Ремхе, И.Н. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / И.Н. Ремхе. – Уфа, 2021. – 47 с.
137. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: МО, 1974. – 216 с.
138. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.435–456.
139. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416–434.
140. Сайфуллина, А.Д. Проблемы перевода имен собственных в художественном дискурсе / А.Д. Сайфуллина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Междунар. науч. конф. – Челябинск, 2018. – Т. 2. – С. 93–98.
141. Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ. Восток-Запад, 2006. – 448 с.
142. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ / А.М. Селищев // Избранные труды. – М., 1968. – С. 97–198.
143. Семенова, Е.Е. Когнитивное обоснование юмора в современной лингвистической науке / Е.Е. Семенова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 5, № 1. – С. 78–84.
144. Серебряков Е.А. Чехов в Китае // Чехов и мировая литература. М., 2005. Кн. 3. – С. 5-51.
145. Серeda П.В. Особенности политического юмора Великобритании // Научный журнал КубГАУ, 2016, №121. – С. 719–728.

146. Симашко, Т.В. Как образуется метафора (деривационный аспект) / Т.В. Симашко, М.Н. Литвинова. – Пермь, 1993. – 216 с.
147. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика / Т.Г. Скребцова. – М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. – 391 с.
148. Стаханова, И.С. Прагматика школьных прозвищ: дис. ... канд. филол. наук / И.С. Стаханова. – М., 2011. – 173 с.
149. Стоянова, Е.В. Метафора в контексте комического в медиатексте / Е.В. Стоянова // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 225–237.
150. Суворова, М.В. Особенности метафорической репрезентации знания о космосе в разных типах тестов / М.В. Суворова, С.Л. Мишланова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 1. – С. 25–34.
151. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 368 с.
152. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: сб. науч. ст. – М., 1988. – С. 173–204.
153. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме. Онтология, методология, аксиология: колл. монография / под общ. ред. Л.В. Кушнина. – М.: Флинта: Паблик, 2020. – 336 с.
154. Уфимцева, Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности / Н.В. Уфимцева // (Нео) психоллингвистика и (психо) лингвокультурология. Новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкина, В.В. Красных. Н.В. Уфимцева; под ред. В.В. Красных. – М.: Гнгозис, 2017. – С. 21–96.
155. Филиппова, М.М. Жанры саркастических высказываний в английском языке / М.М. Филиппова // Когнитивная лингвистика. Новые проблемы познания. – М. – Рязань, 2007. – С. 233–244.
156. Флоренский, П.А. Малое собрание сочинений / П.А. Флоренский. – М., 1993. – 319 с.
157. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
158. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – М., 1997. – 317 с.
159. Хамаева, Е.А. Китайские антропонимы / Е.А. Хамаева. – М., 2020. – 272 с.
160. Хамитова, Д.М. Поэтическая ономастика произведений для детей / Д.М. Хамитова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагма-

тическом и культурологическом аспектах: сборник статей межд. науч. конф. – Челябинск, 2008. – Т. 3. – С. 481–483.

161. Харченко, В.К. Функции метафоры: учеб. пособие / В.К. Харченко. – Воронеж, 1992. – 86 с.

162. Чернявская, В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления / В.Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2002. – С.122–136.

163. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. – СПб: Наука, 2004. – 127 с.

164. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. М.: Ленанд, 2014. – 200 с.

165. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств, фамилий / В.К. Чичагов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.

166. Чудинов, А.П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4 (013). – С. 54–57.

167. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

168. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

169. Чуковский, К.И. Я думал, чувствовал, я жил. Воспоминания о Маршаке / К.И. Чуковский. М.: Советский писатель, 1988. – 590 с.

170. Шабунина, Э.В. Комизм персонажа и его роль в вербализации комического в цикле романов П.Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере / Э.В. Шабунина // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2003. – Вып. 2. – С. 85–92.

171. Шабунина, Э.В. Природа комического в романах П.Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере: дис. ... канд. филол. наук / Э.В. Шабунина. – СПб, 2016. – 316 с.

172. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

173. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика. Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

174. Шебалов, Р.Ю. Ономастическая игра в художественном тексте: На материале ранних рассказов А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.Ю. Шебалов. – Екатеринбург, 2004. – 219 с.

175. Широких, Е.А. Прецедентные феномены в англоязычном юмористическом дискурсе / Е.А. Широких // Вестник УдмГУ. – 2015. – Т. 25. – Вып. 3. – С. 145–150.

176. Шитиков, П.М. Опыт комплексного анализа концептуальной метафоры: от оригинала к переводу / П.М. Шитиков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 57–62.
177. Шмелева, Е.Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 143 с.
178. Шнейдер, М.Е. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творч. освоение / М.Е. Шнейдер // АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
179. Щетинин, Л.М. Слова, имена, вещи: Очерки об именах / Л.М. Щетинин. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 222 с.
180. Щурина, Ю.В. Классификация комических речевых жанров / Ю.В. Щурина // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2014. – № 2. – С 39–43.
181. Эртнер, Д.Е. История становления метафорологии как науки: методологические контуры интерпретации / Д.Е. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – Т. 1, № 4 (4). – С.167–174.
182. Языкознание // Большой Энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 1998. – 682 с.
183. Ян, Ли Комизм в одноактной пьесе А.П. Чехова «Предложение и его реконструкция при переводе на китайский язык / Ли Ян, Хайтоо Шэн // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2016. – № 1. – С. 81–92.
184. Ян, Хуэй Национально-культурная семантика русских и китайских антропонимов / Хуэй Ян, Юй Чжан, М.С. Соловьева // Вестник СВФУ. – 2017. – № 1 (57). – С. 135–146.
185. Black, M. Models and Metaphors / M. Black. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1962. – 267 p.
186. Delisle, J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction / J. Delisle // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction. – 2014. – № 21. – P. 37–60.
187. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
188. Lederer, M. La traduction aujourd'hui / M. Lederer // Hachette FLE. – 1994. – 224 p.
189. Panchon Idalgo, M. La paratraduction en espagnol de l'oeuvre de Robert Desnos / M. Panchon Idalgo // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction. – 2014. – № 22. – P. 137–148.

190. Turner, M. Metaphor, Metonymy, and Binding / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor, Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. – Barcelona – Berlin, 2000. – P. 133–145.
191. 刘建中. 试论契诃夫短篇小说的艺术特色[J] // 国外文学. – № 3. – P. 18–39.
192. 刘研. 契诃夫与中国现代文学[J] // 中文自学指导. – 2003. – № 5. – P. 48–48.
193. 戈宝权. 契诃夫和中国[J] // 文学评论. – 1960. – № 1. – P. 13.
194. 李亘. 俄语人名的普通名词化研究. 东北师范大学. – 2018. – 70 p.
195. 生辉. 汉语人名词语意义泛化研究[D] // 山东师范大学. – 2009.
196. 杨丽忠. 专有名词中的人名研究[J] // 术语标准化与信息技术. – 2005. – № (3). – 5 p.
197. 付吟露. 专有名词汉译规范化问题讨论. 天津大学, 论文. – 2012. – 46 p.
198. 黄亚萍. 汉语人名的意义泛化研究[D] // 南京师范大学, 论文. – 2015.
199. 李睿. 汉语名祖词及名祖短语的结构语义研究[D] // 武汉大学. – 2018.
200. 杨丽忠, 李书文, 齐援朝. 人名的语言学研究[J] // 长治学院学报. – 2004. – Vol. 21 (003). – P. 56–59.

Источники иллюстративного материала

1. Чехов, А.П. Юмористические рассказы / А.П. Чехов. – М.: Эксмо, 2021. – 320 с.
2. Чехов, А.П. Большое собрание юмористических рассказов в одном томе / А.П. Чехов. – М.: ЭКСМО, 2018.
3. Wodehouse, P.G. Stiff upper lip, Jeeves / P.G. Wodehouse. London, –
4. Wodehouse, P.G. The Inimitable Jeeves / P.G. Wodehouse. London, – 1923.
5. Wodehouse, P.G. Right Ho, Jeeves / P.G. Wodehouse. –
6. Wodehouse, P.G. Much Obligated, Jeeves / P.G. Wodehouse. – London,
7. Wodehouse, P.G. Jeeves in the Offing / P.G. Wodehouse. London, – 1960.
8. Wodehouse, P.G. Aunts aren't gentlemen / P.G. Wodehouse. – London,
9. Вудхауз, П.Г. Держим удар, Дживс / П.Г. Вудхауз. пер. с английского И. Шевченко. М. – 2017. – 256 с.
10. Вудхауз, П.Г. На помощь, Дживс / П.Г. Вудхауз. пер. с английского А.Балясникова. М. – 2018. – 384 с.

11. Вудхауз, П.Г. Этот неподражаемый Дживс / П.Г. Вудхауз. пер. с английского А.Балясникова. –2021. – 320 с.

12. Вудхауз, П.Г. Ваша взяла, Дживс! / П.Г. Вудхауз. пер. с английского И. Шевченко. М. – 2004. – 288 с.

13. Вудхауз, П.Г. Тысяча благодарностей, Дживс / П.Г. Вудхауз. пер. с английского А.Мотылевой и Л.Мотылева. М. –2019. – 256 с.

14. Вудхауз, П.Г. Тетки – не джентльмены П.Г. Вудхауз. пер. с английского Н. Васильевой. М. –2021. –256 с.

15. 莫泊桑, 契诃夫, 欧·亨利短篇小说集. 李慧泉译[M] // 江西人民出版社, 2018. – 336p.

16 契科夫小说全集. 汝龙译 // 人民文学出版社, 2019. – 5549p.

17. 契科夫中短篇小说全集. 王守仁等译 // 上海译文出版社, 2021. – 2544p.

Переводы П.Г. Вудхауза на китайский язык

18. 万能管家吉夫斯. 王林园译 // 江苏凤凰文艺出版社, 2018. – 1375 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Транскультурная модификация модели говорящего имени (на материале рассказа А.П. Чехова «Говорящая фамилия»)

Антропони- мическая ме- тафора ори- гинала – РЯ	Первый вариант перевода на КЯ Переводчик <i>Ли Хуэйцюань</i>		Второй вариант перевода на КЯ Переводчик <i>Ван Шоужэнь</i>	
	Способ перевода	Тип транскультурной модификации АМ / характер юмористического эффекта	Способ перевода	Тип транскультурной модификации АМ / характер юмористического эффекта
Кобылин	纵马琳 перевод корневой морфемы: <i>конь</i> <i>/лошадь</i> + транскрипция оконча- ния русского имени	нейтрализация метафорических смыслов= адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	科贝林 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод (переводческий метатекст)	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребцов	公马波槽福 перевод корневой морфемы: <i>конь</i> + транскрипция окончания русского имени	деметафоризация (переводческое несоответствие) = дисгармоничный перевод, исчезновение юм. эффекта	热列布措夫 транскрипция АМ в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребятников	公马柔尼科夫 перевод корневой морфемы: <i>конь</i> + транскрипция окончания русского имени	деметафоризация (переводческое несоответствие) = дисгармоничный перевод, исчезновение юм. эффекта	热列布亚特尼科夫 транскрипция АМ в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Кобылицин	母马贝利岑 перевод корневой морфемы: <i>кобыла</i> + транскрипция оконча- ния русского имени	Полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции авто- ра	科贝利岑 транскрипция АМ в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Кобылятников	母马柔尼科夫 перевод корневой морфемы: <i>кобыла</i> + транскрипция оконча- ния русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции авто- ра	科贝利亚特尼科夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Кобелев	狗倍烈夫	нейтрализация метафорических	科别列夫	частичная реметафоризация

	перевод корневой морфемы: <i>собака</i> + транскрипция окончания русского имени	смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	= эквивалентный перевод
Жеребчиков	小马布奇科 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, вос-создание юмор. интенции автора	热列布奇科夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Лошадинин	马沙基宁 перевод корневой морфемы: <i>конь/лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	洛沙季宁 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Лошаков	马沙克夫 перевод корневой морфемы: <i>конь/лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	洛沙科夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребкин	小马步金 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	热列布金 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Лошадкин	马沙得金 перевод корневой морфемы: <i>конь/лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	洛沙德金 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Кобылкин	母马贝尔金 перевод корневой морфемы: <i>лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = Адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	科贝尔金 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Коренной	母马诺伊	деметафоризация: переводческое	科连诺伊	частичная реметафоризация

	перевод корневой морфемы: <i>лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени (коренной тип означает самую мелкорослую лошадь)	несоответствие = дисгармоничный перевод, исчезновение юм. эффекта	транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	= эквивалентный перевод
Коренников	拉车马尼克福 перевод корневой морфемы: <i>тяговая лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени (коренные породы используют как тяжеловозы)	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	科连尼科夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Пристяжкин	перевод отсутствует	деметафоризация: переводческая ошибка = дисгармоничный перевод, исчезновение юм. эффекта	普里斯季亚日金 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребчиков	小马布奇科夫 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	热列布奇科夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребковский	小马布克夫斯基 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	热列布奇科夫斯基 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребенко	小马宾可 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	热列边科 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Лошадинский	马沙金斯基 перевод корневой морфемы: <i>конь</i> / <i>лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	洛沙金斯基 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод

Лошадевич	马沙杰维其 перевод корневой морфемы: <i>конь</i> / <i>лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции автора	洛沙杰维其 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребкович	小马科维其 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	热列布科维奇 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Кобылянский	母马李昂斯基 <i>кобыла</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	科贝梁斯基 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Табунов	群马诺夫 перевод корневой морфемы: <i>много лошадей</i> + транскрипция окончания русского имени	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмор. интенции автора	塔布诺夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Копытин	马蹄倍京 перевод корневой морфемы: <i>копыто</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	科贝丁 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Жеребовский	小马博夫斯基 перевод корневой морфемы: <i>жеребец</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	热列博夫斯基 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Коненко	骏马宁克 перевод корневой морфемы: <i>быстроногий конь</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	科年柯 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Конченко	马岑可	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод,	孔琴科	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод

	перевод корневой морфемы: <i>конь</i> / <i>лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	ослабление юмористической интенции	транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	
Жеребеев	小马别耶夫 перевод корневой морфемы: <i>жеребёнок</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, вос-создание юмор. интенции автора	热列别耶夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Кобылеев	母马列耶夫 перевод корневой морфемы: <i>кобыла</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	科贝列耶夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Меринов	阉马美利耶夫 перевод корневой морфемы: <i>кастрированная лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод, вос-создание юмористического эффекта	梅里诺夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Буланов	黄骠马布诺拉夫 перевод корневой морфемы: <i>рыжий конь с желтым оттенком</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармоничный перевод воссоздание юмор. интенции автора	布兰诺夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Чересседельников	马肚带尼克福 перевод корневой морфемы: <i>подпруга</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции	切列谢杰尔尼科夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Засупонин	马套伯宁 <i>упряжка</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической интенции	扎苏波宁 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Лошадский	马沙济慈	нейтрализация метафорических	洛沙茨基	частичная реметафоризация

	перевод корневой морфемы: <i>конь/лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической ин- тенции	транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	= эквивалентный перевод
Овсов	燕麦奥夫索夫 перевод корневой морфемы: <i>лист овса</i> + транскрипция окон- чания русского имени	полная реметафоризация = гармо- ничный перевод, вос-создание юмор. интенции автора	奥夫索夫 транскрипция АМ русского имени в целом метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Конявский	骏马夫斯基 перевод корневой морфемы: <i>быстроногий конь</i> + транскрип- ция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармо- ничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	科尼亚夫斯基 транскрипция АМ русского имени в целом + мета-перевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Лошадников	好马得尼克福 перевод корневой морфемы: <i>хо- рошая лошадь</i> + транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод, ослабление юмористической ин- тенции	洛沙德尼科夫 транскрипция АМ русского имени в целом метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Тройкин	三套马衣金 перевод корневой морфемы: <i>три коня</i> + транскрипция окончания русского имени	полная реметафоризация = гармо- ничный перевод, воссоздание юмор. интенции автора	托罗伊金 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Уздечкин	马缰绳屈其金 перевод корневой морфемы: <i>по- водья</i> + транскрипция окончания русского имени	деметафоризация (переводческая ошибка) = дисгармоничный ный перевод, исчезновение юмористи- ческой интенции	乌兹杰奇金 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Гнедов	枣红马多福 перевод корневой морфемы: <i>коричнево-красная лошадь</i> + транскрипция окончания русско- го имени	полная реметафоризация = гармо- ничный перевод воссоздание юмор. интенции автора	格涅多夫 транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Рысистый	快马希斯德乙 перевод корневой морфемы:	полная реметафоризация = гармо- ничный перевод, воссоздание	雷西斯特	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод

	быстрая лошадь+ транскрипция окончания русского имени	юмор. интенции автора	транскрипция АМ русского имени в целом + метаперевод	
Лошадицкий	好马济慈基 перевод корневой морфемы: ло-шадь+ транскрипция окончания русского имени	нейтрализация метафорических смыслов = адекватный перевод: ослабление юмористической интенции	洛沙季茨基 транскрипция АМ русского имени в целом+ метаперевод	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод

Таблица 2

Транскультурная модификация модели говорящего имени (по юмористическим рассказам А.П. Чехова)

Фрагмент текста оригинала – РЯ	Тип метафорического модели оригинала	Фрагмент текста перевода – КЯ	Способ перевода антропонимической метафоры на КЯ	Тип транскультурной модификации модели АМ
В один прекрасный вечер, не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков , сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола» «Смерть чиновника»	аллюзивный	一个美好的晚上, 一位心情美好的庶务官伊凡·德米特里· 切尔维亚科夫 , 坐在剧院第二排座椅上, 正拿着望远镜观看轻歌剧《科尔涅维利的钟声》	Червяков , 切尔维亚科夫 , транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Клоун из цирка братьев Гинц, Генри Пуркуа , зашел в московский трактир Тестова позавтракать. «Глупый француз»	ассоциативный	亨茨兄弟马戏团的丑角亨利· 普尔库阿 , 走进莫斯科的捷斯托夫饭馆吃早饭。	Пуркуа 普尔库阿 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Запойкин , как известно многим читателям, обладает редким талантом произносить экспромтом свадебные, юбилейные и похоронные речи. «Оратор»	ассоциативный	这个 扎波伊金 , 诚如许多读者知道的那样, 具有一种罕见的才能, 他擅长在婚礼上, 葬礼上, 各种各样的周年纪念会上发表即席演说。	Запойкин 扎波伊金 Транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод

Жена титулярного советника Анна Львовна Кувылдина испустила дух. «Дипломат»	фонетическая игра	九等文官的太太安娜·尔沃芙娜· 库瓦尔津娜 咽气了。	Кувылдин 库瓦尔津娜 Транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Полковник Пискарев надел фуражку и отправился в правление дороги, где служил новоиспеченный вдовец. Застал он его за выведением баланса. «Дипломат»	фонетическая игра	皮斯卡烈夫 上校就戴上帽子, 动身到铁路管理局去, 那个新丧偶的鳏夫就在那儿工作	Пискарев 皮斯卡烈夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Шипучин Андрей Андреевич, председатель правления N-ского Общества взаимного кредита, нестарый человек, с моноклем. «Юбилей»	фонетическая игра	安德莱·安德莱耶维奇· 石坡钦 ——某合股银行的董事长, 一位中年人, 戴着一只单眼镜。	Шипучин 石坡钦 транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод
Хирин Кузьма Николаевич, бухгалтер банка, старик. «Юбилей»	Ассоциативный	库兹玛·尼古拉耶维奇· 希临 ——银行的老会计	Хирин 希临 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Прочитав это письмо, дачник Павел Иванович Выходцев , человек семейный и положительный, пожал плечами и в недоумении почесал себе лоб. «На даче»	аллюзивный	别墅的住客巴威尔·伊凡内奇· 维霍德采夫 , 这个有妻子儿女而且老成持重的人, 读完这封信, 耸耸肩膀, 纳闷地搔了搔额头。	Выходцев 维霍德采夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
— Откуда вы взяли, что я женюсь? — вспыхнул Милкин . — Какой это дурак вам сказал?	аллюзивный	听到这样的问题, 弥尔金 不禁大怒: “我就要结婚了您是如何得知的, 是谁跟您说的, 究竟是哪个混帐玩意儿?” “《未婚夫与好父亲》	Милкин 弥尔金 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод

«Жених и папенька»				
Шептунов поглядел вперед и увидел перед собой поезд с парой страшных, огненных глаз... «Начальник станции»	фонетическая игра	舍普图诺夫 往前一看，瞧见前边来了一列火车，闪着两只狰狞的火眼……《站长》	Шептунов 舍普图诺夫 Транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод
Учитель военной прогимназии, коллежский регистратор Лев Пустяков , обитал рядом с другом своим, поручиком Леденцовым. «Орден»	аллюзивный	军事初级中学的教师，十四品官烈夫·普斯佳科夫居住在他的朋友列坚佐夫中尉的隔壁。	Пустяков 普斯佳科夫 Леденцов 列坚佐夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод
За столом рядом с Зиной, сидел его товарищ по службе, учитель французского языка Трамблян	ассоциативный	他的同事，法语教师 特拉姆布良 在济娜身旁坐着。	Трамблян 特拉姆布良 транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод
Через переднюю пробежал на улицу штатный смотритель уездного училища Хамов . «Экзамен на чин»	аллюзивный	某中学校长 哈莫夫 穿过前厅跑了出去。 《文官考试》	Хамов 哈莫夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод
Учитель русского Пивомедов ... пожал плечами и успокоил.	ассоциативный	俄语教师皮沃美多夫……耸耸肩膀安慰他	Пивомедов 皮沃美多夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод
В приемную входит дьячок Вонмигласов «Хирургия»	фонетическая игра	诵经士 翁米格拉索夫 走进诊室 《外科手术》	Вонмигласов 翁米格拉索夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юморической интенции автора адекватный перевод

За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин .	аллюзивный	地方自治局医院的医生不在, 到外地娶亲去了, 由医生 库里亚青 给病人诊治。	Курятин 库里亚青 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
В одну скверную осеннюю ночь Андрей Степанович Пересолин ехал из театра. «Винт»	аллюзивный	一个令人厌烦的秋夜。安德烈·斯捷潘诺维奇· 彼烈索林 从剧场出来 《牌戏》	Пересолин 彼烈索林 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
В чиновниках Пересолин узнал Серафима Звиздулина , Степана Кулакевича , Еремея Недоехова и Ивана Писулина .	фонетическая игра	彼烈索林 认出这四位文官是谢拉菲木· 兹维子杜林 , 斯捷潘· 库拉凯维奇 , 叶烈美依· 涅多耶霍夫 和伊万· 皮苏林 。	Пересолин 彼烈索林 Звиздулин 兹维子杜 Кулакевич 库拉凯维奇 Недоехов 涅多耶霍夫 Писулин 皮苏 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
В четверг на прошлой неделе девица Подзатылкина в доме своих почтенных родителей была объявлена невестой коллежского регистратора Назарьева. «Перед свадьбой»	ассоциативный	上星期的星期四, 波德扎狄尔金娜 姑娘在她可敬的父母家里被宣布为十四等文官 纳扎利耶夫 的未婚妻。《婚前》	Подзатылкина 波德扎狄尔金娜 Назарьев 纳扎利耶夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
В доме вдовы Мыриной , что в Пятисобачьем переулке, свадебный ужин. «Брак по расчету»	фонетическая игра	住在五狗胡同的寡妇 梅穆林娜 家中正在举行婚礼晚宴。 《惟利是图的婚姻》	Мырина 梅穆林娜 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод

Я с вами, папаша, всегда согласен,- говорит хриплым тенором жених Апломбов .	аллюзивный	“爸爸，我完全同意您的话，”新郎 阿普洛姆博夫 扯着沙哑的尖嗓门说	Апломбов 阿普洛姆博夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
А вы господин Блинчиков , - обращается он к телеграфисту, - вы хоть и знакомый мне, но я не позволю вам такие безобразия строить в чужом доме!	ассоциативный	而您， 布林契科夫 先生，“他转脸冲电报员说，”您虽然是我的朋友，但我不允许您在别人家里干这种不要脸的勾当！”	Блинчиков 布林契科夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
От дома вдовы Мырриной движется процессия.	фонетическая игра	一行人从寡妇 梅穆林娜 家走出来。	Мыррина 梅穆林娜 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Их было трое: портной Меркулов, городской Жратва и казначейский рассыльный Смехунов . «Капитанский мундир»	ассоциативный	他们是三个人: 裁缝 美尔库洛夫 , 警察 日拉特瓦 和司库的信差 斯美胡诺夫 . 《上尉的军装》	Жратва 美尔库洛夫 Смехунов 斯美胡诺夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Сейчас душончик, - стал я подъезжать к своей супруге, мы приедем к моему дяде Пупкину . «Оба лучше»	ассоциативный	“小宝贝儿，”我说，开始向我的妻子讨好，“我们马上就要到我舅舅 璞普金 的家了。 《半斤八两》	Пупкин 璞普金 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Недавно, во время половодья, помещик, отставной прапорщик Вывертов , угощал заехавшего к нему земелемера Катавасова . «Упразднили»	ассоциативный	不久以前，那是在春汛期间，地主 维威尔托夫 ，一个退役的准尉，设宴款待顺路来探望他的土地测量师 卡达瓦索夫 . 《废除》	Вывертов 维威尔托夫 Катавасов 卡达瓦索夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод

Их вел к себе на именины именинник Стручков .	аллюзивный	刚下了班, 正由 斯特鲁奇科夫 领着到他们家去过命名日。	Стручков 斯特鲁奇科夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
В пятницу на масляной все отправились есть блины к Алексею Иванычу Козулину .	аллюзивный	谢肉节的那个星期五大家都到阿列克谢·伊万内奇· 科祖林 家去吃煎饼。	Козулин 科祖林 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Вот от этого самого смиренного, от Курицына!	ассоциативный	就是这个最恭顺的人, 库里岑!	Курицын 库里岑 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
На скамье подсудимых заседает N...ский мещанин Сидор Шельмцов , малый лет тридцати, с цыганским подвижным лицом и плутоватыми глазками.	ассоциативный	在被告席上坐下来的是该区小市民多尔· 谢利梅措夫 , 一个三十来岁的年轻人, 有一张像茨冈人那样生动活泼的面孔和一双有点狡黠的眼睛。	Шельмцов 谢利梅措夫 транскрипция	нейтрализация: ослабление юмористической интенции автора адекватный перевод
Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели с узелком в руках.	ассоциативный	警官 奥楚蔑洛夫 穿着新的军大衣, 手里拿着个小包, 穿过市集的广场。	перевод корневой морфемы + транскрипция Очумелов 奥楚蔑洛夫	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористической интенции автора
В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина .	ассоциативный	奥楚蔑洛夫认出这个人就是首饰匠 赫留金 。	перевод корневой морфемы + транскрипция Хрюкин 赫留金	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористической интенции автора

Таблица 3

Транскультурная модификация модели прозвищного имени (по текстам Вудхауза)

Фрагмент текста оригинала АЯ	Тип метафорический модели оригинала	Фрагмент текста перевода РЯ	Фрагмент текста перевода КЯ	Способ перевода	Тип транскультурной модификации модели антропонимической метафоры с АЯ на КЯ
Jeeves placed the sizzling eggs and b. on the breakfast table, and Reginald (“ Kipper ”) Herring and I, licking the lips, squared our elbows and got down to it.	прозвище с факкультативной образностью	<i>Дживс поставил скворчащую яичницу с беконом на стол, и мы с Реджинальдом Сельдингом – по прозвищу Селедка – схватили вилки и ножи и принялись с жадностью уплетать завтрак.</i>	吉夫斯把滋滋作响的煎蛋和培根放在早餐桌上, 我和瑞吉那德 (外号“ 鲱鱼 ”) 舔了舔嘴唇, 摆正胳膊, 开始大快朵颐。	поиск регулярных соответствий и метафорических образов	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
Bertie Wooster whom I admired so at school– the boy we used to call “ Daredevil Bertie ”? –That's right.	прозвище с динамической образностью	<i>Тот самый Берти Вустер, которым я так восхищался в школе, которого все звали Сорвиголова Берти? - Да, тот самый.</i>	-我上学时崇拜的那个伯弟·伍斯特, 咱们大伙口中的“ 超胆英雄伯弟 ” (Супер смелый герой Брат)? -没错。	перевод корневой морфемы + транскрипция	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
You can't deceive me. Not old Hawk-Eye Wooster.	прозвище с эксплицитной образностью	Меня не проведешь. Ястребиный Глаз все видит.	你骗不了我, 伍斯特的 鹰眼 洞察一切 (Как глаза орла)	перевод корневой морфемы + транскрипция	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Tell me about Marmaduke . 'I don't think I know him.' 'Lord Chuffnell, idiot.' 'Is his name Marmaduke ? Well, well! How true it is that one doesn't know how	прозвище с имплицитной образностью	Расскажи мне о Мармадюке . Это еще кто такой? Лорд Чаффнелл, балда. Так его зовут Мармадюк ? Ну и ну! Вот это да! ... И я покатылся со смеху.... Очень красивое имя.	告诉我关于 马尔默杜克 的事。“我想我不认识他。”“查夫内尔勋爵, 白痴。”“他叫 马尔默杜克 吗?”	транскрипция	нейтрализация метафорических смыслов, адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта

the other half of the world lives, what? Marmaduke! '			好吧! 一个人不知道世界的另一半是如何生活的, 这是多么真实, 什么? 马尔默杜克! (Мармадьюк)		
I recognized the voice of little Seabury , and I remember feeling thankful that he had his troubles, too.	прозвище с эксплицитной образностью	Я узнал голос Малявки Сибири , и помнится, порадовался, что и у него тоже случаются неприятности.	我认出了 小西伯里 的声音, 我记得我很感激他也遇到了麻烦。 (маленький Сибири)	поиск регулярных соответствий и метафорических образов	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
Young Dwight was staring at me.	прозвище с эксплицитной образностью	Малявка Дуайт меня нахально разглядывал.	小德怀特 盯着我看。 (маленький, молодой Дуайт)	поиск регулярных соответствий и метафорических образов	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
I persevered in my efforts to uncork him. The presence in the neighbouring village of the Rev. H.P. ("Stinker") Pinker , the local curate.	прозвище с динамической образностью	-Я не оставлял усилий, старясь расшевелить Раззяву Пинкера. В соседней деревне живет преподобный Г.П. Пинкер по прозвищу Раззява , викарий, исполняющий обязанности священника.	我不遗余力地试图让他振作起来。在附近的村子里住着 外号叫“讨厌鬼”的品客 , 他是当地的牧师。(постылый человек)	создание новых нерегулярных соответствий и новых метафорических образов	полная реметафоризация = гармоничность, воссоздание юмористического эффекта
That's old Scrubby Willoughby sitting next to me. Fast wing three quarter	прозвище с эксплицитной образностью	-А вот этот, рядом со мной Коротышка Уимлоуби, отличный правый полузащитник.	那是坐在我旁边的 矮子老威洛比 , 是一名出色的右后卫。(карлик, коротышка)	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
'Chap on my other side is	прозвище с эксплицитной об-	А справа от меня Миляга Годд, пропфорвард.	我另一边的是 小伙子托	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалент

Smiler Todd, prop forward.'	разностью		德。(молодой человек)		ный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
He is known to us at the Yard as Alpine Joe , because he always wears an Alpine hat.'	прозвище с эксплицитной образностью	В Скотланд-Ярде он известен под кличкой Тирольский Джо , потому что он не расстается с тирольской шляпой.	他在院子里被我们称为 阿尔卑斯乔 , 因为他总是戴着阿尔卑斯帽子。 (высокие горы Альпы)	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
God's gift to the gastric juices I have sometimes called him.	прозвище с факкультативной образностью	« Подарок желудку » - так я обычно называл Анатоля	我有时候会叫他“ 大胃王 ”。“。(человек с большим желудком, который много ест)	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
But her bally brother, the chap whose collar buttons at the back, is known in criminal circles as Soapy Sid .	прозвище с факкультативной образностью	- Ее прелестный брат, который носит пасторский воротничок с застёжкой сзади, известен в криминальных кругах как Святоша Сид .	不过她那个兄弟, 那个领口反着系的家伙, 黑道上人称“ 泥鳅鱼西尼 ” (вьюн, угорь+ транс-крипция)	создание нового метафорического образа	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Wasn't that what the Big Bear said?	прозвище с факкультативной образностью	Это ведь Большой Медведь спросил, верно?	这句是不是 熊爸爸 说的? (Папа медведь)	создание новых нерегулярных соответствий	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
And a third is this G. D'Arcy (' Stilton ') Cheesewright ... Stilton used to be a policeman.	прозвище с факкультативной образностью	А третий – как раз д 'Арси Чеддер по прозвищу Сыр...Сыр раньше служил полицейским.	第三个是德艾尔斯, 绰号叫 奶酪...奶酪 曾做过警察的工作 (сыр)	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
Sort of Vicente Blasco What's-his-name stuff .	прозвище с имплицитной образностью	Этакий идальго Висенте –и- Бласко и как-то	就是 维森特·布拉斯科 那个 谁的 劲儿。	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное

		там-еще.			воссоздание юмористического эффекта
By the way, you've never met old Dog-Face , have you? Dog-Face , this is my cousin Bertie.	Прозвище с факкультативной образностью	Кстати, ты ведь знаком с Песьим Носом. Песий Нос - это мой кузен Берти.	对了, 你还没见过“ 狗脸 ”吧? 狗脸 , 这是我堂哥伯弟。(лицо собаки)	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
' Fish-face I' 'Eh? What?' said Cyril.	Прозвище с факкультативной образностью	Рыба! А? Что? - сказал Сирил.	“ 鱼脸! ”“呃? 什么?”西里尔问 (лицо рыбы)	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта

Таблица 4

Транскультурная модификация модели прозвищного имени (по текстам А.П. Чехова)

Антропонимическая метафора оригинала РЯ	Тип метафорической модели оригинала	Антропонимическая метафора перевода КЯ	Способ, перевода АМ с РЯ на КЯ	Тип транскультурной модификации модели АМ
Вся деревня, с легкой руки писаря, величает его « Опричник ».	прозвище с факультативной образностью	合村的人由文书带头, 一概叫他“ 狗腿子 ”。	перевод корневой морфемы + транскрипция. При обратном переводе: <i>нога собаки</i>	деметафоризация (переводческая ошибка) = дисгармоничный перевод, исчезновение юмористического эффекта
Кряхтя, потя, кашляя, поминутно сморкаясь, начал он повествовать о том, как во время оно богатыри русские Кошцев колотили да на красавицах женились.	прозвище с эксплицитной образностью	他不住地清嗓子, 冒汗, 咳嗽, 不时擤鼻涕, 讲起很早以前的俄国勇士们是怎样痛打 柯谢依 之流, 怎样娶美女为妻。	транскрипция+ метатекст переводчика: Кощей - злой, сухощавый старик, персонаж русских сказок у него есть клад и он знает секретный рецепт бессмертия	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
Я ее не отвинчивал, ее мне Игнашка, Семена-кривого сын, дал.	прозвище с эксплицитной образностью	那不是俺拧下来的, 那是伊格纳希卡送给俺的, 他就是 独眼谢苗 的儿子。	поиск регулярных соответствий; при обратном переводе: <i>кривоглазый</i>	полная реметафоризация, = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта

В бытность мою в С-м уезде мне часто приходилось бывать на Дубовских огородах у огородника Саввы Стукача , или попросту Савки .	прозвище с динамической образностью	我住在某县的时候, 常有机会到杜博沃村的菜园, 在守园人那儿做客, 他名叫萨瓦· 斯图卡奇 , 或者简单点, 叫 萨夫卡 。	транскрипция	Нейтрализация = адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта
... уличное прозвище у него было почему-то Бронза ...	прозвище с факультативной образностью	更过分的是, 大家还无端端地给他起了个“ 青铜 ”的绰号。	поиск регулярных соответствий	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Мамочка... ангел, - принялся я от восторга обнимать жену. – Зюмбумбунчик мой! Да ведь это сюрприз!	прозвище с динамической образностью	“小母亲.....天使啊!”我说, 兴奋得动手拥抱我的妻子, “我的心肝宝贝儿! 这真叫人意想不到!	создание новых метафорических образов: иероглифы соответствуют словам <i>сердце</i> и <i>печень</i> как нечто драгоценное для каждого человека, что отражено в ласковом обращении в виде прозвища	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Сейчас Душончик , -стал я подъезжать к своей супруге, мы приедем к моему дяде Пупкину.	прозвище с эксплицитной образностью	“ 小宝贝儿 , ”我说, 开始向我的妻子讨好, “我们马上就要到我舅舅璞普金的家了。	создание метафорических образов: иероглиф обозначает <i>нечто драгоценное</i>	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Дурак! – говоритон. Дурандасы! Дурында пустоголовая!	прозвище с эксплицитной образностью	“蠢材!”他说, “你这蠢货! 没有脑筋的傻瓜!”	поиск метафорических образов: иероглиф означает <i>дурак</i>	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта

Откажи ты этому пузатому лабазнику, Кацапу этакому!	прозвище с факультативной образностью	你就拒绝那个大肚子的杂货铺老板, 那个 喀查普 吧!	Транскрипция+переводческий метатекст: уничижительный термин, которым украинцы называли русских во времена царской России.	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
Никто ж не увидит, братцы! Ей же ей, не увидит! Господь вам сторицею воздаст! Борода , проводи, сделай милость, Борода ! Что ты все молчишь?	прозвище с эксплицитной образностью	反正谁也不会看见, 弟兄们! 真的谁也不会看见! 上帝会百倍地报答你们! 老头子 , 你送送我, 劳驾! 你为什么老是不说话呢?	создание метафорических образов: иероглиф обозначает <i>старик</i>	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
А ты, Сема, не сплю, говорит молодой. – Я не сплю, заикается Козлиная Бородка		“你, 谢玛, 不要睡觉..... “年轻的农民说。” 我.....我没睡觉..... “ 山羊胡子 结结巴巴地说。	поиск метафорических образов: иероглиф означает <i>эспаньолка</i>	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта
Павел Хромой , еле-еле выговаривает мужичонок, прижимая к себе ружье. – Из Кашиловки	прозвище с динамической образностью	“我叫 巴威尔·赫罗莫依 , ” 庄稼汉费力地开口说, 把枪搂在怀里, “卡希洛甫卡村的。”	транскрипция	Нейтрализация = адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта
А знаешь, как ее зовут? Уилька Чарльзовна Тфайс! Тьфу, и не выговоришь	прозвище с динамической образностью	你知道她叫什么名字? 薇尔卡·查理佐芙娜·特法依斯! 呸!念起来多么不顺口!	транскрипция	Нейтрализация = адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта

Таблица 5

Транскультурная модификация модели прецедентного имени (по текстам Вудхауза)

Антропонимическая метафора оригинала АЯ	Антропонимическая метафора перевода РЯ как фоновый	Антропонимическая метафора перевода КЯ как целевой	Тип метафорической модели АМ	Тип транскультурной модификации модели АМ, выраженной прецедентным именем
...he didn't want to marry her. He looks upon himself as a man of Destiny, you see, and feels that marriage would interfere with his mission. He takes a line through Napoleon .	Спод отказывался на ней жениться, он, видите ли, возомнил себя избранником судьбы и считает, что брак помешает ему выполнить великое предназначение. В Наполеоны метит.	斯波德也不想娶她。他自认是“天降大任”，相信婚姻会阻碍他实现使命。他想效法 拿破仑 。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
She hooked the crook of her stick over the Scottie's collar and drew him back; then addressed herself to the man, who had now begun to emerge from the ditch like Venus rising from the foam.	Зацепив пса за ошейник изогнутым концом трости, она оттащила его в сторону и потребовала ответа у стража порядка, который поднимался из канавы как Венера из пены морской.	她用手杖的钩子勾住苏梗的项圈，将它拽回身边，然后开始质问这警察。此时他刚从水沟里冉冉升起，像 维纳斯 从泡沫里现身。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
-Courage, Gussie! Think of Archimedes .	Мужайся, Тарун, вспомни Архимеда .	勇敢点，果丝！想想 阿基米德 。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
- I began to wonder if even the Mona Lisa could have found the going to sticky as I was finding it.	Наверное, даже на Мону Лизу не свалилось столько несчастий разом.	我琢磨着 蒙娜丽莎 估计也不会像我这么忙于应付。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
-I have noticed the same thing in young wives, when they are trying to kid you that Herbert or George or whatever the name may be has hidden depths	Точно так поступают и молодые жены – они пытаются убедить вас, что в душе их Герберта, Джорджа , или как там зовут их мужей такие неисповедимые	我发现初为人妻的也有这个毛病，她们想骗你说 赫伯特 还是 乔治 还是谁谁的有人所不知的内	национально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта

which the vivid and irreflective observer might overlook. Women never know when to stop on these occasions.	глубины, которых не заметит человек поверхностный и равнодушный. Увы, женщины не знают чувство меры.	涵, 那些无所用心的无聊人士很容易忽略。在这种时候女士们总不晓得见好就收。		
I've been upping with the lark this last week, to keep Kipper Herring company. He is staying with me till he can get into his new flat. You remember old Kipper? I know who you mean. Looks like Jack Dempsey . That's right. Far more, indeed, than Jack Dempsey does.	Уже неделя, как я встаю с жаворонками, чтобы составить компанию Селедке. Он сейчас живет у меня, его новая квартира еще не готова. Помнишь Селедку? Теперь вспомнила. Похож на <i>Джека Демпси</i> . Точно, даже больше, чем сам <i>Джек Демпси</i> .	上周我一直在玩儿百灵鸟, 让鲱鱼陪着我。他搬去新公寓前都会和我在一起。你记得老鲱鱼吗? 我知道你说的是谁, 是看起来像杰克·登普西的那位。没错, 他简直比杰克·登普西本人还像 杰克·登普西 。	национально-прецедентное	нейтрализация = адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта
It knocked his faith in woman for a loop, and after seething for a while he sat down and wrote her a letter in the Thomas Otway vein. You are not familiar with Thomas Otway? Seventeenth-century dramatist, celebrated for making bitter cracks about the other sex. actually I haven't steeped myself to any great extent in Thos's output.	Он навсегда утратил веру в женщин, и, покипев немного, от гнева, сел за стол и написал письмо в стиле Томаса Оттуэя . В стиле кого? Вы что, не знаете Томаса Оттуэя? Это драматург семнадцатого века прославился ядовитыми афоризмами про представительниц слабого пола. Но по правде говоря, я не слишком глубоко изучал творчество Томаса .	这让他对女人的信心大打折扣, 看了一会儿之后, 他坐下来给她写了一封 托马斯·奥特威 风格的信。你不熟悉 托马斯·奥特威 ? 十七世纪的剧作家, 因对异性的刻薄批评而闻名。实际上, 我并没有在很大程度上沉浸在托斯的作品中。	национально-прецедентное	нейтрализация = адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта
You don't get time to polish your dialogue and iron out the bugs in the plot when a woman who looks like Sherlock Holmes catches you in her son's room with your rear ele-	Тут уже не до шлифовки диалогов и состыковки сюжетных линий, когда дама с лицом Шерлока Холмса застучала вас в спальне своего сына.	当一位长着 福尔摩斯 脸的女士在她儿子的卧室里抓到你时, 没有时间研究对话和选择故事情节。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта

vation sticking out from under the dressing-table				
We were up at Oxford together, and our relations have always been on strictly David and Jonathan lines.	- Мы с ним учились в Оксфорде и относились друг к другу прямо как Давид и Ионафан .	我们一起在牛津大学, 我们的关系一直严格按照 大卫和乔纳森 的路线。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Being now about nine foot seven. What he was looking like now was King Kong .	-В нем было что-то около девяти футов и семи дюймов. Сейчас это был вылитый Кинг Конг .	现在大约九英尺七, 他现在的样子像是 金刚 。	универсально-прецедентное имя	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
My heart did one of those spectacular leaps Nijinsky used to do in the Russian Ballet.	Сердце проделало головокружительный скачок, вроде тех, которыми славился русский танцовщик Нижинский .	我的心跳出了 尼金斯基 在俄罗斯芭蕾舞团中曾跳出的那些壮观的飞跃。	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
Who was the fellow - or fellows, for I believe there was more than one - who went into the burning fiery furnace? ' Shadrach, Meshach and Abednego , sir.' 'That's right. The names were on the tip of my tongue. I read about them when I won my Scripture Knowledge prize at school.	Как звали того парня, вернее, парней, по-моему, там был не один, - которые вошли в печь огненную? Седрах, Мисах и Авденаго , сэр. Вот-вот. На языке вертится. Я еще в школе про них читал. Мне тогда вручили приз за знание Библии.	谁是那个研究员——或几个研究员, 因为我相信不止一个——谁进入了燃烧的火炉? “ 沙得拉、米煞和亚伯尼歌 , 先生。” “这是正确的。这些名字在我的语气中。当我在学校获得圣经知识奖时, 我读到了他们。	универсально-прецедентное имя	нейтрализация = адекватный перевод, ослабление юмористического эффекта
Greta Garbo , to name but one.	-Даже у Греты Гарбо .	葛丽泰·嘉宝 , 我随便举个例子	универсально-прецедентное имя	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
'Or Dean Inge .'	Или у Ральфа Инджа .	或者 英奇教长	национально-прецедентное	частичная реметафоризация
Wasn't it Robinson Crusoe or someone who, when things	По-моему, Робинзон Крузо , когда жизнь переставала гладить	我记得有位仁兄, 每当情况堪忧...是 鲁滨逊 还是谁来着?	универсально-прецедентное имя	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссозда-

were working out a bit messily for him...	его по головке, ... – а может, это был не <i>Робинзон Крузо</i> , а кто-то другой.			ние юмористического эффекта
...I didn't invent the country, said George. 'That was Columbus ...	Не я эту страну выдумал, - сказал Джордж - Это все Колумб .	“这国家不是我发现的。”乔治说, “得怪 哥伦布 。”	универсально-прецедентное имя	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
'To begin with/ said young Bingo, settling himself comfortably against the pillows and helping himself to a cigarette from my special private box, 'I must once again pay a marked tribute to good old Jeeves. A modern Solomon .	Прежде всего, - сказал Бинго, подложив под спину подушку, и закуривая сигарету из моего настольного портсигара, надо воздать должное гению Дживса. Новый Соломон!	“首先呢, “炳哥舒舒服服地倚着我的枕头, 大大方方地从我的香烟匣里拿了一支烟, ”我要再次衷心感谢老好的吉夫斯。 所罗门王在世啊 。”	универсально-прецедентное имя	полная реметафоризация = гармоничный перевод, воссоздание юмористического эффекта
and those who call the cattle home across the Sands of Dee .	Такой голос был у той Мэри , которой приходилось скликать домой стадо...	又像隔着 迪之沙 吆喝牲口回家	национально-прецедентное. в китайском переводе существует метатекст: из поэмы “Пески Де” Чарльза Кингли.	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод, частичное воссоздание юмористического эффекта

Таблица 6

Транскультурная модификация модели прецедентного имени (по текстам А.П. Чехова)

Антропонимическая метафора оригинала РЯ	Антропонимическая метафора перевода КЯ	Тип метафорической модели АМ	Тип транскультурной модификации модели АМ
Хорошенькая просыпается, обводит глазами публику и... бессознательно кладет головку на плечо соседа, жреца Фемиды ...	那个俊俏的女人醒过来了, 睁开眼睛看一下四周的乘客, 然后.....又糊里糊涂地把头枕在邻座乘客, 一个 菲米斯 的祭司的肩膀上...	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация – эквивалентный перевод, так как создан метатекст, который содержит толкование антропонима <i>Фемиды</i>
Незрелые он бросал в кусты, а спелые любовно подносил на широкой серой ладони своей Дульцинее .	他把不熟的丢到灌木丛里去, 把熟的亲热地送到他的 杜尔西内娅 宽阔而灰白的手心里。	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Представь, Софья Николаевна нашла, что сын наш похож на Париса !	你猜怎么着, 索非雅·尼古拉耶芙娜认为我们的儿子挺像 帕里斯 呢!	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Девки и ребята близко подходить боятся, всякая тварь тебя сторонится. Нет тебе другого прозвания, окромя как Каин и Ирод姑娘和男孩都不敢走近, 大家都躲着你。人家给你取得外号不是别的, 而是 该隐 和 希律 啊...	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил.	他们给你起了个外号叫 赫洛斯特拉托斯 , 因为你用纸烟把课本烧穿一个洞。他们也给我起了个外号叫 厄菲阿尔忒斯 , 因为我喜欢悄悄到老师那儿去打同学们的小报告。	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Спасите его, духи, пошлите на мои веки Морфея !	神灵们啊, 救救他吧, 派 摩耳甫斯 飞到我的眼皮上来吧!	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод

Прошла бы земля сквозь хвост кометы, что ли, Бисмарк бы в магометанскую веру перешел, или турки Калугу приступом взяли бы... или, знаешь, Нотовича в тайные советники произвели бы...	要是地球穿过了彗星尾巴, 或是 俾斯麦 改信了伊斯兰教, 或是土耳其人攻占了卡卢加, 或是 诺托维奇 当上了三品文官...	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Теперь-то он червячком глядит, убоженьким, а прежде что было! Нептун!	现在瞧他那模样活像一只小虫子, 一副穷酸相, 可他从前是什么样子啊! 是个 涅普顿!	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Спать.... Объятия Морфея.	睡觉.. 投入 摩耳甫斯 的怀抱	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
Розоперстая Аврора застаёт ещё и Гименея в Пятисобачьем переулке	当粉红色的 阿芙乐拉 光照五狗胡同时, 她还在那里碰上了 喜曼	универсально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод
«Опишите меня, Вольдемар! –говорит дамочка, грустно улыбаясь Жизнь моя так полна, так разнообразна, так пестра... Но главное – я несчастна. Я страдальца во вкусе Достоевского »	”你描写我吧, 沃尔德马尔! “那年轻女人带着忧伤的微笑说, ”我的生活是那么充实, 那么多样化, 那么五光十色...可是主要的是—我是一个不幸的人! 我像 陀思妥耶夫斯基 笔下那种受苦受难的女人...	универсально-прецедентное	полная реметафоризация = гармоничный перевод
Мели, Емеля твоя неделя	只管说你的吧, 反正没有人听你的。	национально-прецедентное	деметафоризация = дисгармоничный перевод
Не вас целую, а страдание человеческое! Помните Раскольникова ?	我吻的不是您, 我吻的是人类的苦难! 您记得 拉斯科尔尼科夫 吗?	национально-прецедентное	частичная реметафоризация = эквивалентный перевод